

2018 № 2

ISSN (online): 2222-5196

МГППУ

ПСИХОЛОГИЯ И ПРАВО

PSYCHOLOGY AND LAW

www.psyandlaw.ru

СОДЕРЖАНИЕ:

Судебная и клиническая психология в юридическом контексте

Шеховцова Е.С., Дубинский А.А.

Психологические компоненты принятия решений у психически больных лиц1-14

Кроз М.В., Ратинова Н.А.

Психологические особенности коррупционных преступников15-34

Журавлева Т.В.

Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы35-49

Психология профессиональной деятельности

Котельникова Д.А., Проничева М.М., Васильченко А.С.

Возрастная динамика высших психических функций у сотрудников силовых структур50-60

Ульянина О.А.

Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России61-76

Вачков И.В., Молчанова Д.В.

Метафора профессионального самоопределения: взаимосвязь индивидуально-личностных характеристик и выбора профессии Ювенальная юридическая психология77-88

Методологические проблемы юридической психологии

Ильина В.А.

К вопросу о предмете юридической психологии89-100

Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний

Сучкова Е.Л.

Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных101-112

Ювенальная юридическая психология

Дьячкова Ю.Е.

Социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с различным отношением к криминальной субкультуре113-125

Гульдун В.В., Сулим О.Н., Сухотин А.А.

Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть I)126-138

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Графский В.П.

Агрессивность учащихся средних и старших классов и предпочитаемые ими стили поведения в конфликтной ситуации, гендерный аспект139-152

Ошевский Д.С., Терехина С.А.

Проблема использования психологических познаний при решении семейных споров о детях в гражданском судопроизводстве153-164

Федонкина А.А.

Способность несовершеннолетних правонарушителей к принятию решений в рамках оценки уголовно-процессуальной дееспособности165-177

Психологические компоненты принятия решений у психически больных лиц

Шеховцова Е.С., младший научный сотрудник Отделения психогений и расстройств личности, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (shiha.l@mail.ru)

Дубинский А.А., младший научный сотрудник Лаборатории психогигиены и психопрофилактики, Федеральное государственное бюджетное учреждение «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)

Статья посвящена исследованию индивидуально-психологических особенностей принятия решений у лиц с психической патологией. Исследованы 99 лиц мужского пола (средний возраст = 34,1±10,6 года) со следующими психиатрическими диагнозами: органические психические расстройства (F07) (ОПР), шизофрения и шизотипическое расстройство (F20, F21), расстройства личности и поведения (F60, F61). Методический комплекс включал: тесты «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа и «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана, опросники «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой и Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой, полупроективные методики «Выявление осознанности мотивов» А.В. Ермолина и Б.П. Ильина и «Ситуационный анализ» (Булыгина В.Г., 2017). Выявлено, что наибольшей нозоспецифичностью обладают параметры «толерантность к неопределенности», «оценка условий», «когнитивная ригидность», «влечения» и «оценка результатов». В рамках ситуативного анализа было установлено влияние количества доступной информации, уровня ее неопределенности и эмоциональной насыщенности на адекватность интерпретации ситуации, количество и адекватность выдвигаемых альтернатив, социальную приемлемость ответов.

Ключевые слова: принятие решений, ситуационный анализ, лица с психической патологией.

Для цитаты:

Шеховцова Е.С., Дубинский А.А. Психологические компоненты принятия решений у психически больных лиц. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018 (8). №2. С. 1-14.
doi: 10.17759/psylaw.2018080201

For citation:

Shekhovtsova E.S., Dubinsky A.A. Psychological components of decision-making in mentally ill persons. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 1-14.
doi: 10.17759/psylaw.2018080201

Введение

Определение диагностически значимых переменных, отражающих способность индивида к осознанному выбору, является актуальной проблемой судебной психиатрии и медицинской психологии.

В рамках клинической психологии принятие решения рассматривается как один из компонентов, обеспечивающих произвольную регуляцию деятельности и поведения, и соотносится как со смысловым уровнем, включающим целеполагание, так и с операционально-техническим уровнем, связанным с выбором способов достижения целей, составлением конкретных программ действий, их оценкой и гибким реагированием в текущей ситуации [5].

Во многом специфика протекания процесса принятия решений определяется личностными изменениями, сопутствующими той или иной психической патологии. Однако существуют и общие закономерности, связанные с нарушением познавательных процессов, а именно невозможностью целостно воспринять и проанализировать ситуацию выбора, в том числе ее социальный и эмоциональный контекст, удерживать на ней внимание и неспособностью извлечь из прошлого опыта модели поведения в альтернативных ситуациях. Также для различных видов психической патологии характерны сходные изменения мотивационной (нарушение иерархии мотивов, наличие патологических мотивов, различие между смыслообразующей и побуждающей функциями мотива) и личностной сферы (чрезмерно высокий уровень интолерантности к неопределенности, особенности восприятия себя и окружающего мира) [8].

Изучение особенностей принятия решений находится в тесной связи с оценкой способности индивида к саморегуляции и самоконтролю своего поведения. В качестве основных индивидуально-психологических характеристик, отражающих эффективность функционирования регуляторной системы и процесса принятия решений, в частности, выделяются склонность к риску, импульсивность, способность воспринимать и интерпретировать контекст ситуации выбора, продуцировать различные альтернативы вариантов развития ситуации. Также в качестве фактора, оказывающего влияние на принятие решений, рассматривается способность распознавать эмоциональное состояние и понимать особенности межличностных взаимодействий других лиц [1; 2]. Так, у лиц с органическими психическими расстройствами (ОПР) процесс принятия решения нарушается вследствие когнитивных нарушений (конкретность мышления, неспособность оперировать абстрактными понятиями, ригидность психических процессов, снижение объема и концентрации внимания, нарушения запоминания и воспроизведения прошлого опыта), неадекватной оценки ситуации, отсутствия целостного ее восприятия, фиксированности на конкретных ее составляющих и ограниченной способности к выдвижению адекватных целей и способов ее достижения. Это приводит к снижению контроля за своим поведением, предпочтению простых задач, возрастанию влияния

ситуативных факторов и риска возникновения агрессивных реакций [2; 3; 9]. Риск нарушений принятия решения возрастает при возникновении непривычной ситуации, требующей осуществления выбора в ограниченный временной период, или при возрастании субъективной неопределенности ситуации [2; 11].

Для больных шизофренией и шизотипическим расстройством ведущим звеном в нарушении процесса принятия решений являются обусловленные патологией мотивационной сферы (бессистемность и неустойчивость иерархии мотивов, сужение круга смысловых образований) снижение активности действий, трудности выделения целей (в том числе искажение их образов и отношения к задаче) и средств для их достижения [3; 6; 7], нарушения планирования и продуцирования гипотез, снижение избирательности актуализируемых сведений из прошлого опыта, искажение восприятия актуальной ситуации [12]. Такая неспособность провести полноценный содержательный анализ ситуации выбора и организовать процесс его реализации приводит к нестандартным решениям [6; 7], наиболее ярко подобные нарушения проявляются в ситуации неопределенности. При этом в состоянии ремиссии в привычных условиях больные шизофренией способны учитывать возможные негативные последствия решения [11].

У лиц с расстройством личности и поведения нарушения процесса принятия решений обусловлены нарушениями эмоциональной регуляции поведения и преобладанием в мотивационной сфере упрощенных и конкретных смысловых тем, связанных с удовлетворением физиологических или сиюминутных потребностей. Цель выбора и способы ее достижения формулируются на основе аффективных полярных оценок. Ситуация принятия решения воспринимается недостаточно реалистично, ее значимость переоценивается, характерны полярные оценки [11]. Решения, принимаемые лицами с расстройствами личности возбудимого круга, характеризуются отсутствием или незначительной выраженностью этапа продуцирования и анализа гипотез, прошлого опыта и прогноза последствий выбора, что приводит к недостаточной оценке социального контекста, стремлению к непосредственной реализации идеальной цели и импульсивному принятию решения [10]. У лиц с расстройствами личности, относящихся к кругу тормозимых, нарушения процесса принятия решений возникают вследствие длительных колебаний при определении цели и способов ее достижения, что может привести к отказу от осуществления выбора [3; 4].

Таким образом, вышесказанное свидетельствует о необходимости уточнения критериев, информативных для решения задач дифференциальной диагностики и оценки степени общественной опасности лиц с психической патологией. Это и определило *цель нашего исследования* — выделение индивидуально-психологических особенностей принятия решений у лиц с психической патологией.

Материал и методы исследования

Общий объем выборки составил 99 лиц мужского пола ($M_{\text{возраст}} = 34,1 \pm 10,6$ года). Для выявления нозоспецифических особенностей принятия решения и организации деятельности обследуемые были разделены на три подгруппы в зависимости от нозологической принадлежности. Процентное соотношение лиц с психиатрическими диагнозами было следующим: ОНР (F07) — 13,1% ($M_{\text{возраст}} = 44,3 \pm 14,3$ года); шизофрения и шизотипическое расстройство (F20, F21) — 57,6% ($M_{\text{возраст}} = 31,7 \pm 8,1$ года); расстройства личности и поведения (F60, F61) — 29,3% ($M_{\text{возраст}} = 34,3 \pm 10,6$ года). Выбор данных групп

был обусловлен необходимостью изучения индивидуально-психологических особенностей в зависимости от нозологической принадлежности испытуемых.

Клинико-социальные характеристики обследуемых каждой группы были сопоставимы. Исследование проводилось на базе Национального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» и Центральной клинической психиатрической больницы. *Критериями включения* в исследование были: наличие верифицированного психиатрического диагноза, отсутствие острой психотической симптоматики и дементных состояний, согласие на участие в исследовании.

Был применен **диагностический комплекс**, включающий в себя следующие методики:

1. «Словесно-цветовая интерференция» Дж. Струпа, нацеленная на оценку ригидности/гибкости когнитивного контроля в ситуации необходимости преодоления интерферирующих факторов. Формализация ответов выполнялась на основе следующих показателей: время чтения названий цветов, напечатанных черным шрифтом (t текст); время называния цветов (t цвет); время чтения названий цветов, где цвет шрифта отличается от значения слов (t цвет-текст); время называния цвета слова, где цвет шрифта отличается от значения слова (t текст-цвет).

2. «Сравнение похожих рисунков» Дж. Кагана (1966), направленная на оценку рефлексивности/импульсивности при интеллектуальном контроле, обуславливающих индивидуальные различия в склонности принимать решения быстро (без анализа альтернатив) либо медленно (с тщательным предварительным анализом). Формализация ответов осуществлялась по следующим параметрам: латентное время ответа, общее количество ошибок, общее количество правильных ответов.

3. «Выявление осознанности мотивов» А.В. Ермолина и Б.П. Ильина (2004) для оценки степени планирования своего поведения и учета различных ситуативных факторов при организации деятельности и принятии решений. Содержит шкалы: ссылка на внешние обстоятельства (Вне), ориентация на потребности (П), ориентация на влечения (Вл), опора на интересы (Ин), долженствование (Д), мотивационная установка (Му), нравственный контроль декларируемый (НКд), нравственный контроль недеклаируемый (НКн), предпочтение внешнее (Пр. внешн.), предпочтение внутреннее (Пр. внутр.), оценка эмоционального состояния (ОС), оценка своих возможностей (ОВ), оценка условий (ОУ), прогнозирование последствий (ПП), опредмеченные действия (ОД), процесс удовлетворения потребности (ПУП), потребностная цель (ЦП).

4. «Стиль саморегуляции поведения» В.И. Моросановой (1998), диагностирующая степень развитости осознанной саморегуляции поведения и ее индивидуальные профили, компонентами которых являются частные регуляторные процессы: «планирование»; «моделирование»; «программирование»; «оценивание результатов»; «гибкость»; «самостоятельность».

5. Новый опросник толерантности к неопределенности Т.В. Корниловой (2009), направленный на диагностику толерантности к неопределенности (ТН), интолерантности к неопределенности (ИТН), в том числе в межличностных отношениях (МИТН).

6. Полупроективная методика «Ситуационный анализ» (Булыгина В.Г., 2017),

направленная на изучение особенностей анализа ситуаций с учетом избыточности/недостаточности информационной и эмоциональной составляющих для анализа, уровня неопределенности, чувствительности к противоречиям. Методика представляет собой 12 изображений ситуации социального взаимодействия. Сами изображения отличаются по количеству информации (недостаток, избыток и достаточное количество информации — варьировалось количество изображенных людей) и по качественным характеристикам изображения (простые силуэты, зашумленное-расплывчатое изображение, изображение эмоций на лицах людей, наличие в изображенной ситуации противоречия). Все ответы протоколировались, после соответствующей кодировки проводилась их качественная оценка по следующим параметрам: адекватность интерпретации ситуации; полнота описания ситуации; детализация описания ситуации; привнесение личностного смысла в интерпретацию ситуации; количество альтернатив дальнейшего развития ситуации; адекватность предложенных альтернатив контексту ситуации; социальная приемлемость предложенных вариантов развития ситуации; наличие агрессивных вариантов развития ситуации; распознавание эмоций участников ситуации.

Статистическая обработка данных

Для выявления значимых различий формализованных параметров полупроективной методики «Ситуационный анализ», измеренных в ранговой шкале, применялся непараметрический критерий Крускала—Уоллиса. Для выявления значимых различий распределения метрических параметров принятия решений и организации деятельности в зависимости от нозологической принадлежности был использован однофакторный дисперсионный анализ. Нозоспецифический вклад метрических показателей принятия решений и организации деятельности и прогностические модели нозологических категорий были выделены с помощью дискриминантного анализа. Для оценки прогностических качеств дискриминантных моделей были построены ROC-кривые. Уровень $p \leq 0,05$ являлся критерием статистической достоверности получаемых результатов. Статистическая обработка полученных данных производилась в программе IBM SPSS Statistics v20 и Excel v14.

Результаты и их интерпретация

Первым этапом анализа данных было выявление нозоспецифических особенностей ситуативного анализа при организации деятельности (табл. 1). Так, в ситуации недостатка информации, в том числе и при сенсорных помехах, у лиц, страдающих ОПР, снижается адекватность интерпретации ситуации, по сравнению с адекватностью продуцируемых альтернатив. У больных шизофренией отмечается обратная тенденция: адекватность предложенных альтернатив ниже в сравнении с адекватностью интерпретации ситуации. У лиц с расстройствами личности сохраняется адекватность интерпретации ситуации при меньшей адекватности предложенных альтернатив. В ситуации наличия перцептивных помех у лиц с расстройствами личности отмечается большее число предложенных альтернатив, по сравнению с больными шизофренией и, особенно, лицами с ОПР.

При достаточном количестве информации, при предъявлении ситуации выбора, содержащую сенсорные помехи, выявляется высокая встречаемость интерпретаций с привнесением личностного смысла у больных шизофренией по сравнению с группами больных с ОПР и расстройствами личности. В ситуациях с высокой неопределенностью и эмоционально насыщенными ситуациями при достаточном количестве информации

выявляется более высокая адекватность интерпретации ситуации с большим числом альтернатив, адекватностью предложенных альтернатив в эмоционально насыщенной ситуации и социальной приемлемостью ответов в группе лиц с расстройствами личности.

Таблица 1

Значимые различия ранговых параметров ситуативного анализа в группах в зависимости от нозологической принадлежности обследованных (критерий Крускала—Уоллиса)

Параметр	Нозология	Количество информации							
		Недостаток		Достаточно		Избыток			
		Вариант ситуации							
		Простые ситуации	Зашумленность	Высокая неопределенность	Эмоционально насыщенная	Простые ситуации	Зашумленность	Высокая неопределенность	Эмоционально насыщенная
Адекватность ситуации	ОПР	16,5	15,7	18,2	16	15,6	15,2	17,4	17,3
	Ш	17,5	17,6	16,2	16,9	16,8	18	17,2	17,1
	РЛ	31,0	31	32	30,5	31,5	30	31,5	32
	p	0,009	0,01	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00
Количество предложенных альтернатив	ОПР	—	14,8	15,4	15	14,8	13,1	15,5	14,7
	Ш		18	16,9	17	17,3	18,5	17,6	17,7
	РЛ		30	31	31	30	29,5	31,5	31,5
	p		0,01	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	0,00
Адекватность предложенных альтернатив	ОПР	30,8	31,1	—	21,1	18,9	21,8	23,6	—
	Ш	17,2	16,8		15,9	16,6	16,6	16,2	
	РЛ	20,7	21,9		30,9	29,7	30,7	30,8	
	p	0,01	0,01		0,00	0,00	0,01	0,00	
Социальная приемлемость	ОПР	—	—	15,6	16	17,4	14,4	16,7	17,9
	Ш			17,5	17,2	16,1	17,7	17,6	17,7
	РЛ			28,5	29,5	33	32	30,5	28,8
	p			0,03	0,01	0,00	0,00	0,01	0,05

Детализация	ОПР					15,5		8	13,1
	Ш	—	—	—	—	17,7	—	20,4	18,6
	РЛ					27,8		24,8	29,1
	Р					0,03		0,01	0,02
Распознавание эмоций	ОПР					28,5	31,1		
	Ш	—	—	—	—	17,8	17,6	—	—
	РЛ					16,2	18,4		
	Р					0,02	0,00		
Полнота описания ситуации	ОПР						12,2		
	Ш	—	—	—	—		22,6	—	—
	РЛ						11,6		
	Р						0,01		
Противоречие	ОПР	30,5							
	Ш	17,4							
	РЛ	19,8							
	Р	0,015							

Более низкие результаты (почти в 2 раза) по обозначенным показателям ситуативного анализа отмечены в группе лиц, страдающих ОПР. При этом показатели социальной приемлемости ответов и количества предложенных альтернатив несколько выше в группе больных шизофренией по сравнению с группой ОПР. Также отмечалась тенденция к снижению адекватности интерпретации ситуации в эмоционально насыщенной ситуации, по сравнению с ситуацией с высокой степенью неопределенности, у лиц с ОПР и расстройствами личности. Обратная тенденция была выявлена в группе лиц, страдающих шизофренией.

В ситуации избытка информации адекватность интерпретации ситуации, количество и адекватность предложенных альтернатив, социальная приемлемость и детализация ответов значительно выше в группе обследуемых с расстройствами личности. Способность распознавать эмоции была значительно выше в группе лиц с ОПР, ниже и примерно на одном уровне в группах больных шизофренией и расстройствами личности. При этом у лиц с расстройствами личности способность распознавать эмоции возрастала в ситуации перцептивного шума. Адекватность предложенных альтернатив в группе больных ОПР возрастала в зашумленной ситуации и, особенно, в ситуации с высокой степенью неопределенности. Полнота описания ситуации при перцептивной сенсibilизации была выше в группе больных шизофренией. Также только в группе больных шизофренией,

особенно в эмоционально насыщенных ситуациях, выявлена повышенная встречаемость ответов с привнесением личностного смысла. При этом в группе больных шизофренией детализация ответов возрастала в ситуации с высокой степенью неопределенности. В остальных нозологических группах детализация ответов в ситуации неопределенности была минимальной относительно остальных вариантов предъявления ситуации с избыточным количеством информации. Кроме того, у лиц больных шизофренией возрастало количество предложенных альтернатив в ситуации избытка информации при сенсорных помехах, в других нозологических группах данное значение снижалось. Противоречия в ответах и стереотипные повторы наиболее выражены в группе больных ОПР. При этом, противоречивые ответы наименее характерны для больных шизофренией, а ответы с многочисленными повторами — для больных с расстройствами личности.

Дальнейшим этапом анализа было выделение нозоспецифических особенностей принятия решений и организации деятельности (табл. 2).

Были выявлены следующие значимые различия. Лица с расстройствами личности демонстрировали большую толерантность к неопределенности, т. е. открытость новому опыту, стремление к новизне, устойчивость в отношении ситуаций с неясным исходом, по сравнению с больными шизофренией и ОПР, у которых данный показатель был почти одинаков. Также у лиц с расстройствами личности отмечалась меньшая цветовая ригидность и разница во времени чтения названия цветов, где цвет шрифта отличается от значения слова по результатам теста Струпа, показывая меньшую выраженность узкости познавательного контроля. Цветовая ригидность была значительно выше и примерно на одном уровне в остальных нозологических группах, при этом разница во времени чтения названия цветов, где цвет шрифта отличается от значения слова, несколько меньше у больных шизофренией, что указывает на высокую ригидность когнитивного контроля в данных группах. В отношении осознанности компонентов мотивов у лиц с расстройствами личности обнаружено меньшее влияние влечений («влекло», «манило») на их поступки и действия в качестве оснований для принимаемых решений и большая оценка условий, связанная с осознанием необходимости конкретных усилий. Наименьшая оценка условий и связанных с ними предстоящих усилий выявлена в группе больных шизофренией.

Таблица 2

Значимые различия распределения метрических параметров в группах в зависимости от нозологической принадлежности обследованных (однофакторный дисперсионный анализ — ANOVA)

Параметр	Органическое психическое расстройство	Шизофрения	Расстройство личности	p
Толерантность к неопределенности	47,00	46,12	54,86	0,007
t цвет-текст	182,42	176,84	141,69	0,016
Ригидность цветовая	80,54	80,27	54,17	0,020
Влечения	0,38	0,11	0,03	0,048

Оценка условий	0,15	0,09	0,34	0,010
Оценка результатов	3,60	3,11	5,17	0,040

Процесс принятия решений у лиц с ОПР в наибольшей степени определяется влечениями личности. У обследуемых с расстройствами личности отмечались более высокие средние значения показателя оценки результатов, которая является одним из этапов процесса саморегуляции, указывая на достаточную сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки себя, результатов своей деятельности и поведения. Средние значения показателя оценки результатов были низкими как в группе больных ОПР, так и страдающих шизофренией.

Для определения вклада метрических показателей принятия решений и организации деятельности в отнесение обследуемых в группы в зависимости от нозологической принадлежности был применен дискриминантный анализ (табл. 3). Сравнение вклада исследуемых параметров показало, что наибольшей нозоспецифичностью обладает параметр толерантность к неопределенности, затем по степени убывания вклада представлены следующие параметры: оценка условий, цветная ригидность, влечения, оценка результатов и разница во времени чтения названия цветов при отличии цвета шрифта от значения слова. Кроме того, на основе общей линейной дискриминантной функции (ЛДФ) были сформированы линейные дискриминантные функции для лиц, страдающих ОПР (ЛДФ₁), шизофренией (ЛДФ₂) и расстройствами личности (ЛДФ₃). Значения признаков ЛДФ при $p \leq 0,05$, выявленные в обследовании (табл. 3), подставляли в уравнение и решали его. Обследуемых относили в ту нозологическую группу, для которой данные ЛДФ оказались наибольшими.

Для оценки прогностических качеств линейной дискриминантной функций в зависимости от нозологической принадлежности были построены ROC-кривые. Показателями прогностических качеств дискриминантной модели являлись: площадь под ROC-кривой (AuROC), чувствительность (доля истинно положительных случаев принадлежности к целевой нозологической группе) и специфичность (доля истинно отрицательно случаев принадлежности к целевой нозологической группе).

Так, выявлено, что модель дифференцирует случаи принадлежности к группе лиц с ОПР очень высоко, прогностическая ценность составляет 91,1%. Чувствительность максимальна и равна 100%, специфичность удовлетворительная и составляет 75,8%. Прогностическая ценность модели по отнесению обследуемых к группе больных шизофренией высокая — 84,4%. При этом чувствительность является очень высокой — 92,6%, а специфичность средняя и равна 80%. Прогностическая ценность модели дифференциации принадлежности обследуемых к группе с расстройствами личности высокая и равна 88,2%. Чувствительность при этом также является высокой 83,3%, специфичность составляет 93,5%.

Таблица 3

Структурные компоненты и коэффициенты линейных дискриминантных функций (ЛДФ), вклад структурных компонентов и показатели прогностических свойств дискриминантных моделей в зависимости от нозологической принадлежности обследованных

Компонент ЛДФ	Нозология			р	Степень вклада
	ОПР	Шизофрения	Рас-во личности		
	ЛДФ ₁	ЛДФ ₂	ЛДФ ₃		
AuROC, %	91,7	84,4	88,2	—	—
Чувствительность, %	100	92,6	83,3		
Специфичность, %	75,8	80	93,5		
(Константа)	-29,896	-19,137	-24,327	—	—
Толерантность к неопределенности	0,536	0,445	0,534	0,006	0,540
Оценка условий	-0,631	-4,396	-3,068	0,044	0,473
Ригидность цветовая	1,414	1,116	1,782	0,017	0,448
Влечения	2,588	0,065	0,271	0,035	0,413
Оценка результатов	-0,029	-0,056	-0,052	0,025	0,383
t цвет-текст	0,093	0,094	0,077	0,010	-0,347

Заключение

В ходе исследования были выделены следующие индивидуально-психологические особенности принятия решений у лиц с психической патологией (ОПР, шизофрения и шизотипическое расстройство и расстройства личности и поведения). Установлено, что наибольшей нозоспецифичностью обладают параметры «толерантность к неопределенности», «оценка условий», «когнитивная ригидность», «влечения» и «оценка результатов». Так, для лиц с расстройствами личности характерна большая открытость новому опыту, устойчивость в ситуации неопределенности, меньшая выраженность узкости познавательного диапазона, по сравнению с больными шизофренией и ОПР.

У лиц с расстройствами личности отмечается достаточная сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки себя, результатов своей деятельности и поведения. Принятие решения у данной группы в большей степени обусловлено оценкой условий и осознанием необходимости конкретных усилий. В то же время больных шизофренией отличает отсутствие оценки условий и связанных с ними предстоящих усилий, а больных ОПР — наибольшее влияние влечений в качестве фактора, определяющего мотивы поведения. У больных шизофренией и ОПР были обнаружены сходные индивидуально-психологические особенности, связанные с процессом принятия решений. Так, для этих групп больных характерна высокая ригидность когнитивного контроля, недостаточная сформированность и устойчивость субъективных критериев оценки себя, результатов своей деятельности и поведения.

При анализе особенностей ситуативного анализа было обнаружено, что для больных шизофренией в условиях недостатка информации характерно снижение количества и адекватности предлагаемых альтернатив. При увеличении количества информации и наличии сенсорных помех больные шизофренией склонны к значительным привнесениям личностного смысла. Однако в ситуациях с высокой неопределенностью и эмоционально насыщенных ситуациях количество альтернатив и социальная приемлемость ответов повышаются. Снижение способности распознавать эмоции в большей степени проявляется в ситуации избытка информации, тем не менее в условиях наличия сенсорных помех или повышенной неопределенности способны достаточно полно и детализировано описывать ситуацию, а также выдвигать большое количество альтернатив.

Лица, страдающих ОПР, обладают высокой способностью к распознаванию эмоций, однако при наличии сенсорных помех, высокого уровня неопределенности и эмоциональной насыщенности ситуации отмечается снижение адекватности интерпретации ситуации. При этом адекватность предложенных альтернатив увеличивается в условиях избытка информации, особенно в зашумленной ситуации с высокой степенью неопределенности.

Лица с расстройствами личности и поведения способны адекватно интерпретировать ситуацию, выдвигать большое количество адекватных социально приемлемых альтернатив как в ситуации достаточного количества информации, в том числе с высокой неопределенностью и эмоциональной насыщенностью, так и в ситуации избытка информации. В условиях недостаточного количества информации у лиц с расстройствами личности снижается адекватность предложенных альтернатив, при этом адекватность интерпретации ситуации сохраняется. При наличии перцептивных помех количество альтернатив, предложенных лицами с расстройствами личности, больше, чем у лиц с ОПР и шизофренией.

В ситуации с избыточным количеством информации у лиц с расстройствами личности и ОПР отмечалось резкое сокращение детализации ответов по сравнению с другими вариантами предъявления. Наибольшее влияние на снижение адекватности интерпретации ситуации у данных групп оказывает эмоциональная насыщенность ситуации.

Литература

1. Булыгина В.Г. Психологическая концепция профилактики общественно опасных действий лиц с тяжелыми психическими расстройствами: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2015. 393 с.
2. Булыгина В.Г., Макушкина О.А., Белякова М.Ю. Нарушения социальной апперцепции как фактор риска совершения повторных общественно опасных деяний у лиц, страдающих психическими расстройствами (Ч. 2) // Российский психиатрический журнал. 2014. № 5. С. 4—9.
3. Зейгарник Б.В. Патопсихология. М.: Изд-во МГУ, 1986. 287 с.
4. Ильин И.П. Мотивация и мотивы. СПб.: Питер, 2003. 512 с.
5. Конопкин О.А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии. 2008. № 3. С.22—34.
6. Коченов М.М., Николаева В.В. Мотивация при шизофрении. М.: Изд-во МГУ, 1978. 88 с.
7. Критская В.П., Мелешко Т.К., Поляков Ю.Ф. Патология психической деятельности при шизофрении: мотивация, общение, познание. М.: Изд-во МГУ, 1991. 256 с.
8. Кудрявцев И.А., Лапшина Е.Н. Психологические механизмы и эффекты влияния патологии характера на саморегуляцию общественно опасных деяний // Российский психиатрический журнал. 2008. № 3. С. 29—35.
9. Лапшина Е.Н. Саморегуляция лиц с пограничной психической патологией, совершивших правонарушение и признанных ограниченно вменяемыми // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. Т. 16. № 4. С. 47—54.
10. Леонтьев Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 2-е изд., испр. М.: Смысл, 2003. 487 с.
11. Савина О.Ф., Макушкин Е.В., Морозова М.В. Алгоритм экспертного исследования дизрегуляции деятельности в криминальной ситуации у лиц с психическими расстройствами // Российский психиатрический журнал. 2018. № 1. С. 31—42.
12. Jogems-Kostermana B.J.M., Zitmanb F.G., Van Hoofa J.J.M., Hulstijnс W. Psychomotor slowing and planning deficits in schizophrenia // Schizophrenia Research, 2001. Vol. 48. P. 317—333.

Psychological components of decision-making in mentally ill persons

***Shekhovtsova E.S.**, Junoir researcher of the Department of psychogenic and personality disorders, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (shiha.l@mail.ru)*

***Dubinsky A.A.**, Junoir researcher of Mental Hygiene and Psychoprophylaxis Laboratory, Federal State Budgetary Institution "V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology" of the Ministry of Health of the Russian Federation (aleksandr-dubinskij@yandex.ru)*

The article is devoted to the study of individual psychological characteristics of decision-making in persons with mental pathology. The material of the empirical study of 99 men (mean age = 34.1 ± 10.6 years) with the following psychiatric diagnoses: organic mental disorders (F07) (OMD), schizophrenia and schizotypic disorder (F20, F21), personality and behavior disorders (F60, F61). The methodological complex included: "Verbal and color interference" tests by J. Stroop and "Comparison of similar drawings" by J. Kagan, questionnaires "Style of self-regulation of behavior" V.I. Morosanova and New Questionnaire of Tolerance to Uncertainty Kornilovoy, semiprojective methods "Identification of the awareness of motives" A.V. Ermolina and B.P. Ilyin and "Situational analysis" (Bulygina VG, 2017). It was revealed that the parameters of "tolerance to uncertainty", "assessment of conditions", "cognitive rigidity", "drives" and "evaluation of results" have the greatest nosocertainty. Within the context of the situational analysis, the influence of the amount of information available, the level of its uncertainty and emotional saturation on the adequacy of the interpretation of the situation, the number and adequacy of the proposed alternatives, and the social acceptability of the answers was established.

Key words: decision-making, situational analysis, persons with mental pathology.

References

1. Bulygina V.G. Psihologicheskaja koncepcija profilaktiki obshhestvenno opasnyh dejstvij lic s tjazhjolymi psihicheskimi rasstrojstvami: Dis. ... d-ra psihol. nauk. M., 2015. 393 p.
2. Bulygina V.G., Makushkina O.A., Beljakova M.Ju. Narushenija social'noj apperceptcii kak faktor riska sovershenija povtornyh obshhestvenno opasnyh dejanij u lic, stradajushhih psihicheskimi rasstrojstvami (chast' 2) // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. 2014. №5. P. 4-9.
3. Zejgarnik, B.V. Patopsihologija. M.: Izd-vo MGU, 1986. 287 p.
4. Il'in, I.P. Motivacija i motivy. SPb.: Piter, 2003. 512 p.
5. Konopkin, O.A. Osoznannaja samoreguljacija kak kriterij sub#ektnosti // Voprosy psihologii.

2008. №3. S.22—34.

6. Kochenov M.M., Nikolaeva V.V. Motivacija pri shizofrenii. M.: Izd-vo MGU, 1978. 88 p.
7. Kritskaja V.P., Meleshko T.K., Poljakov Ju.F. Patologija psihicheskoj dejatel'nosti pri shizofrenii: motivacija, obshhenie, poznanie. M.: Izd-vo MGU, 1991. 256 p.
8. Kudrjavcev I.A., Lapshina E.N. Psihologicheskie mehanizmy i jeffekty vlijanija patologii haraktera na samoreguljaciju obshhestvenno opasnyh dejanij // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. 2008. №3. P. 29—35.
9. Lapshina E.N. Samoreguljacija lic s pogramichnoj psihicheskoj patologiej, sovershivshih pravonarushenie i priznannyh ogranichenno vmenjaemymi // Social'naja i klinicheskaja psihiatrija. 2006. T.16. №4. P. 47—54.
10. Leont'ev, D.A. Psihologija smysla: priroda, stroenie i dinamika smyslovoj real'nosti. 2-e, ispr. izd. M.: Smysl, 2003. 487 p.
11. Savina O.F., Makushkin E.V., Morozova M.V. Algoritm jekspertnogo issledovanija dizreguljicii dejatel'nosti v kriminal'noj situacii u lic s psihicheskimi rasstrojstvami // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. 2018. №1. P. 31-42.
12. Jogems-Kostermana B.J.M., Zitmanb F.G., Van Hoofa J.J.M., Hulstijnc W. Psychomotor slowing and planning deficits in schizophrenia // Schizophrenia Research, 2001. Vol. 48. P. 317—333.

Психологические особенности коррупционных преступников

Кроз М.В., кандидат психологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (m.kroz@mail.ru)

Ратинова Н.А., кандидат психологических наук, ведущий научный сотрудник отдела психологического обеспечения прокурорской деятельности, Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры Российской Федерации (ratinova.n@yandex.ru)

В статье представлена первая часть исследования психологических особенностей лиц, совершивших преступления коррупционной направленности. В качестве контрольной группы выступали законопослушные государственные служащие. Теоретической основой исследования служила ценностно-нормативная теория личности преступника А.Р. Ратинова, поэтому основное внимание в нем уделялось анализу ценностной сферы коррупционеров. Анализировались и сопоставлялись системы ценностных ориентаций коррупционных преступников и законопослушных граждан, определены наиболее и наименее значимые ценности для обеих групп, некоторые индивидуальные особенности. Полученные результаты противоречат распространенным традиционным представлениям о коррупционерах как о меркантильных, корыстолюбивых людях, на первое место ставящих материальные ценности. Так, для коррупционных преступников самыми значимыми являются ценности: свобода, семья, любовь, дети, здоровье, образование, новые знания, расширение кругозора. Аналогичные ценностные предпочтения характерны и для законопослушных граждан. Наименее значимыми ценностями для коррупционеров выступают материальная обеспеченность, развлечения, общественное признание, переживание прекрасного, высокие запросы и власть.

Ключевые слова: коррупционные преступники, государственные служащие, личность, ценностные ориентации.

Для цитаты:

Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические особенности коррупционных преступников. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 15-34. doi: 10.17759/psylaw.2018080202

For citation:

Kroz M.V., Ratinova N.A. Psychological features of corruption criminals. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 15-34. doi: 10.17759/psylaw.2018080202

Одним из важных направлений психологических исследований коррупции является изучение личности коррупционера, особенностей его поведения [см.: 16, с. 2]. Исследования психологии коррупционных преступников в России имеют короткую историю, но в последние годы активно развиваются [3—4; 8—15; 17—19; 22—24; 27].

Проведенный анализ ряда работ [см.: 20] показал, что их результаты весьма противоречивы, плохо согласуются друг с другом. Например, в одном из исследований было установлено, что коррупционные преступники стремятся быть независимыми от окружающих, в том числе от руководителей [8, с. 67], в другом — демонстрируют потребность в зависимости от окружающих людей, ожидают контроля и руководства с их стороны [3, с. 164].

Наиболее ярко эти расхождения проявляются в случаях, когда речь идет о социально неодобряемых качествах, традиционно приписываемых коррупционерам (таких как корыстолюбие, доминирование материальных потребностей, стремление к богатству, статусу, престижу и др.). Выводы о такого рода личностных свойствах, присущих коррупционным преступникам, не всегда вытекали из полученных результатов, делались, как правило, лишь на основе косвенных признаков.

Кроме того, значительная часть исследований отличалась подчеркнутым эмпиризмом, лишь некоторые из них имели какую-либо теоретическую основу, базировались на той или иной психологической концепции личности. Удивительно, но почти никто из авторов не использовал подходы, предложенные в рамках *криминальной психологии* — научной дисциплины, в предмет которой как раз и входит изучение личности преступника.

Противоречивость результатов различных авторов свидетельствует о сложности и неоднозначности самого объекта исследования — личности коррупционного преступника.

Высокая социальная значимость проблемы, общественная опасность коррупции, коррупционного поведения и определили обращение к данной теме. В Университете прокуратуры (Академии Генеральной прокуратуры) Российской Федерации в 2016—17 гг. было проведено междисциплинарное исследование «Личность коррупционного преступника». В нем наряду с психологами принимали участие криминологи, специалисты в области уголовного права.

Теоретической основой психологического исследования выступала *ценностно-нормативная теория личности преступника* А.Р. Ратинова [25; 26]. Кроме того, авторы использовали ряд положений *концепции коррупционного поведения госслужащих* О.В. Ванновской [5—7]. В ее модели психологических особенностей «лиц, склонных к коррупции» важную роль играет ценностно-смысловой уровень [5, с. 326—327; 6, с. 133—134].

Соответственно, предметом изучения выступала *ценностная сфера* коррупционного преступника. Предполагалось, что психологические особенности лиц, совершивших преступления коррупционной направленности, определяются не какими-либо отдельными личностными чертами или характерологическими свойствами. Они обусловлены спецификой системы ценностей личности, в особенности базовыми смысложизненными ценностями — иерархически наиболее высоким их уровнем, определяющим обобщенную

систему взглядов, идеалов, убеждений человека, его мировоззрение, отношение к окружающей действительности и самому себе.

В качестве основного метода исследования выступало психологическое тестирование. Использовались следующие методики.

1. Тест ценностных ориентаций М. Рокича, вариант, адаптированный Д.А. Леонтьевым [21].

2. Тест «Смысл жизни» (СЖ) — был разработан А.Р. Ратиновым и его коллегами в 70-х гг. XX в. специально для изучения ценностной сферы личности преступника [см.: 26, с. 82—84]. Его валидизация не была полностью завершена, поэтому он не был опубликован.

Методика включает два субтеста. Первый предназначен для оценки самочувствия личности, меры удовлетворенности субъектом своей жизнью (шкала оптимистичности—пессимистичности). Второй субтест отражает отношение испытуемых к наиболее глобальным, смысложизненным ценностям (труд, знания, увлечения, любовь, семья, дети, друзья и др.). Он состоит из 14 шкал ценностей. Нами дополнительно в тест была включена субшкала, отражающая отношение испытуемых к риску (стремление придерживаться более рискованной или, напротив, осторожной стратегии поведения).

3. Методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере», разработанная О.Ф. Потемкиной¹. Следует отметить, что, хотя автор интерпретирует результаты теста, используя термины «социально-психологические установки» (аттитюды) и «мотивации» личности, многие шкалы теста могут быть рассмотрены и как отношения личности к базовым ценностям (труду, свободе, власти, деньгам и др.). Это проявилось, в частности, и в авторской интерпретации содержания отдельных шкал.

4. Опросник «Уровень субъективного контроля» (УСК) Е.Ф. Бажина, С.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [1].

5. Тест «Честность», предназначенный для выявления уровня правдивости испытуемого, оценки искренности, достоверности его ответов². Включение этого теста в общую батарею методик было обусловлено стремлением минимизировать влияние фактора социальной желательности на ответы испытуемых, поскольку все остальные использованные опросные методики не защищены от возможного стремления коррупционных преступников давать на вопросы тестов не искренние, а социально одобряемые «правильные» ответы. Соответственно, он использовался в качестве своеобразного «фильтра» для отсева таких лиц.

6. Методика «Цветовой тест отношений» (ЦТО) Е.Ф. Бажина и А.М. Эткинда [2; 28] в авторской модификации. Часть специально разработанного стимульного материала в нем также предназначалась для изучения ценностной сферы коррупционных преступников.

Таким образом, из шести использовавшихся методик четыре в той или иной форме

¹ См., например: URL: <http://psytests.org/personal/potemkina.html>

² См.: URL: <http://azps.ru/tests/kit/kit1011.html>

были направлены на изучение ценностных ориентаций личности. Кроме того, изучались и отдельные личностные характеристики коррупционеров — склонность к риску/осторожности и направленность локуса контроля. Целью их включения служила проверка высказывавшихся в литературе утверждений об отличии коррупционеров от законопослушных граждан по этим свойствам.

Дополнительными методами исследования (применявшимися только для коррупционных преступников), служили наблюдение за испытуемыми в процессе тестирования и краткое собеседование с ними, проводившееся в виде формализованного интервью. В настоящей статье представлены результаты, полученные по опросным методикам.

Основную группу обследованных составляли бывшие сотрудники правоохранительных органов, осужденные за совершение преступлений коррупционной направленности и отбывавшие наказание в исправительных учреждениях строгого режима. Всего было обследовано 72 человека (все мужчины в возрасте от 25 до 62 лет, средний возраст составлял 39,7 года).

Большинство обследованных (71%) состояли в браке, 19% были разведены. Четверть опрошенных не имели детей, у трети был один ребенок, 38% имели двоих детей (у некоторых это были уже вполне взрослые люди). 82% человека имели законченное высшее образование, в том числе 17% — два и 3% — три высших образования. Двое имели научную степень кандидата наук. Две трети обследованных имели юридическое образование. Второе место по популярности разделяли экономическое и инженерно-техническое (по 13 человек — 18%).

44 обследованных (61%) до ареста занимали руководящие должности, преимущественно нижнего и среднего звена (начальники, заместители начальников отделений, отделов, управлений и пр.). Несколько человек занимали более высокие должности, например, начальник исправительного учреждения ФСИН РФ. Остальные (39%) руководящих должностей не занимали.

подавляющее большинство обследованных (94%) были осуждены по ст. 290 УК РФ («получение взятки»). 20 коррупционных преступников (28%) были осуждены по двум и более статьям УК РФ. Почти все имели значительные сроки наказания. Так, минимальный срок составлял 3 года, а максимальный — 15 лет (среднее значение — 6,9 лет). Кроме того, большинству обследованных были назначены большие штрафы, как правило, не выплаченные к моменту проведения исследования.

27 человек (38%) из числа обследованных в беседе с исследователями признавали свою вину, а 40 человек (56%) считали, что пострадали безвинно. 5 человек (7%) признали вину частично. Они были согласны с тем, что совершили преступление, однако полагали, что их противоправные действия были неверно квалифицированы следствием и судом, по более «тяжелой» статье УК РФ, чем они заслуживали, имея в виду ч. 3 ст. 159 УК РФ.

В целом, до возбуждения уголовного дела и ареста большинство обследованных были социально и профессионально успешными людьми: высокообразованными, имеющими семьи, детей, перспективную, во многих случаях хорошо оплачиваемую работу. Как следовало из бесед, отношения в семье и профессиональная карьера у многих из них

складывались благоприятно, они имели реальные перспективы служебного роста.

В контрольную группу входили законопослушные граждане, никогда не привлекавшиеся к уголовной ответственности³, всего 61 человек — научные работники, преподаватели высшей и средней школы, прокуроры, работники кадровых подразделений различных учреждений и организаций государственной формы собственности («госслужащие»). В их число входили 36 мужчин (59%) и 25 женщин (41%) в возрасте от 23 до 75 лет (средний возраст — 43,5 года). Подавляющее большинство имели высшее образование, в том числе 5 человек — два высших образования. 7 человек являлись кандидатами, а один доктором наук. По профилю более половины опрошенных (56%) имели юридическое образование.

Результаты исследования

Тест ценностных ориентаций М. Рокича (табл. 1, 2). Для обработки данных по тесту Рокича использовались непараметрические статистики. В качестве меры средней тенденции применялась медиана. Кроме того, производился расчет весовых коэффициентов рангов каждой ценности по основной и контрольной. Далее подсчитывался U-критерий Манна—Уитни для сравнения распределений показателей.

Таблица 1

Терминальные ценности (ТЦ)

Показатели	Основная группа (N = 72)			Контрольная группа (N = 61)		
	Me ⁴	Ранг 1 ⁵	Ранг 2 ⁶	Me	Ранг 1	Ранг 2
Счастливая семейная жизнь	2,0	1	1	3,0	1	1
Здоровье	3,0	2-3	2	4,0	2-3	2
Любовь	3,0	2-3	3	4,0	2-3	3
Наличие хороших и верных друзей	7,0	4	4	8,0	5-8	9
Уверенность в себе	8,0	5-7	5	7,0	4	6
Свобода	8,0	5-7	6	10,0	12	12
Развитие	9,0	8-9	7	8,0	5-8	7

³ Поскольку у исследователей не было реальной возможности выяснить, совершал ли кто-нибудь из членов контрольной группы какие-либо правонарушения коррупционной направленности, ее точнее было бы назвать группой «условно законопослушных» лиц.

⁴ Здесь и в следующей таблице — медиана.

⁵ Ранжирование по медиане.

⁶ Ранжирование по суммам весовых коэффициентов показателей.

Жизненная мудрость	9,0	8-9	8	9,0	9-11	11
Интересная работа	8,0	5-7	9	8,0	5-8	4
Продуктивная жизнь	10,0	10-13	10	8,0	5-8	5
Активная деятельная жизнь	10,0	10-13	11	9,0	9-11	10
Познание	10,0	10-13	12	9,0	9-11	8
Материально обеспеченная жизнь	10,0	10-13	13	11,0	13	13
Счастье других	13,5	15	14	12,0	14	14
Общественное признание	13,0	14	15	13,0	15-16	16
Творчество	14,0	16	16	13,0	15-16	15
Красота природы и искусства	16,0	17	17	16,0	17	17
Развлечения	17,0	18	18	17,0	18	18

Ранжирование ценностей производилось на основе двух указанных методов, при этом следует отметить, что ранговые ряды, определенные двумя различными способами, в очень большой степени совпадают, однако ранжировки по медиане дают более грубый, приблизительный рейтинг ценностей, поэтому второй способ представляется более предпочтительным (эти данные выделены в таблице жирным шрифтом).

Как видно из таблицы, и для коррупционеров, и для законопослушных лиц наиболее значимыми ценностями являются «счастливая семейная жизнь», «здоровье» и «любовь». Вместе с тем, счастье в семейной жизни и любовь статистически значимо важнее для преступников, чем для законопослушных (соответственно, $U = 1410,0$; $p < 0,001$; $U = 1705,0$; $p < 0,05$), скорее всего потому, что в условиях отбывания наказания они лишены и того, и другого. Наименее значимыми ценностями в обеих группах выступают «красота природы и искусства» и «развлечения».

Необходимо особо подчеркнуть, что ценность «материально обеспеченной жизни» и для коррупционеров, и для законопослушных лиц невысока: она стоит в обеих группах на 13 месте ранжированного перечня из 18 ценностей.

Различия в ценностных ориентациях между группами выявляются в середине перечня. К наиболее важным среди них относятся следующие: для законопослушных лиц выше значимость «интересной работы» (4-е место), чем для преступников (9-е место); важнее ценность «продуктивной жизни» (5-е и 10-е места соответственно); а также «познания» (8-е и 12-е места соответственно). В целом, можно резюмировать, что для законопослушных лиц достижение высокого профессионального мастерства в работе, вызывающей интерес у исполнителя, возможность самореализации в профессиональной сфере важнее, чем для коррупционеров. Возможно, это различие обусловлено реалиями

трудовой деятельности заключенных в местах лишения свободы, где люди с высоким образовательным уровнем, специалисты и профессионалы-управленцы заняты малоквалифицированным трудом, т. е. деятельностью, которая сама по себе (так же как и ее результаты) не является для них интересной и привлекательной.

Для коррупционных преступников важнее, чем для законопослушных лиц, ценности «наличие друзей» (4-е и 9-е места); «свободы» (6 и 12 места) и «жизненной мудрости» (8-е и 11-е места). Безусловно, потребность в свободе должна ощущаться острее у того, кто ее утратил. В местах лишения свободы лучше познается и ценность настоящих друзей, которые не отвернутся в трудную минуту.

Таблица 2

Инструментальные ценности (ИЦ)

Показатели	Основная группа			Контрольная группа		
	(N = 71)			(N = 61)		
	Me	Ранг 1	Ранг 2	Me	Ранг 1	Ранг 2
Ответственность	3,0	1	1	3,0	1	1
Честность	6,0	3-5	2	6,0	2-3	3
Образованность	6,0	3-5	3	6,0	2-3	2
Исполнительность	5,0	2	4	9,0	6-8	7
Воспитанность	6,0	3-5	5	10,0	9-13	8
Самоконтроль	8,0	6-8	6	8,0	5	6
Твердая воля	8,0	6-8	7	11,0	14-15	11
Эффективность в делах	8,0	6-8	8	10,0	9-13	9
Независимость	9,0	9	9	11,0	14-15	16
Рационализм	10,0	10-13	10	9,0	6-8	5
Аккуратность	10,0	10-13	11	10,0	9-13	14
Смелость в отстаивании своего мнения, взглядов	10,0	10-13	12	10,0	9-13	13
Терпимость	10,0	10-13	13	9,0	6-8	10
Широта взглядов	11,0	14	14	7,0	4	4

Жизнерадостность	13,0	16	15	12,0	16	15
Чуткость	12,0	15	16	10,0	9-13	12
Непримиримость к недостаткам в себе и других	16,0	17	17	17,0	17	17
Высокие запросы	18,0	18	18	18,0	18	18

Как и при оценке терминальных ценностей, первая тройка самых значимых качеств (инструментальных ценностей) и у преступников, и у законопослушных граждан одинакова: «ответственность», «честность» и «образованность». Стремление к знаниям обуславливает высокий образовательный уровень многих коррупционеров, о чем говорилось выше (82% имели высшее образование). Что касается честности, то опрошенные преступники, вероятно, не считают обман государства нечестным поступком (в отличие, например, от обмана родственников, друзей и др.) К сожалению, такое отчуждение от государства, двойные стандарты распространены не только среди преступников, но и в широких слоях российского общества.

Идентичны и пара наименее важных качеств: «непримиримость к недостаткам в себе и других» и «высокие запросы». Таким образом, полученные результаты опровергают утверждения ряда исследователей, что коррупционеры характеризуются повышенными запросами и притязаниями, стремлением удовлетворять любые свои материальные потребности, ради чего и совершают преступления.

В ранжированных рядах инструментальных ценностей расхождения также проявляются в середине перечня. Так, для законопослушных лиц значительно важнее, чем для преступников, такое качество, как «широта взглядов» (4-е и 14-е места соответственно). Здесь наблюдается статистически значимое различие между распределениями данных: $U = 1318,0$; $p < 0,001$. Аналогичным образом, для законопослушных лиц существенно важнее такое качество, как «чуткость», чем для преступников (12-е и 16-е места соответственно; $U = 1696,0$; $p < 0,05$). Представляется, что этот результат может быть в значительной мере обусловлен гендерными различиями между группами (в основную входили только мужчины, а в контрольной 41% составляли женщины).

Для преступников, напротив, важнее, чем для законопослушных граждан, такие качества, как «исполнительность» (4-е и 7-е места, статистически значимое различие между распределениями данных, $U = 1610,0$; $p < 0,05$), «твердая воля» (7-е и 11-е места) и «независимость» (9-е и 16-е места). Возможно, это обусловлено их адаптацией к условиям жизни в колонии.

Тест «Смысл жизни» (СЖ) (табл. 3). Показатели этого и последующих тестов основаны на метрических шкалах, поэтому здесь и далее подсчитывались средние арифметические и стандартные отклонения по каждому показателю. Далее анализировался характер распределения переменных, его близость к нормальному распределению (строились графики квантилей, а в спорных случаях подсчитывались асимметрия и эксцесс). В случае, когда оба показателя (в основной и контрольной группе) имели нормальное или

приближенное к нормальному распределению, подсчитывался t-критерий Стьюдента между выборочными средними. Когда же данные хотя бы одного показателя из пары распределялись не по нормальному закону, считался U-критерий Манна—Уитни. Кроме того, первые 14 показателей (шкалы ценностей) ранжировались на основе средних арифметических значений по группам.

Таблица 3

Тест «Смысл жизни»

Показатели	Основная группа (N = 72)			Контрольная группа (N = 61)		
	μ^7	δ^8	Ранг	μ	δ	Ранг
Семья	2,90	0,35	1	2,59	0,82	2-3
Дети	2,73	1,02	2	2,62	1,08	1
Образование	2,60	0,84	3	2,25	1,19	7-8
Хобби	2,56	0,88	4	2,59	0,69	2-3
Любовь	2,46	1,19	5	2,31	1,31	6
Знания	2,13	1,57	6	2,49	0,81	4-5
Творчество	2,01	1,22	7	1,48	1,71	11
Активность/пассивность	2,01	1,35	8	2,25	1,36	7-8
Удовольствия	2,00	1,35	9	2,10	1,39	9
Искусство	1,91	1,68	10	2,49	0,89	4-5
Работа	1,50	1,80	11	1,77	1,73	10
Эгоизм/альтруизм	0,37	1,83	12	0,82	1,88	12
Опора на себя — помощь друзей	0,24	2,40	13	0,10	2,28	13
Материальные блага	-0,74	2,12	14	-1,34	1,94	14
Стабильность/риск	0,03	2,20	—	0,11	2,15	—
Оптимизм/пессимизм	19,57	5,13	—	16,36	6,67	—

В целом, получены сходные распределения ценностей в основной и контрольной

⁷ Среднее арифметическое.

⁸ Стандартное отклонение.

группах. Первую тройку ценностей у коррупционеров составляют *семья, дети и образование*, у законопослушных лиц — *дети, семья и хобби* («значимость любительских занятий и увлечений»). При этом роль семьи для коррупционеров статистически значимо выше, чем для законопослушных лиц ($U = 1747,0$; $p < 0,01$). Этот результат сходен с полученным по субтесту ТЦ М. Рокича. Необходимо отметить также, что и ценность образования статистически значимо выше для преступников (3-е место), чем для законопослушных лиц, у которых оно находится на 7-м — 8-м местах ($U = 1692,0$; $p < 0,01$).

На последних местах в обеих группах — значимость друзей и материальных благ. В этой связи необходимо отметить, что в тесте «Смысл жизни» ценность друзей предлагается оценивать не саму по себе (как в тесте Рокича). Друзья представлены как люди, к которым можно обратиться в трудную минуту, на чью поддержку можно рассчитывать. Альтернативное суждение здесь — «в решении важных вопросов следует рассчитывать лишь на собственные силы». Таким образом, в данной шкале оппозициями выступают «ориентация на поддержку друзей» или «опора на собственные силы».

Наибольшие различия в ценностях (как в значениях показателей теста, так и в иерархиях по группам) заключаются в следующем. Обследованные коррупционеры выше оценивают возможность проявлять активность, заниматься любимым делом (альтернативой выступает беззаботная жизнь) (7-е место), чем законопослушные (11-е место). Законопослушные граждане, напротив, выше оценивают значимость культурных ценностей (литературы, музыки, изобразительного искусства) (4—5-е место), чем коррупционные преступники (10-е место).

Переходя от шкал ценностей к другим показателям теста, необходимо отметить, что и коррупционеры, и законопослушные граждане продемонстрировали высокий уровень оптимизма, но у преступников он оказался статистически значимо выше ($t = 3,11$; $p < 0,01$). Скорее всего, здесь (как и в ряде других случаев) проявилось действие механизмов психологической защиты личности, устраняющих либо ослабляющих негативное влияние психотравмирующей информации.

Наконец, в обеих группах лица, склонные к риску и склонные к осторожности, оказались представлены в близкой пропорции. Среди преступников 29 (40,3%) человек более склонны к риску, 27 (37,5%) — к осторожности; у законопослушных это соотношение: 31 (50,8%) к 22 (36,1%).

Методика «Диагностика социально-психологических установок личности в мотивационно-потребностной сфере» О.Ф. Потемкиной (табл. 4). Наиболее значимые результаты при сопоставлении данных коррупционных преступников и законопослушных людей заключаются в том, что для осужденных наиболее значима ценность *свободы*, а для законопослушных она находится на 2-м месте.

Таблица 4

Методика О.Ф. Потемкиной

Показатели	Основная группа (N = 72)			Контрольная группа (N = 61)		
	μ	δ	Ранг	μ	δ	Ранг
Процесс	4,94	1,86	4	6,15	1,88	1
Результат	6,18	1,53	2	5,82	1,54	4
Альтруизм	5,82	2,43	3	5,89	2,37	3
Эгоизм	2,67	1,74	7	2,89	1,84	7
Труд	4,93	2,32	5	4,93	2,06	5
Свобода	6,33	2,18	1	5,93	1,88	2
Власть	3,44	2,13	6	3,21	1,97	6
Деньги	2,08	1,72	8	2,33	1,84	8

Ценности «власти», «денег», а также эгоистическая установка занимают последние места в обеих группах, причем со значительным отставанием от остальных. Так, по шкале «деньги» высокие баллы выявлены лишь у троих коррупционеров (4,2%) и у троих законопослушных обследованных (4,9%).

Кроме того, коррупционеры более утилитарны, они стремятся к достижению конкретного результата в любой деятельности (2-е место). Сам процесс работы для них значит существенно меньше (4-е место). У законопослушных граждан наблюдается обратное соотношение. Для них важнее, чтобы само занятие, выполняемая работа представляла интерес (1-е место) а достижение результата менее значимо (4- место). Именно по шкале «Результат» получено единственное статистически значимое различие между среднегрупповыми показателями для основной и контрольной групп ($t = -3,70$; $p < 0,001$).

Тест «Уровень субъективного контроля» (УСК) (табл 5). Коррупционные преступники отличаются чуть большей интернальностью, чем законопослушные граждане, по основной шкале (общая интернальность—экстернальность) и трем дополнительным из шести (интернальность в области достижений, семейной сфере и межличностных отношениях). Однако значения по большей части шкал теста в обеих группах находятся в диапазоне средних значений, все имеющиеся межгрупповые различия не являются статистически значимыми.

Таблица 5

Тест «Уровень субъективного контроля»

Показатели	Основная группа (N = 70)		Контрольная группа (N = 61)	
	μ	δ	μ	δ
Общая интернальность-экстернальность	6,13	1,96	6,00	2,19
Область достижений	7,33	1,98	6,74	2,21
Область неудач	5,33	2,23	5,75	2,25
Семейная сфера	7,01	1,93	6,49	2,04
Профессиональная сфера	5,01	1,83	5,31	1,79
Сфера межличностных отношений	6,89	1,85	6,56	1,95
Сфера здоровья	5,80	1,97	6,26	1,91

Следует отметить, что полученные результаты опровергают предположение О.В. Ванновской о том, что «коррупциогенная личность» характеризуется внешним локусом контроля [5, с. 327]. Вместе с тем они согласуются с данными В.Е. Петрова и др. [18; 23—24].

Еще один интересный результат по тесту заключается в том, что у коррупционеров разница между интернальностью в сферах достижений и неудач достигает двух стенов и в два раза превышает таковую у законопослушных граждан (один стен). Таким образом, коррупционные преступники несколько чаще приписывают свои достижения себе, личным усилиям, настойчивости и энергии, а неудачи (в том числе приведшие на скамью подсудимых и в места лишения свободы) — неблагоприятному стечению обстоятельств или злumu умыслу других людей. У законопослушных граждан эта тенденция выражена в меньшей степени.

Для проверки гипотезы о влиянии на результаты стремления обследованных давать социально желательные ответы, использовалась следующая процедура. Из основной и контрольной групп были выделены подгруппы лиц, наиболее правдиво отвечавших на вопросы теста «Честность» (соответственно 60 и 40 человек). Далее по этим подгруппам «особо правдивых» проводилась та же статистическая обработка материалов, что и по основным группам. При анализе полученных результатов производилось перекрестное сопоставление четырех ранжированных рядов ценностей: по основной и контрольной группам, как взятым в целом, так и по подгруппам лиц, продемонстрировавших наиболее достоверные результаты.

Сравнение показало, что большая часть изменений в оценках для подгрупп «правдивых» по сравнению с соответствующими общими группами малозначимы, они носят частный характер. Почти все эти расхождения относятся к средней части ранжированных рядов ценностей и не затрагивают наиболее и наименее значимые ни у коррупционных преступников, ни у законопослушных лиц. То есть радикального изменения ценностей в выделенных подгруппах не происходит, хотя некоторые качества в середине списков и перемещаются на 3-ю — 4-ю позиции. В целом же проведенный анализ показал, что *данные общего массива являются вполне достоверными.*

Выводы

1. Представляется, что наиболее важные результаты исследования связаны с первыми и последними позициями рейтингов ценностей (предпочитаемые и отвергаемые ценности). Так, по согласованным данным отдельных тестов для коррупционных преступников самыми значимыми являются следующие ценности: *свобода, семья, любовь, дети, здоровье, образование, новые знания, расширение кругозора.* Аналогичные ценностные предпочтения характерны и для законопослушных граждан. Возможно лишь, этот перечень для них следует привести немного в другой последовательности и добавить в него «хобби (любительские занятия и увлечения)».

Полученные данные частично согласуются с результатами некоторых других исследований. Так, например, в работе А.А. Кашкарова в число ведущих ценностей коррупционных преступников входили *семья и свобода* [17, с. 106].

Наименее значимыми ценностями для коррупционеров выступают *материальная обеспеченность, развлечения, общественное признание, переживание прекрасного, высокие запросы, власть* (понимаемая как стремление к власти, обладание властными полномочиями). При этом материальные ценности находятся на самых последних местах рейтингов по двум использованным тестам и во второй половине ранжированных списков еще по одному⁹. Сходные результаты продемонстрировали и законопослушные граждане.

Эти данные радикально отличается от стереотипных представлений о коррупционных преступниках. В общественном сознании они предстают жадными, меркантильными, корыстолюбивыми людьми, стремящимися к роскоши, желающими повысить свое материальное благосостояние любыми доступными им средствами. Подобного рода суждения регулярно встречаются и в научной литературе. В меньшей мере сказанное относится и к низкой значимости для коррупционных преступников развлечений и высоких запросов.

Представляется, что многие результаты, полученные в основной группе, обусловлены не характером преступлений, совершенных этими лицами, а связаны с их длительным нахождением в местах лишения свободы. В этих условиях для осужденных существенно повышается значимость ценностей, связанных с депривированными, нереализованными потребностями: в любви, общении с близкими, супругами, детьми, друзьями; повышается значимость здоровья (у многих подорванного в процессе отбывания наказания) и, конечно, свободы. Именно этим обстоятельством, на наш взгляд, обусловлен также и ряд различий в ценностях между изученными группами коррупционных преступников и законопослушных

⁹ Конкретные формулировки этой ценности в отдельных тестах различались.

лиц (например, статистически значимо большая важность для первых ценностей счастливой семейной жизни и любви).

2. К значимым результатам исследования относится также то, что в нем коррупционеры предстают прагматичными людьми, нацеленными на получение конкретного результата в любой деятельности, которой они занимаются (в том числе в работе). Эти данные согласуются с материалами других исследований. Так, Е.Е. Гавриной и И.С. Хавановой [12, с. 77] было получено высокое значение для коррупционеров ценности *достижения* (по опроснику ОТеЦ И.Г. Сенина), интерпретация которой содержательно близка к *ориентации на результат* по тесту О.Ф. Потемкиной. Законопослушным гражданам, напротив, важнее, чтобы их работа, а также любое другое занятие представляли для них интерес сами по себе, независимо от достижения положительного результата. Вероятно, поэтому различные хобби для них значимее, чем для коррупционеров.

3. И коррупционеры, и законопослушные граждане среди различных человеческих качеств наиболее высоко оценивают *ответственность, честность и образованность*. Наконец, коррупционеры продемонстрировали несколько большую *оптимистичность*, чем представители контрольной группы. Полагаем, что это связано как с присущей данной категории обследованных стрессоустойчивостью, так и с действием механизмов психологической защиты, актуализирующихся в остро фрустрирующей ситуации уголовного преследования и отбывания наказания.

Таким образом, полученные данные не соответствуют распространенным представлениям о «типичном коррупционере». Приходится констатировать, что бытующий в общественном сознании негативный собирательный образ, подкрепленный скорее общетеоретическими соображениями отдельных ученых и наделенный всяческими мыслимыми и немыслимыми недостатками, далек от действительности. Однако полагаем, что для организации эффективного противодействия коррупции необходимо дать правоприменителям реальное, а не мифологизированное представление об объекте борьбы — коррупционере, его психологических особенностях, на что было направлено настоящее исследование. Вторая часть результатов, полученная с использованием проективной методики ЦТО, будет представлена в следующей статье.

Литература

1. Бажин Е.Ф., Голынкина Е.А., Эткинд А.М. Метод исследования уровня субъективного контроля // Психологический журнал. Т 5. 1984. № 3. С. 152—162.
2. Бажин Е.Ф., Эткинд А.М. Цветовой тест отношений (ЦТО): метод. рекомендации. Л., 1985. 18 с.
3. Балашов А.А., Гаврина Е.Е., Шорников В.П. Коррупция в обществе и уголовно-исполнительной системе России: учеб. пособие / Под ред. Е.Е. Гавриной. Рязань, 2011. 196 с.
4. Богодухова Е.М., Гордиенко В.Г. Психологические механизмы коррупционного поведения личности [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 44. URL: <http://e-koncept.ru/2017/570134.htm>
5. Ванновская О.В. Личностные детерминанты коррупционного поведения // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.

- И. Герцена. 2009. № 102. С. 323—328.
6. *Ванновская О.В.* Обоснование концепции коррупционного поведения госслужащих // Вестник Московского государственного областного университета. Сер. «Психологические науки». 2011. № 3. С. 130—135.
 7. *Ванновская О.В.* Психология коррупционного поведения госслужащих: монография. СПб.: Книжный дом, 2013. 261 с.
 8. *Гаврина Е.Е.* Специфика проявления коррумпированного поведения сотрудников правоохранительных органов // Прикладная юридическая психология. 2010. № 3. С. 64—69.
 9. *Гаврина Е.Е.* Социально-психологические детерминанты, оказывающие влияние на формирование коррупционного поведения // Прикладная юридическая психология. 2016. № 3. С. 47—55.
 10. *Гаврина Е.Е., Балашов А.А.* Типология осужденных за коррупционные и экономические преступления // Прикладная юридическая психология. 2011. № 2. С. 68—74.
 11. *Гаврина Е.Е., Горностаев С.В., Холопов В.А.* Коррупционная деструктивность личности сотрудников правоохранительных органов: монография / Под ред. Е.Е. Гавриной. М., 2010. 133 с.
 12. *Гаврина Е.Е., Хаванова И.С.* Мотивационная сфера личности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, совершивших преступления коррупционного характера // Прикладная юридическая психология. 2015. № 3. С. 74—81.
 13. *Гаврина Е.Е., Хаванова И.С.* Психологические особенности бывших сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные и общеуголовные преступления // В мире научных открытий. 2015. № 3.7. С. 3212—3224.
 14. *Гаврина Е.Е., Хаванова И.С.* Социально-психологический профиль сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления // Коченовские чтения «Психология и право в современной России»: Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. М.: МГППУ, 2016. С. 176—178.
 15. *Гаврина Е.Е., Хаванова И.С.* Индивидуально-психологические особенности личности сотрудников уголовно-исполнительной системы, осужденных за коррупционные преступления // Социально- психологические исследования коррупции / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Д.А. Китова, В.А Соснин. М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. С. 188—202.
 16. *Журавлев А.Л., Юревич А.В.* Психологические факторы коррупции // Прикладная юридическая психология. 2012. № 1. С. 8—21.
 17. *Кашкаров А.А.* Социально-психологическое исследование состояния должностной преступности в органах публичной власти в Республике Крым и городе Севастополе. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2015. 154 с.
 18. *Кокурин А.В., Петров В.Е.* Психолого-криминологическая характеристика личности сотрудников органов внутренних дел, осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина

(МГЮА). 2017. № 7. С. 111—123.

19. Корчагина Г.И., Богодухова Е.М., Дровосеков С.Э. Психологические подходы к исследованию коррупционного поведения личности [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 29. С. 345—351. URL: <http://e-koncept.ru/2017/770876.htm>
20. Кроз М.В., Ратинова Н.А. Психологические подходы к изучению личности коррупционного преступника // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2016. № 6 (56). С. 47—53.
21. Леонтьев Д.А. Методика изучения ценностных ориентаций. М.: Смысл, 1992. 17 с.
22. Лютова М.С., Корчагина Г.И. Профессионально-личностные детерминанты коррупционного поведения профессионала [Электронный ресурс] // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 32. С. 110—117. URL: <http://e-koncept.ru/2016/56673.htm>
23. Петров В.Е. Прогнозирование степени антикоррупционной устойчивости поведения сотрудников Госавтоинспекции на основе Калифорнийского психологического опросника [Электронный ресурс] // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 URL: <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64822>
24. Петров В.Е., Караваев А.Ф. Психологическая диагностика склонности сотрудников Госавтоинспекции к коррупционно опасному поведению // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2016. № 4 (67). С. 94—102.
25. Ратинов А.Р. Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход // Личность преступника как объект психологического исследования: сб. науч. трудов / Под ред. А.Р.Ратинова. М., 1979. С. 3—33.
26. Ратинов А.Р. К ядру личности преступника // Актуальные проблемы уголовного права и криминологии: сб. науч. трудов. М., 1981. С. 67—86.
27. Хаванова И.С. Специфика свойств личности бывших сотрудников УИС, осужденных за коррупционные преступления (результаты t-критерия Стьюдента) // Теоретические и прикладные аспекты современной науки: сб. науч. трудов по материалам V Международной научно-практической конференции. 30 ноября 2014 г.: в 6 ч. Ч. VI. / Под общ. ред. М.Г. Петровой. Белгород, 2014. С. 224—227.
28. Эткинд А.М. Цветовой тест отношений // Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 221— 227.

Psychological features of corruption criminals

Kroz M.V., PhD (Psychology), associate professor, leading researcher of the Department of psychological support of prosecutorial activity, Research Institute of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (m.kroz@mail.ru)

Ratinova N.A., PhD (Psychology), associate professor, leading researcher of the Department of psychological support of prosecutorial activity, Research Institute of the University of Prosecutor's office of the Russian Federation (ratinova.n@yandex.ru)

The article presents the first part of the study of psychological characteristics of persons who committed crimes of corruption. Law-abiding civil servants acted as a control group. The theoretical basis of the study was the value-normative theory of the criminal A. R. Ratinov's personality, so the main attention was paid to the analysis of the value sphere of corrupt officials. The systems of value orientations of corruption criminals and law-abiding citizens were analyzed and compared, the most and the least significant values for both groups and some individual features were determined. The results contradict the widespread traditional ideas about corrupt officials as Mercantile, self-interested people, who put material values in the first place. So, for corruption criminals the most important are the values: freedom, family, love, children, health, education, new knowledge, expanding horizons. Similar value preferences are typical for law-abiding citizens. The least significant values for corrupt officials are material security, entertainment, public recognition, experience of beauty, high demands and power.

Key words: corruption criminals, civil servants, personality, value orientations.

References

1. Bazhin E.F., Golyunkina E.A., Etkind A.M. Metod issledovaniya urovnya subektivnogo kontrolya [The method of research of the level of subjective control]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 1984, Vol. 5, no. 3, pp. 152 — 162.
2. Bazhin E.F., Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii (TsTO). Metodicheskie rekomendatsii [the Color test of relations (TSC) method. recommendations]. Leningrad, 1985. 18 p.
3. Balashov A.A., Gavrina E.E., Shornikov V.P. Korruptsiya v obshchestve i ugolovno-ispolnitel'noi sisteme Rossii: ucheb. Posobie [Corruption in the society and the penal system of Russia: studies. the allowance]. Gavrina E.E. (eds.). Ryazan', 2011. 196 p.
4. Bogodukhova E.M., Gordienko V.G. Psikhologicheskie mekhanizmy korruptsiionnogo povedeniya lichnosti [Elektronnyi resurs]. [Psychological mechanisms of corruption behavior of a person] *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» [Scientific-methodical electronic journal "Concept"]*, 2017, no. 44. Available at: <http://e->

koncept.ru/2017/570134.htm (Accessed 15.02.2018). (In Russ., Abstr. in Engl.).

5. Vannovskaya O.V. Lichnostnye determinanty korruptsiionnogo povedeniya [Personal determinants of corruption behavior]. *Izvestiya Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena [Russian state pedagogical University named after A. I. Herzen]*. 2009, no. 102, pp. 323 — 328.
6. Vannovskaya O.V. Obosnovanie kontseptsii korruptsiionnogo povedeniya gossluzhashchikh [Substantiation of the concept of corrupt behaviour of civil servants]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser. «Psikhologicheskie nauki» [Bulletin of Moscow state regional University. Ser. «Psychological science»]*, 2011, no. 3, pp. 133 — 134.
7. Vannovskaya O.V. Psikhologiya korruptsiionnogo povedeniya gossluzhashchikh: monografiya [Psychology of corrupt behaviour of public servants: monograph]. Saint-Petersburg, Publ. Knigny dom, 2013. 261 p.
8. Gavrina E.E. Spetsifika proyavleniya korrumpirovannogo povedeniya sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov [The specificity of the manifestations of corrupt behavior of law enforcement]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Journal of Applied legal psychology]*, 2010, no.3, pp. 64 — 69.
9. Gavrina E.E. Sotsial'no-psikhologicheskie determinanty, okazyvayushchie vliyanie na formirovanie korruptsiionnogo povedeniya [Socio-psychological determinants influencing the formation of corruption behavior]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2016, no. 3, pp. 47 — 55.
10. Gavrina E.E., Balashov A.A. Tipologiya osuzhdennykh za korruptsiionnye i ekonomicheskie prestupleniya [Typology of convicted for corruption and economic crimes]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2011, no. 2, pp. 68 — 74.
11. Gavrina E.E., Gornostaev S.V., Kholopov V.A. Korruptsiionnaya destruktivnost' lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov: monografiya. [Corruption, the destructiveness of the personality of law enforcement officers: monograph]. Gavrina E.E. (eds.). Moscow, 2010. 133 p.
12. Gavrina E.E., Khavanova I.S. Motivatsionnaya sfera lichnosti byvshikh sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy, sovershivshikh prestupleniya korruptsiionnogo kharaktera [Motivational sphere of the personality of former employees of the criminal-Executive system who committed crimes of corruption]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. 2015. no. 3, pp. 74 — 81.
13. Gavrina E.E., Khavanova I.S. Psikhologicheskie osobennosti byvshikh sotrudnikov ugovovno-ispolnitel'noi sistemy, osuzhdennykh za korruptsiionnye i obshcheugolovnye prestupleniya [Psychological features of former employees of the penal system, convicted of corruption and ordinary crimes]. *V mire nauchnykh otkrytii [In the world of scientific discoveries]*. 2015, no. 37, pp. 3212 — 3224.
14. Gavrina E.E., Khavanova I.S. Sotsial'no-psikhologicheskii profil' sotrudnikov ugovovno-

- исполнител'noi sistemy, osuzhdennykh za korrupsionnye prestupleniya [Socio-psychological profile of the staff of the penal system convicted of corruption crimes]. Sbornik tezisov uchastnikov Vserossiiskoi konferentsii po yuridicheskoi psikhologii s mezhdunarodnym uchastiem Kochenovskie chteniya «Psikhologiya i pravo v sovremennoi Rossii» [Collection of abstracts of participants of the all-Russian conference on legal psychology with international participation Kochenov readings "Psychology and law in modern Russia"]. Moscow: Publ. MGPPU, 2016, pp. 176 — 178.
15. Gavrina E.E., Khavanova I.S. Individual'no-psikhologicheskie osobennosti lichnosti sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noi sistemy, osuzhdennykh za korrupsionnye prestupleniya. Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniya korrupsitsii [individual psychological peculiarities of the personality of employees of the penal system, sentenced for crimes of corruption. Social - psychological study of corruption]. In Zhuravlev A.L (eds.). Moscow: Publ. Institut psikhologii RAN, 2017, pp. 188 — 202.
 16. Zhuravlev A.L., Yurevich A.V. Psikhologicheskie faktory korrupsitsii [Psychological factors of corruption]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2012, no. 1, pp. 8 — 21.
 17. Kashkarov A.A. Sotsial'no-psikhologicheskoe issledovanie sostoyaniya dolzhnostnoi prestupnosti v organakh publichnoi vlasti v Respublike Krym i gorode Sevastopole [Socio-psychological study of the state of official crime in public authorities in the Republic of Crimea and the city of Sevastopol]. Krasnodar: Publ. Krasnodarskii universitet MVD Rossii, 2015. 154 p.
 18. Kokurin A.V., Petrov V.E. Psikhologo-kriminologicheskaya kharakteristika lichnosti sotrudnikov organov vnutrennikh del, osuzhdennykh za sovershenie prestuplenii korrupsionnoi napravlenosti [Psychological and criminological characteristics of the personality of employees of internal Affairs bodies convicted of committing corruption crimes]. *Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA) [Bulletin of the University named after O. E. Kutafin (MSAL)]*, 2017, no. 7, pp. 111 — 123.
 19. Korchagina G.I., Bogodukhova E.M., Drovosekov S.E. Psikhologicheskie podkhody k issledovaniyu korrupsionnogo povedeniya lichnosti [Elektronnyi resurs] [Psychological approaches to the study of corruption behavior of a person]. Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept»b [Scientific and methodical electronic journal "Concept"], 2017, Vol. 29, pp. 345 — 351. Available at: <http://e-koncept.ru/2017/770876.htm> (Accessed 25.02.2018).
 20. Kroz M.V., Ratinova N.A. Psikhologicheskie podkhody k izucheniyu lichnosti korrupsionnogo prestupnika [Psychological approaches to the study of the identity of the corruption offender]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the General Prosecutor of the Russian Federation]*, 2016, no. 6 (56), pp. 47 — 53.
 21. Leont'ev D.A. Metodika izucheniya tsennostnykh orientatsii [Method of studying value orientations]. Moscow: Publ. «Smysl», 1992. 17 p.
 22. Lyutova M.S., Korchagina G.I. Professional'no-lichnostnye determinanty korrupsionnogo povedeniya professionala [Elektronnyi resurs] [Professional and

- personal determinants of corruption behavior of a professional]. *Nauchno-metodicheskii elektronnyi zhurnal «Kontsept» [Scientific and methodical electronic journal "Concept"]*, 2016, Vol. 32, pp. 110 — 117. Available at: <http://e-kontsept.ru/2016/56673.htm> (Accessed 25.02.2018).
23. Petrov V.E. Prognozirovaniye stepeni antikorrupsionnoi ustoichivosti povedeniya sotrudnikov Gosavtoinspektsii na osnove Kaliforniiskogo psikhologicheskogo oprosnika [Elektronnyi resurs] [Forecasting the degree of anti-corruption stability of the behavior of employees of the state traffic Inspectorate on the basis of the California psychological questionnaire]. *Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Modern scientific research and innovation]*, 2016, no. 2. Available at: <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/64822> (Accessed 25.02.2108).
 24. Petrov V.E., Karavaev A.F. Psikhologicheskaya diagnostika sklonnosti sotrudnikov Gosavtoinspektsii k korrupsionno opasnomu povedeniyu [Psychological diagnostics of propensity of employees of the state traffic Inspectorate to corruption dangerous behavior]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogics in law enforcement agencies]*, 2016, no. 4 (67), pp. 94 — 102.
 25. Ratinov A.R. Psikhologiya lichnosti prestupnika. Tsennostno-normativnyi podkhod. Lichnost' prestupnika kak ob"ekt psikhologicheskogo issledovaniya: sbornik nauchnykh trudov [Psychology of the criminal's personality. The value-normative approach, the identity of the offender as an object of psychological studies: collection of scientific works]. Moscow, 1979, pp. 3 — 33.
 26. Ratinov A.R. K yadru lichnosti prestupnika. Aktual'nye problemy ugolovnogo prava i kriminologii. Sbornik nauchnykh trudov [To the core of the identity of the offender // Actual problems of criminal law and criminology: collection of scientific works. labours']. Moscow, 1981, pp. 67 — 86.
 27. Khavanova I.S. Spetsifika svoistv lichnosti byvshikh sotrudnikov UIS, osuzhdennykh za korrupsionnye prestupleniya (rezul'taty t-kriteriya St'yudenta) [The specificity of the personality traits of former employees of the penal system, sentenced for crimes of corruption (results of t-student criterion)]. Sbornik nauchnykh trudov po materialam V Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoi nauki" (Belgorod, 30 noyabrya 2014 g.) [Proceedings of the V International scientific and practical conference "Theoretical and applied aspects of modern science: collection of scientific works"], 2014. Vol. VI, pp. 224 — 227.
 28. Etkind A.M. Tsvetovoi test otnoshenii. Obshchaya psikhodiagnostika [Color test relations. General diagnostics] In Bodalev A.A. (eds.). Moscow: Publ. Mosk. un-t, 1987, pp. 221 — 227.

Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы

Журавлева Т.В., магистр психологии, младший научный сотрудник лаборатории медицинской биохимии и психонейроэндокринологии, Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Государственный научный центр Российской Федерации—Институт медико-биологических проблем Российской академии наук (tita1993@mail.ru)

В статье дано определение суицида, рассмотрены принципы классификации суицидального поведения и его дефиниции. Приведен обзор теоретических представлений о суициде, описаны взгляды на самоубийство представителей философского и психологического научных направлений в историческом и современном контексте. Рассмотрены основные подходы к изучению суицидального поведения на основе современных представлений о самоубийстве как феномене. Показано, что исследование данной проблемы сопряжено со значительными трудностями из-за разнообразия форм и видов суицидального поведения и мультивариантности его побудительной мотивации, включающей в себя юридические, медико-генетические, биологические, теологические, социальные и психологические аспекты. Рациональный анализ самоубийства как общественного явления возможен только на основе комплексного междисциплинарного подхода к его изучению. Первостепенной задачей при этом должно являться исследование психологических особенностей субъекта как личности, его социализации, адаптации к принятым в обществе нормам поведения, навыков общения с микросоциальным окружением и способов преодоления кризисных ситуаций.

Ключевые слова: суицид, философские и психологические аспекты суицидального поведения, дефиниции и принципы классификации суицидального поведения.

Для цитаты:

Журавлева Т.В. Суицид — осознанный выбор смерти: философские и психологические аспекты проблемы. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 35-49.

doi: 10.17759/psylaw.2018080203

For citation:

Guravleva T.V. Suicide — the conscious choice of death: the philosophical and psychological aspects of the problem. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 35-49.
doi: 10.17759/psylaw.2018080203

Введение

Суицидальное поведение — социальная проблема с устойчивыми закономерностями, формирующимися на основе этнических, культурных, исторических и экономических особенностей целых континентов, отдельных стран и входящих в них на правах субъектов областей и автономий [3]. Это обобщающее понятие, которое помимо завершённого суицида включает в себя попытки без летального исхода, суицидальные мысли, намерения и планы [12].

Изучение суицидального поведения сопряжено с определенными трудностями, так как оно часто рассматривается представителями различных научных направлений с диаметрально противоположных позиций. Это во многом обусловлено разнообразием побудительной мотивации самоубийств, включающей в себя философские, теологические, юридические, медико-генетические, биологические и социально-психологические аспекты [8].

Цель данной работы — обобщение теоретических представлений о суициде на основе анализа литературных данных.

Понятие «суицид» и типология суицидального поведения

Слово «самоубийство» ведет свое начало от древнелатинского «mors voluntaria», что буквально переводится как «добровольная смерть». А «sibi mortem consciscere» означает «добровольный выбор собственной смерти» [38].

В настоящее время для обозначения самоубийства используется неологизм «suicide», произошедший от древнелатинского «suicidium». Данный термин возник, предположительно, в первой половине XVII в. Для его образования использовалось возвратное местоимение «sui», означающее «себя» и глагол «caedere», переводимый как «убивать», «приносить в жертву», «бить», «рубить» [8]. Впервые слово «suicide» употребляется в работе сэра Томаса Брауна «Religio Medici», вышедшей в свет в 1641 г. [25]. До этого времени в научных и философских трактатах широко использовали либо древнелатинские понятия, либо слова «autoch(e)iria» и «αυτο-χειρος», впоследствии перенесенные в тексты, написанные на латыни [38]. В русскоязычном варианте слово «самоубийство» для обозначения суицида впервые употребляется в 1704 г. в трактате «Лексикон трехязычный», составленном директором Московской типографии, наставником Славяно-греко-латинской школы Федором Поликарповым-Орловым [11].

В настоящее время суицид принято определять как осознанное, добровольное, собственноручно исполненное саморазрушающее деяние, непосредственной и ближайшей целью которого является смерть [25].

Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) предлагает рассматривать самоубийство как «... результат действия, преднамеренно начатого и совершенного

человеком с полным знанием или ожиданием своего фатального исхода» [17].

Подавляющее большинство исследователей суицидального поведения сходятся во мнении, что оно не является строго психиатрическим феноменом. Самоубийство под давлением внешних обстоятельств могут совершать и психически здоровые индивиды. Известный суицидолог Г. Гордон в предисловии к первому изданию книги Э. Дюркгейма «Самоубийство» утверждает: «К реакциям в форме суицида способны не только больные и болезненные, но и здоровые души, совершенно нормальные по своим качествам и эмоциям» [10].

Е.В. Змановская (2004) предлагает рассматривать суицид как крайнюю из точек в ряду взаимно переходящих друг в друга форм аутоагрессии. В данной связи классификации суицидального поведения, учитывающие помимо типов суицида виды самоповреждений, приводящих к временной потере трудоспособности, к инвалидизации или к смерти, считаются наиболее приемлемыми [12].

Дефиниции суицидального поведения

Представители различных научных школ и направлений вкладывают в трактовку самоубийства разный смысл, поэтому дефиниций суицидального поведения существует великое множество.

Достаточно распространено убеждение, что суицид может быть совершен только индивидом с больной психикой. Такого мнения строго придерживался французский психиатр Жан-Этьен Эскироль, издавший в 1838 г. научный труд «О душевных болезнях», в котором он категорично заявлял, что покушаться на свою жизнь человек способен только в состоянии безумия [42].

Его точку зрения в какой-то мере разделяет Л.М. Балабанова, рассматривающая суицид как «... акт самоубийства, совершаемый человеком в состоянии сильного душевного расстройства, либо под влиянием психического заболевания» [4].

Однако большинство суицидологов высказывают мысли о том, что расстройство психики может являться причиной самоубийства лишь в ограниченном числе случаев.

Э. Шнейдман, например, хотя и представляет суицид в контексте многогранного расстройства личности, утверждает, что не все самоубийцы больны психически. По его мнению, осознанный акт самоуничтожения могут совершить и здоровые индивиды, имеющие проблемы, для решения которых суицид является наилучшим вариантом [30].

Э. Дюркгейм полагает, что самоубийством следует называть любой случай смерти, являющийся результатом поступка, совершенного самим пострадавшим, если пострадавший знал об ожидавших его результатах и отдавал себе отчет в своих действиях [10].

Ему вторит Р. Марис, утверждающий, что «термин «суицид» относится ко всем случаям смерти, которые явились результатом позитивных или негативных актов, совершенных самой жертвой, при условии, что жертва знала или догадывалась о результатах своих действий» [40].

Р. Диэкстра рассматривает самоубийство как «... акт с фатальным исходом, который умышленно был начат и исполнен самим погибшим субъектом, при условии знания или ожидания последним такого исхода, причем исход рассматривается субъектом как инструмент в достижении желаемых изменений в самосознании и социальном окружении» [36].

М. Фарбер трактует суицид как «... сознательное, намеренное и быстрое лишение себя жизни», представляющее собой результирующий вектор ранимости и депривации [37].

Д. Вассерман полагает, что самоубийство следует рассматривать как произвольное, осознанное и исполненное страдающим субъектом действие, целью которого является смерть [7].

В.А. Тихоненко и Ф.С. Сафуанов определяют суицид как «... любые внутренние и внешние формы психических актов, направляемые представлениями о лишении себя жизни» [24]. Причем, как подчеркивает Ф.С. Сафуанов, причина самоубийства заключается не в осознанности возможности суицидальных действий, а в сознательном выборе добровольного ухода из жизни. Выбор в пользу смерти тесно связан с уровнями саморегуляции и с вменяемостью субъекта в психолого-психиатрическом контексте понимания феномена суицида [20].

Э. Гроллман утверждает, что самоубийство нельзя рассматривать как решение отдельно взятого индивида, в отрыве от социума. По его мнению, суицид является болезнью цивилизации [9].

А.Г. Амбрумова так же полагает, что суицид имеет социальные корни. Она определяет самоубийство как «... следствие социально-психологической дезадаптации личности в условиях переживаемого и неразрешенного микросоциального конфликта» [2].

Э. Шнейдман, в 1973 г. по просьбе властей Великобритании написавший статью про самоубийство для «Британской энциклопедии», высказал в ней мысль о том, что на самом деле никто не знает подлинных причин самоубийств. С тех пор прошло почти столетие, а исследователи суицидального поведения так и не пришли к единому мнению относительно его природы и мотивации.

Философские и психологические парадигмы суицидального поведения

«Есть только одна по-настоящему серьезная философская проблема — проблема самоубийства. Решить, стоит или не стоит жизнь того, чтобы ее прожить, — значит ответить на фундаментальный вопрос философии» [13]. Сформулированный А. Камю постулат не теряет своей актуальности на протяжении многих веков. Большинство античных философов, так или иначе, касались его в своих изысканиях, пытаясь разрешить загадку жизни и смерти. По мнению некоторых из них, суицид способны совершить только те индивиды, которые разочаровались в жизни и потеряли жизненный смысл [32]. Античные стоики придерживались мнения о том, что каждый человек при определенном стечении обстоятельств имеет безусловное право на добровольный уход из жизни. Представители данного направления в философии были уверены в том, что собственной свободой может в полной мере овладеть лишь мудрец, и в том, что наивысшим проявлением свободы является возможность распоряжаться жизнью по своему усмотрению. Луций Анней Сенека, пропагандировавший нравственную философию стоицизма, отмечал, что «... жизнь не есть

безусловное благо, она ценна постольку, поскольку есть в ней нравственная основа. Когда она исчезает, то человек имеет право на самоубийство» [21].

Согласно учению философа-эпикурейца Тита Лукреция Кара, причиной суицида может быть равнодушие к жизни, а некоторых индивидов заставляет добровольно покинуть этот мир чрезмерный страх перед будущей смертью. Тит Лукреций Кар, сам покончивший жизнь самоубийством, писал в трактате «О природе вещей», что законы недостаточно суровы для самоубийц, религия не предаёт их анафеме, а общество не осуждает их деяния [15].

Проблему суицидального поведения не обошли вниманием представители философского направления в науке и в последующие столетия. В XVIII в. английский философ Д. Юм, рассуждая о самоубийстве, писал в «Трактате о человеческой природе»: «...вопрос о суицидальном поведении ... не противоречит замыслам Бога, не нарушает мировой гармонии». Он придерживался мнения о том, что суицид является всего лишь проявлением разумного эгоизма [33].

А. Шопенгауэр полагал, что «... самоубийца — это человек, который вместо того, чтобы отказаться от хотения, уничтожает явление этого хотения: он прекращает не волю к жизни, а только жизнь». Он рассматривал суицидентов как субъектов, не обладающих сильной волей и лишённых способности к выживанию [31]. По мнению И. Канта, акт самоубийства является оскорблением человечества. Каждый человек должен верить в существование высшей морали. Он утверждал, что самоубийство «... низводит человека на более низкий уровень, чем животное». И. Кант — один из многих философов, когда-либо выступавших за абсолютный моральный запрет на добровольный уход из жизни [14]. Представитель философии «Серебряного века» В.В. Розанов так же категорически отказывал человеку в праве на самоубийство. Суицид представлялся ему «... искажением основных законов природы со стороны их высшего носителя, их самого светлого и мудрого выразителя» [19]. В.С. Соловьёв настаивал на том, что только религия может играть ведущую роль в защите от суицида. В своём труде «Духовные основы жизни» он писал: «... когда жизнь человека не согрета верой, когда он не чувствует ...зависимости своей жизни от благой силы, трудность становится непереносимой» [22]. Н.А. Бердяев расценивал суицид как «духовное падение и слабость». Он особо обращал внимание на дуалистичную природу самоубийства. Индивид, убивающий себя, с одной стороны, достоин жалости и сострадания, а с другой, он должен быть наказан как совершивший смертный грех и преступление [5]. Современный философ С.С. Аванесов полагает, что суицид является следствием онтологической деструкции личности и греховности человека [1].

Под разными углами зрения рассматривают суицидогенез и представители психологического направления в науке.

27 апреля 1910 г. З. Фрейд присутствовал на заседании Венского психоаналитического общества, где обсуждалась проблема самоубийства у детей. В своём выступлении «отец психоанализа» утверждал, что, несмотря на слабую изученность суицидального поведения, оно, по всей видимости, определяется отвращением к жизни и страстным желанием смерти. Это утверждение предвосхитило появление впоследствии положения З. Фрейда о существовании инстинкта смерти, который он описал в работе «Печаль и меланхолия». По З. Фрейду, каждый индивид обладает двумя типами влечений, диаметрально противоположных друг другу. Это инстинкт жизни (Эрос) и инстинкт смерти

(Танатос). Данные инстинкты, присущие всем людям, находятся в постоянном колебании. Однако с количеством прожитых лет Эрос медленно угасает, а Танатос не теряет свою силу, оставаясь активным вплоть до момента смерти человека. З. Фрейд утверждает, что суицид — это то же убийство, только повернутое на 180 градусов. Он не оправдывает добровольный отказ от жизни и является сторонником предотвращения самоубийства [26].

Одной из важнейших причин суицидального поведения швейцарский психолог и философ-идеалист К.Г. Юнг считал неосознанное стремление человека к духовному перерождению. Он не соглашался с З. Фрейдом по поводу оценки бессознательного, которое, по мнению основоположника психоанализа, содержит только подавленные сексуальные и агрессивные побуждения. К.Г. Юнг рассматривал суицидальный акт как результат разрешения трудной жизненной ситуации, а осознанный выбор смерти, по его мнению, обусловлен «порогами напряженности или аффектом». Причем люди не столько желают уйти от невыносимых условий их теперешней жизни, сколько торопятся с метафорическим возвращением в «чрево матери», чтобы почувствовать себя в безопасности. «В образном языке символической мудрости веков есть знаменитое Распятие: после смерти человека ожидает награда в виде новой жизни вследствие воскресения» [34].

Один из последователей К.Г. Юнга психоаналитик Д. Хиллмен, по всей вероятности, — самый ярый защитник самоубийства. По его мнению, адекватному пониманию причин суицидального поведения препятствуют и юридические, и медицинские, и теологические подходы к его изучению. Д. Хиллмен полагал, что, поскольку основной целью врачей всегда являлось продление жизни, представители медицинской науки не могут оправдать суицид как акт добровольного прерывания человеком собственной жизни. С юридической точки зрения, самоубийцы не имеют права на прощение, поэтому оправдание их действий представляется законодателям весьма сомнительным предприятием. Священнослужители же выступают против суицида не столько из-за того, что добровольный уход из жизни противоречит воле Всевышнего, сколько из-за «ложно понятой теологической догмы». Д. Хиллмен в своих рассуждениях о самоубийстве настаивал на том, что данный способ обретения смерти вполне законен, он способен высвободить наиболее потаенные фантазии души. В качестве подтверждения своей теории он ссылаясь на Д. Юма: «Когда я падаю на свой меч, то этим я принимаю смерть от руки божества настолько же, как если бы она была следствием нападения льва, падения в пропасть или лихорадки» [27].

А. Бандура полагал, что человек склонен тревожиться и осуждать себя, когда он нарушает собственные внутренние нормы поведения. Суицидальное поведение А. Бандура рассматривал как осознанное добровольное деяние, непосредственной целью которого является смерть, а мотивом служит разрешение кризисной ситуации путем действий, направленных на самоуничтожение [32].

По мнению К. Роджерса, внутренние переживания человека являются единственно реальным отражением эмоционального восприятия окружающей действительности. Ощущение несоответствия между Я-концепцией и общим «организмимическим переживанием» может привести к осознанию индивидом полного одиночества. При этом у человека исчезает вера в себя, жизнь утрачивает свою ценность, смерть идеализируется, что, в конечном счете, может привести к реализации суицидальных намерений [18].

Исследователи суицидального поведения в большинстве своем признают, что сложность и многообразие его мотиваций и проявлений требуют междисциплинарного

подхода к изучению данного феномена. Существует огромное количество теорий, с разных точек зрения объясняющих причины суицидального поведения, в том числе психологических.

Психологические концепции суицидального поведения

С развитием психологической науки в изучении суицидального поведения наметились различные направления и методологические подходы [6]:

- конституциональный (Дж. Манн);
- психодинамический (К. Меннингер);
- мотивационно-феноменологический (Э. Шнейдман);
- социально-психологический (К. Хорни);
- клинико-психологический (А. Бек, М. Лайнен);
- интегративный (Д. Вассерман, В.А. Тихоненко).

Наиболее известным представителем конституционального направления является Дж. Манн, разработавший концепцию наследственной предрасположенности к самоубийству. По его мнению, у ряда личностей имеется генетически обусловленная склонность к самоубийству, так называемый «суицидальный диатез». Дж. Манн полагает, что наследственная основа суицидальности предоставляет возможности для объективной трактовки суицидального поведения как одной из форм поведения человека. Однако для формирования суицидальных намерений не являются достаточными только наследственные факторы, необходима и приобретенная восприимчивость. Накопление на протяжении жизни психотравмирующих событий затрагивает сформировавшуюся нейроэндокринную систему человека, а также оказывает существенное влияние на экспрессию «молчащих генов», способствуя появлению новых свойств и качеств систем жизнеобеспечения организма. Психические расстройства и травмы, алкоголизация и наркотизация, особенности реакций организма на стрессовые ситуации, а также метаболический статус конкретной личности оказывают существенное влияние на развитие «суицидального диатеза» [39].

Наиболее известным приверженцем психодинамического направления изучения суицидального поведения является К. Меннингер, представляющий суицидогенез как постоянную борьбу между инстинктами самосохранения и саморазрушения. По К. Меннингеру, суицидальное поведение имеет тройственную природу. Для реализации суицидальных намерений в первую очередь необходимо наличие желания убивать, только в этом случае может быть реализована агрессия против самого «желающего». Кроме того, индивид должен желать быть убитым и испытывать непреодолимое желание умереть [16]. Иллюстрируя свою приверженность идее тесного переплетения убийства и самоубийства, К. Меннингер приводит в качестве доказательства тройственной природы суицидального поведения письмо Зигмунда Фрейда к его будущей жене Марте, в котором тот, обуреваемый ревностью, пишет о желании разрушить устои всего мира, погубить невесту, ее поклонника и самого себя [23].

Одним из активных сторонников мотивационно-феноменологического направления изучения суицидального поведения является Э. Шнейдман. Основываясь на собственных наблюдениях, он эмпирическим путем вычисляет группу лиц, преднамеренно расстающихся с жизнью способом, при котором спасение является практически невероятным событием. Потенциальные самоубийцы сами инициируют свою смерть. В зависимости от мотивации Э. Шнейдман делит суицидальные попытки на три типа: эготические самоубийства, обусловленные внутриличностным конфликтом; диадические самоубийства, адресованные значимым в жизни суицидента людям; агенеративные самоубийства, вызванные утратой связи со своим окружением или человечеством в целом, иными словами, социальной изоляцией. Рассуждая о причинах самоубийств, он подчеркивает: «... смерть приближается из-за неосторожности, опрометчивости, безрассудства, забывчивости человека или вследствие других сходных психологических механизмов». Э. Шнейдман — основоположник теории суицидального поведения, основанной на избегании невыносимой психической боли. Именно интенсивность душевной боли, по его мнению, определяет внутреннее амбивалентное отношение человека к самоубийству: «... если прекращение своего потока сознания — это то, к чему движется суицидальный человек, то душевная боль — это то, от чего он стремится убежать» [30].

Одной из наиболее известных сторонниц социально-психологического направления изучения суицидального поведения является К. Хорни. По ее мнению, напряженность в межличностных взаимоотношениях порождает невротический конфликт, основывающийся на внутренней дисгармонии. Возникшее у индивида чувство «базисной тревоги» способствует формированию его враждебности к окружающим и рассмотрению действительности как опасной среды. Если при этом трудности в общении с близкими и искаженное восприятие мира сочетаются с эгоцентрической установкой личности, то разрушительные тенденции, направленные против самого себя, способны многократно усилиться. В этом случае суицид становится одним из способов мести и самоутверждения. Приверженность фатализму, покорность судьбе и безинициативность К. Хорни трактует как латентную форму суицида [28].

Известными представителями клинико-психологического подхода к изучению суицидального поведения являются А.Т. Бек и М.М. Лайнен. Аарон Бек, создавший когнитивную теорию суицидогенеза, придерживается мнения о том, что в основе любого из психопатологических состояний лежит искажение когнитивных процессов. Непреодолимые внешние и внутренние противоречия базируются на дисфункциональных когнитивных убеждениях, способствующих возникновению чувства безнадежности. Как полагает А. Бек, «... человеческие мысли определяют... эмоции, эмоции обуславливают соответствующее поведение, а поведение, в свою очередь, формирует наше место в окружающем мире. Дело не в том, что мир плох, а в том, как часто мы видим его таким» [35]. Искажение интерпретации событий окружающей действительности служит предпосылкой для развития психопатии и реализации суицидальных действий. М.М. Лайнен, основываясь на эмпирических данных о суицидах и парасуицидах, создала когнитивно-поведенческую теорию суицидального поведения. Эта теория включает в себя и элементы теории А. Бека, и элементы биосоциальных концепций, а также ряда других. М.М. Лайнен дает обоснование динамической взаимосвязи когнитивной и поведенческой систем человека с его мироощущением и полезностью для общества. Склонность к самоубийству приобретает в процессе социализации и определяется внутренней сущностью, волевыми и моральными качествами конкретной личности [41].

Наиболее известной интегральной концепцией суицидогенеза является модель стресс-уязвимости, предложенная Д. Вассерманн. В сущности, данная модель не является строго психологической, поскольку она учитывает и медико-биологические, и генетические аспекты суицидальности. Д. Вассерманн рассматривает самоубийство как процесс, на который действуют и провоцирующие, и защитные факторы, причем риск осуществления суицидальных намерений зависит не столько от соотношения действующих стрессорных агентов, сколько от способности человека им сопротивляться. По мнению Д. Вассерманн, психопатологической основой для формирования суицидального поведения является склонность к депрессивным состояниям и сниженная способность противостоять стрессам, особенно при их персистирующем характере [7].

На текущий момент времени не сформировано единого мнения относительно природы суицидального поведения. Совершенно очевидно, что оно не может быть понято или объяснено в рамках какой-либо одной концепции или одного научного направления.

Заключение

Суицидальное поведение, непосредственной целью которого является смерть, является проявлением дееспособной воли человека. Самоубийство — это акт уничтожения себя, это добровольное осознанное деяние, характеризующееся наличием поводов, намерений, цели, способов и смыслов. Однако, хотя смысл и цель у любого суицидального акта есть всегда, в ряде случаев они могут быть неявными и неосознанными в полной мере. При острых психотических состояниях неосознаваемые суицидальные действия «согласного ведут, а противящегося тащат» за грань жизни. С другой стороны, формируемое в условиях экстремальной ситуации суицидальное поведение можно рассматривать и как тип поведенческих реакций человека, имеющих широкий диапазон индивидуальных вариаций от относительной психологической нормы до клинически значимых психопатических проявлений. В какой-то мере суицидальное поведение является и феноменом болезни сознания. Выдающийся немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Герман Гессе в своем романе «Степной волк» весьма реалистично описал внутреннюю сущность суицидента: «Самоубийце свойственно то, что он смотрит на свое «я» ... как на какое-то опасное, ненадежное и незащищенное порождение природы, кажется себе чрезвычайно незащищенным, словно стоит на узкой вершине скалы, где достаточно маленького внешнего толчка или крошечной внутренней слабости, чтобы упасть в пустоту». В связи с многофакторной структурой и разнообразием форм суицидального поведения рациональный анализ данного феномена возможен только при консолидации творческих усилий представителей различных научных направлений. Первостепенной задачей при этом должно являться исследование психологических особенностей субъекта как личности, социализации индивида, его адаптации к действительности, его навыков общения с микросоциальным окружением и способов преодоления им стрессовых ситуаций.

Литература

1. Аванесов С.С. Философия суицида. Томск, 1998. 148 с.
2. Амбрумова А.Г. Индивидуально-психологические аспекты суицидального поведения // Актуальные проблемы суицидологии. М., 1978. С. 44—59.
3. Амбрумова А.Г., Постовалова Л.И. Семейная диагностика и профилактика суицидального поведения // Проблемы профилактики и реабилитации в суицидологии. М., 1984. С. 62—77.
4. Балабанова Л.М. Судебная патопсихология. Донецк: Сталкер, 1998. 432 с.
5. Бердяев Н.А. О самоубийстве: психологический этюд. М.: Изд-во МГУ, 1992. 23 с.
6. Борисов И.В., Любов Е.Б. Диагностика и экзистенциальная психотерапия суицидального поведения [Электронный ресурс] // Медицинская психология в России: электронный научный журнал. 2013. № 2 (19). URL: <http://medpsy.ru> (дата обращения: 15.12.2013).
7. Вассерман Д. Напрасная смерть: причины и профилактика самоубийств. М.: Смысл, 2005. 160 с.
8. Войцех В.Ф. Клиническая суицидология. М.: Миклош, 2008. 280 с.
9. Гроллман Э. Суицид: превенция, интервенция, поственция // Современная зарубежная психология. 2013. № 2. С. 79—89.
10. Дюркгейм Э. Самоубийство. Социологический этюд. М.: Мысль, 1994. 399 с.
11. Ефремов В.С. Основы суицидологии. СПб.: Диалект, 2004. 480 с.
12. Змановская Е.В. Девиантология (Психология отклоняющегося поведения). М.: Издательский центр «Академия», 2004. 288 с.
13. Камю А. Миф о Сизифе. Эссе об абсурде. М.: Политиздат, 1990. 55 с.
14. Кант И. Критика практического разума. СПб., 1995. С. 354—356.
15. Кар Тит Лукреций. О природе вещей. М.: Художественная литература, 1983. 384 с.
16. Меннингер К. Война с самим собой. М.: ЭКСПО-Пресс, 2000. 480 с.
17. Психическое здоровье: новое понимание, новая надежда. Доклад ВОЗ о состоянии здравоохранения в мире. Женева, 2001. 243 с.
18. Роджерс К. Клиент-центрированная психотерапия: теория, современная практика и применение. М.: Эксмо, 2002. 512 с.
19. Розанов В.В. О самоубийствах / Самоубийство: сборник общественно-философских и критических статей. М., 1911. С. 43—66.
20. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003. 300 с.
21. Сенека Луций. Нравственные письма к Луциллию. М.: Художественная литература, 1986. 543 с.
22. Соловьев В.С. Духовные основы жизни. М.: Ламартис, 2009. 28 с.
23. Старшенбаум Г.В. Суицидология и кризисная психотерапия. М.: Когито-центр, 2005. 376 с.

24. Тихоненко В.А., Сафуанов Ф.С. Введение в суицидологию. Медицинская и судебная психология: курс лекций. М.: Генезис, 2004. С. 266—283.
25. Трунов Д.Г. Определение суицида: поиск критериев // Суицидология. 2016. Т. 7. № 1 (22). С. 64—67.
26. Фрейд З. Печаль и меланхолия. / В книге: Суицидология: прошлое и настоящее. М.: Когито-центр, 2013. С. 255—270.
27. Хиллмен Д. Самоубийство и душа. М.: Когито-центр, 2004. 272 с.
28. Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. М.: Академический проект, 2008. 224 с.
29. Шаров А.А. Философский аспект суицидального поведения [Электронный ресурс] // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 11. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13062> (дата обращения: 30.09.2017).
30. Шнейдман Э. Душа самоубийцы. М.: Смысл, 2001. 315 с.
31. Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. М.: Московский клуб, 1992. 396 с.
32. Эрдынеева К.Г., Филиппова В.П. Суицидальное поведение: сущность, факторы и причины (кросскультурный анализ). М.: Академия естествознания, 2010. 148 с.
33. Юм Д. Трактат о человеческой природе. Минск: ООО «Попурри», 1998. 720 с.
34. Юнг К.Г. Проблемы души нашего времени. СПб.: Питер, 2017. 336 с.
35. Beck A.T. Cognitive Therapy and the Emotional Disorders. New York, 1976.
36. Dijkstra R.F.W. Definitions and category system for suicide. // Draft ISD-10. World Health Organization. Geneva, 1988.
37. Farber M.L. Theory of suicide. New York: Funk & Wagnalls, 1968.
38. Leenaars A.A. Unconscious Processes // Suicidology: Essays in Honor of Edwin S. Shneidman / Ed. by A.A. Leenaars, 1993. P. 125—147.
39. Mann J.J. Neurobiology of Suicidal Behaviour // Nature Reviews Neuroscience. 2003. Vol. 4. No. 10. P. 819—828.
40. Maris R.W. Suicide // Lancet. 2002. Vol. 360. P. 319—326.
41. Neasciu A.D., Eberle J.W., Kramer R., Wiesmann T., Linehan M.M. Dialectical behavior therapy skills for transdiagnostic emotion dysregulation: A pilot randomized controlled trial // Behaviour Research and Therapy. 2014. Vol. 59. P. 40—51.
42. Pompili M., Lester D., Leenaars A. A., Tatarelli R., Girardi P. Psychache and suicide: A preliminary investigation // Suicide and Life-Threatening Behavior. 2008. Vol. 38. P. 116—121.

Suicide — the conscious choice of death: the philosophical and psychological aspects of the problem

Zhuravleva T.V., MS (Psychology), Junior Research Scientist, the Laboratory of Medical Biochemistry and Psychoneuroendocrinology, State Scientific Centre of Russian Federation Institute of Biomedical Problems of the Russian Academy of Sciences (tita1993@mail.ru)

The article is devoted to the study of individual psychological characteristics of decision-making in persons with mental pathology. The material of the empirical study of 99 men (mean age = 34.1 ± 10.6 years) with the following psychiatric diagnoses: organic mental disorders (F07) (OMD), schizophrenia and schizotypic disorder (F20, F21), personality and behavior disorders (F60, F61). The methodological complex included: "Verbal and color interference" tests by J. Stroop and "Comparison of similar drawings" by J. Kagan, questionnaires "Style of self-regulation of behavior" V.I. Morosanova and New Questionnaire of Tolerance to Uncertainty Kornilovoy, semiprojective methods "Identification of the awareness of motives" A.V. Ermolina and B.P. Ilyin and "Situational analysis" (Bulygina VG, 2017). It was revealed that the parameters of "tolerance to uncertainty", "assessment of conditions", "cognitive rigidity", "drives" and "evaluation of results" have the greatest nosocertainty. Within the context of the situational analysis, the influence of the amount of information available, the level of its uncertainty and emotional saturation on the adequacy of the interpretation of the situation, the number and adequacy of the proposed alternatives, and the social acceptability of the answers was established.

Key words: decision-making, situational analysis, persons with mental pathology.

References

1. Avanesov S.S. *Filosofiya suitsida* [The Philosophy of Suicide]. Tomsk, 1998. 148 p.
2. Ambrumova A.G. Individual'no-psikhologicheskie aspekty suitsidal'nogo povedeniya [Individually Psychological Aspects of Suicidal Behavior]. *Aktual'nyeproblemysuitsidologii* [Actual Problems of Suicidology]. Moscow, 1978, pp. 44-59.
3. Ambrumova A.G., Postovalova L.I. Semeinaya diagnostika i profilaktika suitsidal'nogo povedeniya [Family Diagnosis and Prevention of Suicidal Behavior]. *Problemy profilaktiki i reabilitatsii v suitsidologii* [The Problems of Prevention and Rehabilitation in Suicidology]. Moscow, 1984, pp. 62-77.
4. Balabanova L.M. *Sudebnaya patopsikhologiya* [Forensic Pathopsychology]. Donetsk: Publ. Stalker, 1998. 432 p.

5. Berdyaev N.A. O samoubiistve: psikhologicheskii etyud [About Suicide: Psychological Studies]. Moscow: Publ. MGU, 1992. 23 p.
6. Borisov I.V., Lyubov E.B. Diagnostika i ekzistentsial'naya psikhoterapiya suitsidal'nogo povedeniya [Elektronnyi resurs] [Diagnosis and Existential Psychotherapy of Suicidal Behavior]. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii: elektronnyi nauchnyi zhurnal [Medical Psychology in Russia: An electronic Scientific Journal]*, 2013, no 2 (19). URL: <http://medpsy.ru> (Accessed: 15.12.2013). (In Russ., Abstr. in Engl.).
7. Vasserman D. Naprasnaya smert': prichiny i profilaktika samoubiistv [Vain Death: Causes and Prevention of Suicide]. Moscow: Publ. Smysl, 2005. 160 p.
8. Voitsekh V.F. Klinicheskaya suitsidologiya [Clinical Suicidology]. Moscow: Publ. Miklosh, 2008. 280 p.
9. Grollman E. Suitsid: preventsiya, interventsiya, postventsiya [Suicide: Prevention, Intervention, Postvention]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya [Modern Foreign Psychology]*, 2013, no. 2, pp. 79-89.
10. Dyurkgeim E. Samoubiistvo. Sotsiologicheskii etyud [Suicide: a Study in Sociology]. Moscow: Publ. Mysl', 1994. 399 p.
11. Efremov V.S. Osnovy suitsidologii [Fundamentals of Suicidology]. Sankt-Peterburg: Publ. Dialekt, 2004. 480 p.
12. Zmanovskaya E.V. Deviantologiya (Psikhologiya otklonyayushchegosya povedeniya) [Deviantology (Psychology of Deviant Behavior)]. Moscow: Publ. Akademiya, 2004. 288 p.
13. Kamyu A. Mif o Sizife. Esse ob absurde [The Myth of Sisyphus. Essay on the Absurd]. Moscow: Publ. Politizdat, 1990. 55 p.
14. Kant I. Kritika prakticheskogo razuma [Criticism of Practical Reason]. Sankt-Peterburg, 1995, pp. 354-356.
15. Kar Tit Lukretsii. O prirode veshchei [About the Nature of Things]. Moscow: Publ. Khudozhestvennaya literatura, 1983. 384 p.
16. Menninger K. Voina s samim soboi [The War with Oneself]. Moscow: Publ. EKSP0-Press, 2000. 480 p.
17. Psikhicheskoe zdorov'e: novoe ponimanie, novaya nadezhda. Doklad VOZ o sostoyanii zdravookhraneniya v mire [Mental Health: New Understanding, New Hope. WHO World Health Report]. Zheneva, 2001. 243 p.
18. Rodzhers K. Klient-tsentrir0vannaya psikhoterapiya: teoriya, sovremennaya praktika i primenenie [Client-centered Psychotherapy: Theory, Modern Practice and Application]. Moscow: Publ. Eksmo, 2002. 512 p.
19. Rozanov V.V. O samoubiistvakh [About suicides] *Samoubiistvo: sbornik obshchestvenno-*

- filosofskikh i kriticheskikh statei [*Suicide*]. Moscow, 1911, pp. 43-66.
20. Safuanov F.S. Psikhologiya kriminal'noi agressii [Psychology of Criminal Aggression]. Moscow: Publ. Smysl, 2003. 300 p.
 21. Seneka Lutsii. Nravstvennye pis'ma k Lutsilliyu [Moral Letters to Lucilla]. Moscow: Publ. Khudozhestvennaya literatura, 1986. 543 p.
 22. Solov'ev V.S. Dukhovnye osnovy zhizni [Spiritual Foundations of Life]. Moscow: Publ. Lamartis, 2009. 28 p.
 23. Starshenbaum G.V. Suitsidologiya i krizisnaya psikhoterapiya [Suicidology and Crisis Psychotherapy]. Moscow: Publ. Kogito-tsentr, 2005. 376 p.
 24. Tikhonenko V.A., Safuanov F.S. Vvedenie v suitsidologiyu. Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya: kurs lektsii [Medical and Forensic Psychology. Lecture Course: Textbook]. Moscow: Publ. Genezis, 2004, pp. 266-283.
 25. Trunov D.G. Opredelenie suitsida: poisk kriteriev [Definition of Suicide: the Search for Criteria]. *Suitsidologiya* [Suicidology], 2016, Vol. 7, no 1 (22), pp. 64-67.
 26. Freid Z. Pechal' i melankholiya [Sadness and Melancholy] V knige: *Suitsidologiya: proshloe i nastoyashchee* [Suicidology: Past and Present]. Moscow: Publ. Kogito-tsentr, 2013. pp. 255-270.
 27. Khillmen D. Samoubiistvo i dusha [Suicide and Soul]. Moscow: Publ. Kogito-tsentr, 2004. 272 p.
 28. Khorni K. Nashi vnutrennie konflikty. Konstruktivnaya teoriya nevroza [Our Internal Conflicts. Constructive Theory of Neurosis]. Moscow: Publ. Akademicheskii proekt, 2008.
 29. Sharov A.A. Filosofskii aspekt suitsidal'nogo povedeniya [Philosophical Aspect of Suicidal Behavior]. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya* [Humanitarian research], 2015, no 11 [Elektronnyi resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/11/13062> (Accessed: 30.09.2017).
 30. Shneidman E. Dusha samoubiitsy [The Soul of a Suicide]. Moscow: Publ. Smysl, 2001. 315 p.
 31. Shopengauer A. Mir kak volya i predstavlenie [The world as Will and Representation]. Moscow: Publ. "Moskovskii klub", 1992. 396 p.
 32. Erdyneeva K.G., Filippova V.P. Suitsidal'noe povedenie: sushchnost', faktory i prichiny (krosskul'turnyi analiz) [Suicidal Behavior: Essence, Factors and Causes (cross-cultural analysis)]. Moscow: Publ. "Akademiya estestvoznaniya", 2010. 148 p.
 33. Yum D. Traktat o chelovecheskoi prirode [Treatise on Human Nature]. Minsk: Publ. OOO "Popurri", 1998. 720 p.
 34. Yung K.G. Problemy dushi nashego vremeni [The Problems of the Soul of our Time]. Sankt-Peterburg.: Publ. "Piter", 2017. 336 p.

35. Beck A.T. *Cognitive Therapy and the Emotional Disorders*. New York, 1976.
36. Diekstra R.F.W. *Definitions and category system for suicide*. Draft ISD-10. World Health Organization. Geneva, 1988.
37. Farber M.L. *Theory of suicide*. New York: Funk & Wagnalls, 1968.
38. Leenaars A.A. *Unconscious Processes. Suicidology: Essays in Honor of Edwin S. Shneidman*. Ed. by A.A. Leenaars, 1993, pp. 125-147.
39. Mann J.J. *Neurobiology of Suicidal Behaviour*. *Nature Reviews Neuroscience*. 2003, Vol. 4, no 10, pp. 819-828.
40. Maris R.W. *Suicide*. *Lancet*. 2002, Vol. 360, pp. 319—326.
41. Neasciu A.D., Eberle J.W., Kramer R., Wiesmann T., Linehan M.M. *Dialectical behavior therapy skills for transdiagnostic emotion dysregulation: A pilot randomized controlled trial*. *Behaviour Research and Therapy*. 2014, Vol. 59, pp. 40-51.
42. Pompili M., Lester D., Leenaars A. A., Tatarelli R., Girardi P. *Psychache and suicide: A preliminary investigation*. *Suicide and Life-Threatening Behavior*. 2008, Vol. 38, pp. 116-121.

Возрастная динамика высших психических функций у сотрудников силовых структур

Котельникова Д.А., лаборант-исследователь лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (kot.darya.94@mail.ru)

Проничева М.М., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (mariya_pronichev@mail.ru)

Васильченко А.С., младший научный сотрудник лаборатории психогигиены и психопрофилактики, ФГБУ «НМИЦПН имени В.П. Сербского» Минздрава России (vasilchenko.alesya@gmail.com)

Статья посвящена исследованию возрастной динамики высших психических функций у сотрудников силовых структур. Гипотезой исследования стало предположение о том, что в структуре возрастных изменений высших психических функций у сотрудников силовых структур преобладает снижение концентрации внимания, зрительного и соматосенсорного гнозиса и зрительной памяти. Выборку исследования составили 68 военнослужащих в возрасте от 19 до 41 года (средний возраст группы — $27 \pm 4,78$). Методический комплекс включал методики, направленные на оценку функции гнозиса (Узнавание фигур Поппельрейтера, Пробы Хэда, Копирование рисунка с поворотом на 180° , Перенос позы, Чувство Ферстера, Воспроизведение ритмов), внимания (Таблицы Шульте, Корректирующая проба Бурдона) и памяти (Запоминание двухзначных чисел, Запоминание двух смысловых рядов, Тест «5 фигур»). Выявлено, что вне зависимости от возраста во всей выборке преобладает функциональное неблагополучие базально-лобных, «глубинных» структур и височных отделов головного мозга. В структуре возрастных изменений преобладают снижение зрительно-пространственных функций, изменения зрительного и соматосенсорного гнозиса, а также зрительной памяти.

Ключевые слова: высшие психические функции, возрастная динамика высших психических функций, сотрудники силовых структур.

Для цитаты:

Котельникова Д.А., Проничева М.М., Васильченко А.С. Возрастная динамика высших психических функций у сотрудников силовых структур. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 50-60. doi: 10.17759/psylaw.2018080204

For citation:

Kotelnikova D.A., Pronicheva M.M., Vasilchenko A.S. Age dynamics of higher mental functions among the employees of law enforcement agencies. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 50-60. doi: 10.17759/psylaw.2018080204

Введение

Вопрос о развитии и изменении высших психических функций (ВПФ) остается одним из самых актуальных в современной нейропсихологии. Для ВПФ характерна гетерохронность: разные функциональные системы развиваются постепенно, их состав меняется на разных возрастных этапах человека.

На данном этапе развития науки накоплен большой опыт нейропсихологического изучения особенностей ВПФ в детском и старческом возрасте. Вопросам развития высших психических функций и индивидуальных различий в детском возрасте посвящены исследования таких авторов, как А.В. Семенович, Т.В. Ахутина, Ю.В. Микадзе и других [2; 10; 26]. В 50—60-летнем возрасте начинается новый этап морфофункциональных изменений. Проблеме нормального и патологического старения посвящены работы Е.Ю. Балашовой, Л.Н. Борисовой, Б.Г. Ананьева, Е.И. Степановой, Н.К. Корсаковой, Daum I., Schugens M.M., Reuter-Lorenz P.A и ряда других [1; 3; 8; 12; 16; 18].

В период между созреванием и инволюцией также наблюдаются особенности работы головного мозга в зависимости от возраста. Так, наблюдается снижение сенсорно-перцептивных функций, таких как зрение и слух, что влияет на процесс обработки поступающей информации и вызывает трудности распознавания образов. Развитие как вербального, так и невербального интеллекта достигает своего пика к 30—40 годам. С возрастом улучшаются вербальные функции, связанные с общим уровнем знаний, способностью к категориальному обобщению и пониманию значений слов. При этом наблюдается снижение вербальных способностей, опирающихся на оперативную память и требующих концентрации внимания. В 25 лет максимума достигает уровень развития пространственной ориентации и индуктивного мышления. К 40—50 годам наблюдается спад конструктивной деятельности [12].

По данным исследования Т.А. Фотековой и А.О. Кичеевой, направленного на изучение состояния высших психических функций в ранней, средней и поздней взрослости, были сделаны выводы о гетерохронности и разнонаправленности изменений ВПФ, которые наиболее отчетливо проявляются в периоды ранней и средней взрослости. Наблюдаются улучшения зрительного гнозиса и номинативной функции речи, в то время как способность к переработке зрительно-пространственной информации, наоборот, снижается [15].

Профессионально важные качества сотрудника силовых структур включают в себя высокий уровень развития познавательных процессов. Военнослужащие постоянно сталкиваются в своей деятельности с большим количеством информации в виде инструкций по использованию оружия, указаниями и приказами командиров, картами и планами местности и т. д. Для сотрудника силовых структур жизненно необходимым является точное и четкое восприятие этой информации, высокий уровень концентрации внимания, развитые мнестические процессы, которые способствуют не только верному

выполнению приказов, но и быстрому реагированию во время боевых действий.

Профессиональная деятельность военнослужащих предполагает выполнение ими должностных обязанностей в экстремальных условиях. Военные сталкиваются с повышенными эмоциональными, интеллектуальными, физическими нагрузками, требующими активизации всех жизненных ресурсов. Наличие витальной угрозы является мощным стрессогенным фактором, влияющим на работу служащего. Прохождение военной службы характеризуется высоким нервно-психическим напряжением и возросшими расходами функциональных резервов организма [14]. Кроме того, выделяют ряд факторов, оказывающих негативное воздействие на соматическое и психическое здоровье военных. К ним относятся:

- специфические (источники ионизирующего и электромагнитного излучения; компоненты ракетного топлива и другие высокотоксичные вещества; шум, вибрация, инфразвук);
- профессиональные (жестко регламентированная деятельность; высокая степень ответственности; информационно-психологические перегрузки; сенсорная депривация; монотонность труда; гипокинезия);
- организационные (неблагоприятные факторы внешней среды; строгая регламентация условий жизнедеятельности, режимов труда и отдыха);
- социальные (относительная социальная депривация; специфика межличностных отношений в малых группах; длительный отрыв от семьи, негативное отношение к военной службе в обществе) [13].

Современные исследования показывают, что когнитивные способности (объем памяти, концентрация внимания) влияют на принятие решения военными в профессиональной деятельности. Перегрузка когнитивных способностей снижает возможности контролируемой обработки поступающей информации, что может подорвать надежность принятия решений [17].

Боевой стресс сопровождается напряжением адаптационных механизмов и выраженными психофизиологическими изменениями, которые, будучи чрезмерно интенсивными и продолжительными, могут оказывать повреждающий эффект и становятся причиной стрессогенной дезинтеграции психической деятельности — боевой психической травмы.

Сотрудники силовых структур относятся к группе риска возникновения посттравматического стрессового расстройства (ПТСР). ПТСР негативным образом влияет на когнитивные функции военного и нередко приводят к развитию заболеваний нервной системы. При длительном воздействии стресса сужается объем восприятия, снижается объем и качество оперативной памяти, затрудняется актуализация информации из долговременной памяти, происходит дезорганизация деятельности. Также выявлено затруднение концентрации внимания и повышенная отвлекаемость. Возможно нарушение межполушарного взаимодействия. Наблюдается активизация правого полушария и снижение работы левого. Результаты исследований показывают, что 70% военнослужащих срочной службы обнаруживают психогенно обусловленные расстройства. У 15—20%

военнослужащих, прошедших через вооруженные конфликты, выявлены хронические посттравматические состояния, вызванные боевым стрессом [6].

При оценке готовности к прохождению военной службы особое значение приобретает состояние познавательных процессов, устойчивых свойств личности, характеризующих анализаторные системы организма, типологических свойств нервной системы, свойств темперамента, характера [14]. При этом социологические исследования показывают, что результаты профессионального психологического отбора в вооруженные силы не соответствуют выдвигаемым требованиям. У 60% военнослужащих, проходящих службу по призыву, нарушена психическая адаптация к условиям воинской части [4].

Вышесказанное свидетельствует о необходимости изучения изменений высших психических функций у сотрудников силовых структур.

Гипотеза: в структуре возрастных изменений высших психических функций у сотрудников силовых структур преобладает снижение концентрации внимания, зрительного и соматосенсорного гнозиса и зрительной памяти.

Цель исследования — описание возрастной динамики высших психических функций у сотрудников силовых структур (военных, проходящих службу по контракту).

Программа исследования

Процедура проведения

Выборку исследования составили 68 военнослужащих в возрасте от 19 до 41 года (средний возраст группы $27 \pm 4,78$). Группа военных была разделена на подгруппы согласно возрастной периодизации Д.Б. Бромлей [15].

Дальнейший анализ проводился в группе военнослужащих в возрасте 22—5 лет и 26—40 лет в виду малочисленности других групп.

Из выборки были исключены испытуемые, перенесшие черепно-мозговые травмы и иные экзогенные поражения головного мозга, которые могли повлечь за собой изменения в функционировании высших психических функций.

Методический аппарат

Методический аппарат нейропсихологического исследования включал в себя:

- оценку функции внимания: «Таблицы Шульте», «Корректирующая проба Бурдона»;
- оценку функции гнозиса: «Узнавание фигур Поппельрейтера», «Пробы Хэда», «Копирование рисунка с поворотом на 180°», «Перенос позы», «Чувство Ферстера», «Воспроизведение ритмов»;
- оценку функции памяти: «Запоминание двухзначных чисел», «Запоминание двух смысловых рядов», Тест «5 фигур» [7; 9].

Результаты, полученные при проведении нейропсихологических проб, были

переведены в шестибалльную систему, основанную на критериях оценивания, предложенных Ж.М. Глоzman. Шестибалльная система оценивания включает в себя значения 0, 0,5, 1, 1,5, 2, 3, каждое из которых соответствует определенному уровню выполнения проб [7].

Статистическую обработку полученных данных проводили в программе IBM SPSS Statistics 23.0 при помощи кластерного анализа и критерия Краскела—Уоллиса.

Результаты исследования

Проведенный кластерный анализ позволил выделить в группе военнослужащих в возрасте 22—5 лет три подгруппы.

Первая подгруппа (9 человек) — со снижением слухоречевой и зрительной памяти — обнаруживает симптомы повышенной тормозимости следов интерферирующим воздействием, конфабуляции, контаминации групп стимулов и трудности удержания серийной организации стимулов. Испытуемые второй подгруппы (9 человек) испытывают трудности в хранении и воспроизведении слухоречевой информации, проявляющиеся в виде нарушения избирательности запоминания, повышенной тормозимости следов интерферирующим воздействием, персевераций, звуковых и семантических замен. Третья группа (3 человека) — с нарушениями нейродинамики, снижением слухоречевой, зрительной памяти, концентрации внимания и акустического восприятия — представлена испытуемыми, у которых обнаружено отклонение от нормативных показателей по ряду нейропсихологических проб. У данных испытуемых выявляются симптомы снижения концентрации и объема внимания, нарушения способности к приему и хранению слухоречевой и зрительной информации, а также дефекты акустического внимания и сужение объема акустического восприятия.

В группе военнослужащих 22—25 лет были выявлены статистически значимые различия по шкалам «Объем внимания», «Эффективность работы», «Нейродинамика», «Точность», «Запоминание двузначных чисел», «Запоминание смысловых рядов». Показатели шкал «Объем внимания» ($r = 19,00$), «Эффективность работы» ($r = 19,83$), «Нейродинамика» ($r = 19,67$), «Точность» ($r = 17,00$), «Запоминание двузначных чисел» ($r = 16,17$), «Запоминание смысловых рядов» ($r = 13,17$) значимо выше в третьем кластере. Показатели шкал «Объем внимания» ($r = 5,00$), «Эффективность работы» ($r = 5,06$), «Нейродинамика» ($r = 7,17$), «Точность» ($r = 7,67$) и «Запоминание смысловых рядов» ($r = 10,00$) значимо ниже во втором кластере, а показатели шкалы «Запоминание двузначных чисел» ($r = 7,00$) значимо ниже в первом кластере. Проведенный при помощи критерия Краскера—Уоллиса статистический анализ подтверждает наличие в той или иной группе описанных выше симптомов. Таким образом, можно говорить о том, что у испытуемых 3-й подгруппы наблюдается заинтересованность базально-лобных, «глубинных», срединных неспецифических структур и височного отдела головного мозга. Испытуемые первой и второй подгрупп не обнаруживают значительного функционального неблагополучия мозга.

В группе военнослужащих в возрасте 26—40 лет при помощи кластерного анализа были также выделены 3 подгруппы.

У испытуемых первой подгруппы (11 человек) — со снижением объема внимания, акустического восприятия, слухоречевой и зрительной памяти — выявлены симптомы

нарушения концентрации внимания, фрагментарности восприятия; дефекты акустического восприятия, сужение объема акустического внимания, ошибки восприятия пространственных признаков зрительных стимулов, снижение продуктивности запоминания в процессе заучивания, низкий показатель объема заучивания при первом предъявлении. Вторая подгруппа (12 человек) — со снижением нейродинамики, тактильного гнозиса, слухоречевой и зрительной памяти» обнаруживает симптомы снижения умственной работоспособности, поверхностной кожной чувствительности руки, способности к хранению и воспроизведению информации, предъявляемой зрительно и на слух. Третью группу — со снижением тактильного гнозиса и слухоречевой памяти — составили 16 человек, у которых наблюдаются ошибки восприятия пространственных признаков зрительных стимулов, повышенная тормозимость следов при гомогенной интерференции, нарушение избирательности запоминания, контаминации групп стимулов и трудности удержания последовательности стимулов.

Статистический анализ с применением критерия Краскела— Уоллиса показал значимые различия в группе военнослужащих 26—40 лет по показателям «Эффективность работы», «Точность», «Копирование с поворотом», «Чувство Форстера», «Ритмы», «Зрительная память». Показатели шкал «Эффективность работы» ($r = 25,67$), «Чувство Форстера» ($r = 26,88$) значимо выше во втором кластере, тогда как показатели шкал «Точность» ($r = 34,00$), «Копирование с поворотом» ($r = 25,64$), «Ритмы» ($r = 28,05$) и «Зрительная память» ($r = 28,73$) значимо выше в первом кластере.

Показатели по шкалам «Эффективность работы» ($r = 14,66$), «Копирование с поворотом» ($r = 14,25$), «Ритмы» ($r = 12,28$) и «Зрительная память» ($r = 11,66$) значимо ниже в третьем кластере. Показатели шкалы «Точность» значимо ниже во втором кластере. Результаты позволяют говорить о том, что испытуемые первой подгруппы обнаруживают функциональное неблагополучие базально-лобных, «глубинных» структур и височных отделов головного мозга, а также зоны ТРО. У второй подгруппы испытуемых наблюдается заинтересованность «глубинных» и теменных отделов головного мозга.

Анализ результатов

Таким образом, полученные результаты исследования показывают, что 30% военнослужащих группы 22—25 лет обнаруживают функциональное неблагополучие базально-лобных, «глубинных», срединных неспецифических структур и височного отдела головного мозга, в то время как в остальной части группы не выявлено заинтересованных отделов. Соответствующие нейропсихологические синдромы включают симптомы нарушения умственной работоспособности, истощаемости, снижения продуктивности запоминания, повышенной тормозимости следов интерферирующими воздействиями, нарушения избирательности запоминания, трудности удержания серийной организации стимулов, а также контаминации групп стимулов и конфабуляции, звуковые замены, дефекты акустического внимания и сужение объема акустического восприятия.

У военнослужащих в возрасте 26—40 лет наблюдается функциональное неблагополучие базально-лобных, «глубинных» структур, височных и теменных отделов головного мозга, а также зоны ТРО. Данная подгруппа представлена теми же симптомами, что и подгруппа военнослужащих 22—25 лет. Кроме того, у испытуемых наблюдаются такие симптомы, как ошибки восприятия пространственных признаков зрительных стимулов, снижение поверхностной чувствительности руки, трудность удержания

последовательности стимулов, фрагментарность восприятия и нарушение его избирательности.

Заключение

В работе был проведен анализ возрастных изменений таких высших психических функций, как гнозис, внимание и память, у сотрудников силовых структур. Было выявлено, что вне зависимости от возраста во всей выборке преобладает функциональное неблагополучие базально-лобных, «глубинных» структур и височных отделов головного мозга.

В структуре возрастных изменений преобладают снижение зрительно-пространственных функций, изменения зрительного и соматосенсорного гнозиса, а также зрительной памяти.

Полученные результаты дополняют эмпирические данные исследований, направленных на изучение возрастной динамики высших психических функций в группе условной нормы. Впервые проведено исследование высших психических функций с учетом профессиональной деятельности.

Можно сделать вывод о том, что экстремальные условия труда, наличие интеллектуальных и эмоциональных перегрузок, постоянное влияние стрессогенных факторов, обуславливающих наличие профессионального стресса, способствуют снижению познавательных процессов по сравнению с нормативными показателями.

На основании полученных результатов могут быть разработаны индивидуализированные коррекционные программы в виде рекомендаций и пособий, направленные на повышение способности к переработке зрительно-пространственной информации, соматосенсорного и слухового гнозиса, зрительной памяти.

Литература

1. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. СПб.: Питер, 2001. 340 с.
2. *Ахутина Т.В.* Нейропсихологический анализ индивидуальных различий у детей: параметры оценки // Нейропсихология и психофизиология индивидуальных различий / Под ред. Е.Д. Хомской, В.А. Москвина. М.: Оренбург, 2000. С. 132—152.
3. *Борисова Л.Н.* Динамика интеллектуального развития взрослых и ее зависимость от уровня образования: дис. ... канд. психол. наук. Ленинград, 1990. 163 с.
4. *Боченков А.А., Чермянин С.В., Булыко В.И.* Методология и принципы комплексной психологической оценки профессиональной пригодности военных специалистов // Военный медицинский журнал. 1994. №11. С. 41—46.
5. *Вассерман Л.И., Доровеева С.А., Меерсон Я.А.* Методы нейропсихологической диагностики. СПб.: Стройлеспечать», 1997. 196 с.
6. *Волошин В.М.* Клиническая типология посттравматических стрессовых расстройств и вопросы дифференцированной психофармакотерапии // Психиатрия и психофармакотерапия. 2001. Т. 3, № 4. С. 45—59.
7. *Глозман Ж.М.* Нейропсихологическое обследование: качественная и

количественная оценка данных. М.: Смысл, 2012. 264 с.

8. Корсакова Н.К., Прахт Н.Ю. Нейрокогнитивные изменения при нормальном физиологическом старении // Вестник Московского университета. 2001. № 4. С. 65—83.
9. Лурия А.Р. Высшие корковые функции человека и их нарушения при локальных поражениях мозга. М.: Изд-во МГУ, 1962. 431 с.
10. Маклаков А.Г. Общая психология. СПб.: Питер, 2001. 592 с.
11. Микадзе Ю.В. Нейропсихология детского возраста: учеб. пособие. СПб.: Питер, 2008. 288 с.
12. Степанова Е.И. Психология взрослых: экспериментальная акмеология. СПб.: Алетейя, 2000. 288 с.
13. Сыропятов О.Г., Дзеружинская Н.А., Шевченко В.Е., Полевик В.Е. Психическое здоровье и организация психологической подготовки комбатантов. Киев: УВМА, 2011. 186 с.
14. Филатов К.Г. Психофизиологические и психологические особенности юношей-призывников с различным отношением к военной службе: дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 1998. 167 с.
15. Фотекова Т.А., Кичеева А.О. Состояние высших психических функций в ранней, средней и поздней зрелости: нейропсихологический анализ // Культурно-историческая психология. 2012. № 2. С. 36—44.
16. Daum I., Schugens M.M. Memory dysfunction of the frontal in normal aging // Ney York Report. 1996. Vol. 7. P. 37—43.
17. Heather M. Kleider-Offutt Working Memory and Cognitive Load in the Legal System: Influences on Police Shooting Decisions, Interrogation and Jury Decisions // Journal of Applied Reseach in Memory and Cognition. 2016. Vol. 8. P. 56—63.
18. Reuter-Lorenz P.A. Cognitive neuropsychology of the aging brain // Cognitive aging: A primer. 2000. Vol. 4. P. 56—64.

Age dynamics of higher mental functions among the employees of law enforcement agencies

Kotelnikova D.A., laboratory assistant researcher of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, Federal state budgetary institution «Serbsky Federal medical research Centre of Psychiatry and Narcology» of the Ministry of healthcare of the Russian Federation (kot.darya.94@mail.ru)

Pronicheva M.M., junior researcher of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, Federal state budgetary institution «Serbsky Federal medical research Centre of Psychiatry and Narcology» of the Ministry of healthcare of the Russian Federation (mariya_pronichev@mail.ru)

Vasilchenko A.S., junior researcher of the Laboratory of Psychohygiene and Psychoprophylaxis, Federal state budgetary institution «Serbsky Federal medical research Centre of Psychiatry and Narcology» of the Ministry of healthcare of the Russian Federation (vasilchenko.alesya@gmail.com)

The article presents the results of the research on the age dynamics of higher mental functions among the employees of law enforcement agencies. There was an assumption that the decrease in concentration of attention, visual and somatosensory gnosis and visual memory dominate in the structure of age-related changes in higher mental functions among employees of law enforcement agencies. The sample of the study was 68 soldiers aged from 19 to 41 years (mean age of the group 27 ± 4.78). The methodological complex included methods aimed to evaluate the function of gnosis (Recognition of the figures of Poppelreiter, Had's sampling, Copying of the drawing with a rotation of 180° , Posture transfer, Feeling of Ferster, Reproduction of rhythms), attention (Schulte's Tables, Bourdon's Correction Test) and memory (Memorization of two-valued numbers, the memorization of two semantic series, the test "5 figures"). It was revealed that, irrespective of age, the functional disorder of basal-frontal, "deep" structures and temporal divisions of the brain predominates in the entire sample. The structure of age-related changes is dominated by a decline in visual-spatial functions, changes in visual and somatosensory gnosis, as well as visual memory.

Key words: higher mental functions, age dynamics of higher mental functions, the employees of law enforcement agencies.

References

1. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as an object of knowledge]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 340 p.
2. Akhutina T.V. Neiropsikhologicheskii analiz individual'nykh razlichii u detei: parametry otsenki [Neuropsychological analysis of individual differences in children: evaluation

- parameters]. In E.D. Khomskoi, V.A. Moskvina. (ed.) *Neiropsikhologiya i psikhofiziologiya individual'nykh razlichii* [Neuropsychology and psychophysiology of individual differences]. Moscow: Orenburg, 2000, pp. 132-152.
3. Borisova L.N. *Dinamika intellektual'nogo razvitiya vzroslykh i ee zavisimost' ot urovnya obrazovaniya*. Dis. kand. psikhol. nauk. [Dynamics of intellectual development of adults and its dependence on the level of education. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Leningrad, 1990. 163 p.
 4. Bochenkov A.A., Chermyanin S.V., Bulyko V.I. *Metodologiya i printsipy kompleksnoi psikhologicheskoi otsenki professional'noi prigodnosti voennykh spetsialistov* [Methodology and principles of a comprehensive psychological assessment of the professional suitability of military specialists]. *Voennyi meditsinskii zhurnal* [Military Medical Journal], 1994, no. 11. pp. 41-46. (In Russ., abstr. in Engl.).
 5. Vasserman L.I., Doroveeva S.A., Meerson Ya.A. *Metody neiropsikhologicheskoi diagnostiki* [Methods of neuropsychological diagnosis]. Saint-Petersburg: Publ. «Stroilespechat'», 1997. 196 p.
 6. Voloshin V.M. *Klinicheskaya tipologiya posttravmaticheskikh stressovykh rasstroistv i voprosy differentsirovannoi psikhofarmakoterapii* [Clinical Typology of Posttraumatic Stress Disorders and Issues of Differentiated Psychopharmacotherapy]. *Psikhiatriya i psikhofarmakoterapiya* [Psychiatry and Psychopharmacotherapy], 2001, T. 3, no. 4. pp. 45-59. (In Russ., abstr. in Engl.).
 7. Glozman Zh.M. *Neiropsikhologicheskoe obsledovanie: kachestvennaya i kolichestvennaya otsenka dannykh* [Neuropsychological examination: qualitative and quantitative assessment of the data]. Moscow: Smysl, 2012. 264 p.
 8. Korsakova N.K., Prakht N.Yu. *Neirokognitivnye izmeneniya pri normal'nom fiziologicheskom starenii* [Neurocognitive changes in normal physiological aging]. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2001. no. 4. pp. 65-83. (In Russ., abstr. in Engl.).
 9. Luriya A.R. *Vysshie korkovye funktsii cheloveka i ikh narusheniya pri lokal'nykh porazheniyakh mozga* [Higher cortical functions of a person and their violation in cases of local brain damage]. Moscow: Publ. MGU, 1962. 431 p.
 10. Maklakov A.G. *Obshchaya psikhologiya* [General psychology]. Saint-Petersburg: Piter, 2001. 592 p.
 11. Mikadze Yu.V. *Neiropsikhologiya detskogo vozrasta : uchebnoe posobie* [Neuropsychology of childhood]. Saint-Petersburg: Piter, 2008. 288 p.
 12. Stepanova E.I. *Psikhologiya vzroslykh: eksperimental'naya akmeologiya* [Psychology of adults: experimental acmeology]. Saint-Petersburg: Aleteiya, 2000. 288 p.
 13. Syropyatov O.G., Dzeruzhinskaya N.A, Shevchenko V.E., Polevik V.E. *Psikhicheskoe zdorov'e i organizatsiya psikhologicheskoi podgotovki kombatanov* [Mental health and the organization of psychological training of combatants]. Kiev: UVMA, 2011. 186 p.

14. Filatov K.G. Psikhofiziologicheskie i psikhologicheskie osobennosti yunoshei-prizyvnikov s razlichnym otnosheniem k voennoi sluzhbe. Dis. kand. psikhol. nauk. [Psychophysiological and psychological characteristics of youth conscripts with different attitudes toward military service. Cand. Sci. (Psychology) diss.]. Rostov-on-Don, 1998. 167 p.
15. Fotekova T.A., Kicheeva A.O. Sostoyanie vysshikh psikhicheskikh funktsii v rannei, srednei i pozdnei vzroslosti: neiropsikhologicheskii analiz [The state of higher mental functions in early, middle and late adulthood: neuropsychological analysis]. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya [Cultural-historical psychology]*, 2012. no. 2. pp. 36-44. (In Russ., abstr. in Engl.).
16. Daum I., Schugens M.M. Memory dysfunction of the frontal in normal aging. *Ney York Report*. 1996. no. 7. pp. 37-43.
17. Heather M. Kleider-Offutt Working Memory and Cognitive Load in the Legal System: Influences on Police Shooting Decisions, Interrogation and Jury Decisions. *Journal of Applied Reseach in Memory and Cognition*. 2016. no. 8. pp. 56-63.
18. Reuter-Lorenz P.A. Cognitive neuropsychology of the aging brain . *Cognitive aging: A primer*. 2000. no. 4. pp. 56-64.

Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России

Ульянина О.А., кандидат социологических наук, доцент кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами ФГКОУ ВО Академии управления МВД России (lelia34@mail.ru)

В статье рассматривается одно из направлений психологической практики — диагностика. Описываются специфические особенности реализации психодиагностики в образовательной среде. Изучается исторический контекст развития психодиагностики в образовании. Обосновывается актуальность исследования данного направления психологической работы, продиктованная необходимостью, с одной стороны, в оценке качества образовательных услуг, с другой — поиска и стимулирования внутриличностных ресурсов обучаемых, в связи с чем возникает потребность в проработке теоретико-методологических и концептуальных подходов к реализации психодиагностической деятельности в образовании. Конкретизируются содержательные и процедурные аспекты психодиагностической деятельности в образовательных организациях МВД России. Освещаются преимущества аппаратно-программного психодиагностического комплекса «Мультиспихометр», используемого психологами ОВД. Описывается программа психодиагностики личных и деловых качеств курсантов, рассчитанная на каждый год обучения. Проектируется личностный профиль будущего специалиста, комплексно отражающий результаты психологического сопровождения и диагностики за весь период обучения.

Ключевые слова: профессиональная подготовка, образовательная среда, психодиагностика, курсанты, сотрудники ОВД.

Для цитаты:

Ульянина О.А. Психологическая диагностика в образовательных организациях МВД России. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 61-76. doi: 10.17759/psylaw.2018080205

For citation:

Ulyanina O.A. Psychological diagnostics in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 61-76. doi: 10.17759/psylaw.2018080205

Современное понимание психологической практики как гуманитарной области, раскрывающей, развивающей и поддерживающей человека в его личностном становлении, самоутверждении, самосознании, придает особое значение психодиагностике в образовании.

Психодиагностика в образовательной среде, безусловно, имеет свои специфические отличительные особенности, а ее роль и методологические подходы к реализации менялись на протяжении длительного времени внедрения, становления и развития в практике психологического сопровождения образовательного процесса.

Актуальность изучения данного направления психопрактики продиктована в первую очередь тем, что повышение эффективности образовательного процесса подразумевает необходимость мониторинга, определения уровня подготовленности обучающихся, экспертизы качества подготовки, т. е. создания психодиагностических ситуаций аттестации субъектов образовательного процесса. Профилирование обучающихся, выявление психологической пригодности и готовности к обучению связаны с организацией психологического отбора. Особое значение обозначенные направления анализа и оценки обучаемых приобретают в ведомственных образовательных организациях, где подготовка курсантов с первых дней сопряжена не только с учебно-воспитательным процессом, но и со служебной деятельностью. Однако на современном этапе развития психологической науки нет единой концепции реализации психодиагностики в образовательных организациях МВД России, в связи с чем в данной статье предпринята попытка изучения исторического контекста развития психодиагностики в образовании, ее отличительных особенностей и содержательных аспектов реализации в образовательных организациях МВД России.

В психологической науке с начала XX в. психодиагностика в образовании вызывала повышенный интерес исследователей (П.П. Блонский, А.П. Болтунов, Л.С. Выготский, С.Г. Геллерштейн, А.Б. Залкинд и др.) [6; 8; 9; 14], развитие идей которых проходило в несколько этапов.

Первый этап связан с именами А. Бине, Т. Симона [5] и Г.И. Россолимо [23] и характеризуется преимущественно разработкой отдельных тестов, ориентированных на измерение конкретных показателей. В данных методиках были введены шкалы для измерения и оценки психологических особенностей обучаемых.

Второй этап в 20-е гг. XX в. характеризуется масштабной разработкой новых методик, в связи с чем психодиагностика выделяется в самостоятельную дисциплину. Именно на данном этапе психодиагностика активно внедряется в образовательную среду. Однако данный процесс не подкреплялся фундаментальными исследованиями теоретико-методологических основ психодиагностической деятельности и протекал в некоторой степени хаотично.

В этом же временном периоде происходит дифференциация в понимании сущности психодиагностики в образовании. Странники экспериментального исследования (К.Н. Корнилов, В.А. Артемов, Н.А. Рыбников, А.П. Нечаев и др.) [2; 3; 16; 21] стремились к широкому внедрению метода эксперимента для решения проблем обучения и воспитания. Другое направление (М.Я. Басов, Е.О. Зейлигер, М.А. Левина, А.И. Неклюдов и др.) [4] развивало линию А.Ф. Лазурского [19] — линию целостного изучения личности человека в естественных условиях. Становление и развитие двух подходов сопровождалось совершенствованием различных методов психологического исследования, особое место

среди которых занимали тесты. В 1936 г. практику тестовых испытаний запретили и отказались от разработки научно обоснованных методов диагностического исследования, а функцией психодиагностики были наделены только врачи и дефектологи.

В 1969 г. на Центральном совете общества психологов СССР психодиагностика была признана одной из наименее развитых сфер психологической науки и практики. Ее «возвращение» в практику образования началось только в 1975 г.

Развитие психодиагностики на современном этапе происходит в основном в рамках методического подхода и большая часть ее достижений связана с инструментальным аспектом.

Между тем реализация психодиагностической деятельности в образовании обусловлена целым рядом особенностей, которые подчеркивают ее специфику в этой практической сфере. Одной из особенностей является произвольность возникновения психодиагностических ситуаций в образовательном процессе [12]. Проведение диагностики, обусловлено необходимостью решения задач соответствия содержания образовательного процесса индивидуальным и возрастным возможностям обучающихся, определения благополучия социально-психологического климата в учебных коллективах, что предполагает проведение групповых обследований, многие из которых имеют плановый, обязательный характер и проводятся по запросу органов управления образованием.

Таким образом, в психодиагностической деятельности в сфере образования доминирует социальный контроль, который определяет содержание и типы психодиагностических ситуаций. Большая часть из них предполагает отсутствие свободы волеизъявления при принятии решения об участии в психодиагностическом процессе или при внедрении результатов психодиагностики в образовательную практику.

Доминирование социального контроля не только отражает специфику возникающих психодиагностических ситуаций, но и изменяет статус психодиагностической информации и формулируемых на ее основе психодиагностических решений. Конфиденциальность сведений носит относительный характер, поскольку используется в работе педагогов, психологов, администрации, учитывается в планировании стратегии развития образовательной организации и т. д.

Другой особенностью психодиагностической деятельности в образовании выступает ее полисубъектность. Инициаторами возникновения психодиагностической ситуации выступают различные субъекты образовательного процесса (педагоги, обучаемые, будущие работодатели), которые на основании потребностей образовательной практики формулируют запрос в индивидуальном психологическом знании.

Таким образом, этот процесс предполагает интеграцию психологического и педагогического знания теоретического и практического плана и обозначает составной характер условий психодиагностической задачи: 1-я часть — априорная и 2-я часть — эмпирическая. Априорная составляющая представляет собой знания, имеющиеся у специалиста до знакомства с конкретной проблемой. В них зафиксировано инвариантное (устойчивое) содержание, раскрывающее общие закономерности того или иного психологического явления или педагогического феномена. Эмпирическая составляющая содержит результаты изучения личности, поэтому данная составляющая может

существенно изменяться в ходе диагностического поиска, пополняясь новыми сведениями и уточняясь.

Следующим отличием выступает практико-ориентированность содержания психодиагностических задач, выступающих как часть образовательной задачи, различные виды которой образуют область психодиагностической практики [15; 17; 20; 26].

Еще одной особенностью психодиагностической деятельности в образовательной практике является комплексность влияния получаемого результата на субъектов образовательного процесса. С одной стороны, она отражает контекстный характер решения психодиагностической задачи, необходимость установления взаимосвязей индивидуальных характеристик конкретной личности со спецификой их проявления в конкретной образовательной ситуации, где условия жизнедеятельности и образовательная среда так же выступают в качестве объекта диагностики, как и внутренний мир субъекта образовательного процесса. С другой стороны, результат психодиагностической деятельности может иметь и прямое, и опосредованное (латентное) влияние на субъектов образовательного процесса, способствуя изменению не только того, кто является объектом диагностики, но и других участников психодиагностической ситуации, создающих условия для развития личности в образовательной среде. Это позволяет рассматривать результаты психодиагностической деятельности в качестве интегратора продуктивного влияния процессов роста внешней компетентности на процессы внутреннего роста (и наоборот), т. е. как источник профессионального и личностного развития субъектов образовательного процесса [17].

Рассмотрев роль, значение и специфику психодиагностики в образовательной среде в целом, следует более подробно остановиться на реализации данного направления психологической работы в образовательных организациях МВД России.

Психологическое сопровождение учебной, служебной деятельности курсантов предусматривает разработку так называемой матрицы компетенций с последующим мониторингом динамики их развития на протяжении всего периода обучения. С этой целью создается соответствующая программа диагностики, рассчитанная на каждый год обучения. Результаты диагностики, с одной стороны, позволяют оценить эффективность используемых психолого-педагогических технологий в работе с курсантами, с другой — прицельно и индивидуализировано выстраивать стратегию формирования личностной компетентности курсантов и разрабатывать соответствующие рекомендации.

В основу построения мониторинга должны быть положены принципы комплексного подхода и динамичности в изучении личностной компетентности курсантов.

Комплексный подход предполагает изучение личности курсанта с позиций всех заинтересованных субъектов образовательного процесса (руководства, курсовых офицеров, преподавателей, воспитателей, психологов), а также системный анализ полученных результатов диагностики, позволяющий выработать научно обоснованную стратегию управления формированием личностной компетентности у будущих специалистов ОВД. При комплексной оценке личности учитывается возможность взаимозаменяемости и компенсации отдельных компетенций. Данные процессы возможны благодаря адаптационному потенциалу личности, реализация которого способствует выработке индивидуального стиля деятельности. Вместе с тем недостаток развития некоторых компетенций может влиять на профессиональную пригодность.

В этой связи целесообразно использовать принцип динамичности (поэтапности) изучения личности курсантов. Данный методологический принцип предусматривает повторяемость диагностических ситуаций на каждом этапе обучения, с последующим сравнительным анализом результатов диагностики. Изучение индивидуальных психологических характеристик курсантов должно осуществляться на протяжении всего периода обучения и психолого-педагогического сопровождения в образовательной организации МВД России. При сравнении результатов диагностики выстраиваются графики, отражающие среднегрупповые или индивидуальные профили личности курсантов на различных этапах их обучения.

Периодичность проведения психодиагностического обследования курсантов варьируется в зависимости от необходимости решения различных задач:

обязательная диагностика, регламентированная по срокам утвержденной программой психологического сопровождения учебной, служебной деятельности курсантов;

- текущая (оперативная) диагностика (например, перед заступлением в наряд, ГБР и т. д.;
- диагностика по запросу курсантов, родителей, курсовых офицеров, профессорско-преподавательского состава.

Информационные технологии активно внедряются во все сферы человеческой деятельности, не исключением стала и психодиагностика. Очевидными преимуществами компьютерной психодиагностики является автоматизация обработки результатов, за счет чего существенно увеличивается количество обследуемых лиц за конкретный временной интервал. Расширяются возможности статистической обработки и алгоритмов оценивания полученных результатов.

С учетом сформулированных выше принципов комплексного подхода и динамичности изучения личности обучаемого в образовательных организациях МВД России уже на протяжении более 10 лет успешно используется аппаратно-программный психодиагностический комплекс «Мультипсихометр»¹. АППДК «Мультипсихометр» применяется специалистами-психологами не только в диагностических целях, но в качестве коррекционного оборудования. Данный комплекс позволяет провести комплексную оценку уровня развития широкого спектра компетенций, психологических и психофизических свойств, характеристик психологического состояния по результатам выполнения тестовых заданий и их комбинаций. Возможности данного комплекса позволяют проводить психологическое обследование как в диалоговом (индивидуальном), так и в бланковом (групповом) форматах. Средняя пропускная способность обследования: в индивидуальном интерактивном формате — 5—8 чел./день; в групповом бланковом формате — 150—200 чел./день [25].

Значимым достоинством компьютерной диагностики является интеграции результатов батареи тестов с целью получения логически непротиворечивого и вместе с тем более надежного и защищенного от случайных артефактов и направленных искажений заключения по результатам обследования [22; 27; 28].

¹ Далее — АППДК.

Подбор методов диагностики основывается на адекватном понимании профессиональной деятельности и научно обоснованном представлении о структуре личности в целом и личностной компетентности сотрудников ОВД — в частности.

В рамках данной работы при разработке программы диагностики, рассчитанной на каждый курс обучения курсантов, акцент ставился на необходимости изучения динамики формирования личностной компетентности у сотрудников ОВД и эффективности целенаправленно реализуемых психологических мероприятий (консультирования, тренингов, программ психокоррекции и т. д.). Весь комплекс выбранных методик представлен в базе АППДК «Мультитсихометр», преимущества которого описывались ранее. Методики характеризуются валидностью, надежностью, а полученные в ходе стандартизации тестовые нормы формировались на основании обследования выборки категории сотрудников ОВД.

1-й курс

- Многоуровневый личностный опросник «Адаптивность» (А.Г. Маклаков, С.В. Чермянин, в модификации К. Сугоняева).
- Опросник карьерных ориентаций Э. Шейна «Якоря карьеры».
- Методика изучения особенностей мышления МИОМ.

2-й курс

- Методика оценки базисных убеждений личности Р. Янофф-Бульмана (в модификации М. Падун, А. Котельниковой).
- Анкета «Прогноз» В.Ю. Рыбникова.
- Ценностный опросник Шварца (в адаптации В.Н. Карандашева «Опросник ценностных портретов»).

3-й курс

- Индивидуально-типологический опросник Л.Н. Собчик (в модификации К. Сугоняева).
- Тест оценки невербального интеллекта «Домино» А. Энстея (в модификации К.В. Сугоняева).
- Методика «Избирательность внимания» К.В. Сугоняева.
- Методика «Припоминание порядкового номера числа» К.В. Сугоняева.
- Методика «Аналогии» Б.В. Кулагина.
- Методика «Числовые ряды» К.В. Сугоняева.

4-й курс

- Методика «Личностный профиль» Г.Ю. Айзенка (в адаптации К.В. Сугоняева).

- Уровень субъективного контроля Е. Бажина.
- Опросник для оценки волевого самоконтроля А.Г. Зверкова, Б.В. Эйдмана.
- Опросник «Эмоциональный интеллект» Н. Холла.

5-й курс

- Ориентировочная анкета В. Смейкала и М. Кучеры.
- Оценка субъективной локализации контроля над значимыми событиями (модификация Е. Ксенофонтовой).
- Профессионально-психологический опросник В.Е. Петрова.
- Методика «Мотивационный профиль» Ш. Ричи и П. Мартина.

В целях изучения динамики формирования личностной компетентности у курсантов целесообразно использовать не только тестовые методики, но и оценивать обучаемых в процессе включенности в деятельность посредством внедрения в учебный процесс кейс-методов, тренинговых технологий, проблемно-ситуационного моделирования профессиональной направленности. Осуществляя формализованное наблюдение за деятельностью, поведением и общением курсантов в реальных и специально смоделированных условиях, сравнивая оцениваемые характеристики во временном интервале, сопоставляя с результатами тестовых методик, психолога получает возможность более целостно и комплексно оценить происходящие внутриличностные изменения и результативность проводимых психологических мероприятий в отношении курсантов.

Необходимым является осуществление анализа служебной деятельности как курсантов, так и выпускников. Эти данные обеспечивают обратную связь в оценке результатов психологического сопровождения профессиональной подготовки будущих специалистов.

Важным процедурным аспектом является соблюдение всех профессионально-этических норм, принципа личной ответственности, профессиональной тайны, обеспечение суверенных прав личности, конфиденциальности психопрофилактической интерпретации результатов диагностики.

Результаты диагностики должны отражаться в психологическом паспорте изучения личности курсанта, что в дальнейшем позволяет построить личностный профиль выпускника, сформулировать рекомендации по его совершенствованию и наиболее целесообразному распределению в органах, организациях, подразделениях МВД России.

Наличие и степень выраженности профессиональных компетенций курсанта определяет не только эффективность учебной деятельности. В период обучения происходит формирование его личностной компетентности как сотрудника ОВД. Сотруднику ОВД необходимо поддерживать высокий уровень социальной нормативности поведения даже в условиях социального давления. Курсант сталкивается с необходимостью соблюдения дисциплины, что предъявляет особые требования к его мотивационной сфере, эмоционально-волевой регуляции и определяет эффективность его служебной деятельности в период обучения и в последующей профессиональной самореализации.

Структурирование значимых параметров заключения специалиста по результатам диагностики предполагает проектирование личностного профиля (см. табл.).

Таблица

Личностный профиль курсанта

Основные компоненты личностной компетентности	Уровни
Мотивационно-ценностный компонент	
Способность понимать и анализировать мировоззренческие, социально и личностно значимые философские проблемы	
Правосознание, нравственные убеждения и правовая культура, социально ориентированные и гуманистически направленные ценностные ориентации	
Осознанность профессионального выбора и личностная значимость будущей специальности	
Мотивационная зрелость личности в отношении профессиональной деятельности, способность к самомотивированию в решении сложных задач	
Способность выполнять гражданский и служебный долг в соответствии с нормами общественной морали и профессиональной этики	
Способность самостоятельно ставить цели и строить стратегию их достижения в соответствии с внутренними личностными смыслами	
Самокритичность и уверенность в своих силах, адекватная самооценка и самоуважение	
Стремление к личностному и профессиональному саморазвитию	
Социальный компонент	
Способность анализировать социально значимые проблемы и процессы	
Социальная зрелость личности	
Способность находить организационно-управленческие решения, координировать свои и чужие действия для достижения цели	
Способность к кооперации и умение работать в команде	

Способность к социальной перцепции (идентификации, эмпатии, социальной рефлексии, казуальной атрибуции)	
Способность оценивать вклад и знания членов коллектива, учиться у них	
Социальная целостность, умение определить личную роль в коллективе, находить баланс между личной и командной целями	
Способность к толерантности в процессе социального и профессионального взаимодействия с учетом этнокультурных и конфессиональных различий	
Способность к предупреждению и конструктивному разрешению конфликтных ситуаций в процессе профессиональной деятельности	
Способность располагать к себе людей, вызывать у них чувство доверия	
Коммуникативный компонент	
Способность к быстрому установлению контактов с окружающими	
Способность планировать свое речевое и неречевое поведение	
Умение проявлять гибкость в общении и перестраивать его в зависимости от контекста ситуации, психологического состояния и индивидуальных особенностей собеседника	
Способность логически верно, аргументировано и ясно выстраивать речь	
Умение слушать и объективно воспринимать информацию	
Способность управлять процессом общения для достижения собственных целей	
Умение противостоять чужому влиянию и манипуляциям в процессе межличностного взаимодействия	
Когнитивный компонент	
Интеллектуальное развитие	
Способность к когнитивной саморегуляции	
Интеллектуальная лабильность	

Способность к логическому и рефлексивному мышлению, анализу, систематизации, обобщению, критическому осмыслению информации	
Способность креативно мыслить и творчески решать профессиональные задачи в повседневной деятельности и нестандартных ситуациях	
Способность выбирать из большого количества информации, необходимую для решения конкретной задачи	
Способность запоминать и воспроизводить информацию в нужный момент	
Наблюдательность, умение подмечать незначительные (малозаметные) изменения в исследуемом объекте	
Способность распределять и быстро переключать внимание с одного вида деятельности на другой	
Способность длительное время сохранять устойчивое внимание, несмотря на усталость и посторонние раздражители	
Эмоционально-волевой и деятельностный компонент	
Эмоциональный интеллект [10], эмоциональная зрелость (способность человека распознавать эмоции, понимать намерения, мотивацию и желания других людей и свои собственные, а также способность управлять своими эмоциями и эмоциями других людей в целях решения практических задач)	
Способность адаптироваться к новым условиям и видам профессиональной деятельности, новому социальному окружению	
Волевая регуляция поведения (выдержка, смелость, решительность, настойчивость, целеустремленность)	
Способность к внутренней локализации контроля волевого усилия	
Способность к самоорганизации в деятельности (дисциплинированность, исполнительность, инициативность и работоспособность)	
Способность изменять вид и характер своей профессиональной деятельности (мобильность)	

Оценка динамики развития личностной компетентности у курсантов позволяет прогнозировать успешность в учебной и служебной деятельности, а также проектировать траекторию дальнейшего развития. Интерпретируя результаты диагностики, сообщая их обследуемому, мы тем самым актуализируем имеющиеся у него психологические знания, развиваем рефлексивность и самоанализ. Поскольку индивидуальные показатели диагностики имеют значимость для курсанта, то объяснение сущности диагностируемых психологических характеристик также приобретает особую личностную значимость. Психологические знания не столько усваиваются, сколько присваиваются, происходит формирование компетентности. Личностная компетентность становится фактором самореализации профессионально-психологического потенциала курсантов.

Психодиагностика, направленная на развитие и саморазвитие человека, может рассматриваться как разновидность личностно-ориентированных технологий. Для этого необходимо создание особой ситуации развития, которая включает следующие аспекты:

- психолог создает внутреннюю мотивацию саморазвития и самосовершенствования у курсантов в ходе разъяснения диагностируемых показателей;
- данные диагностики ориентированы на обогащение представлений обследуемых о себе; психодиагностика направлена на формирование аутокомпетентности;
- психодиагностические процедуры предусматривают активное участие курсантов в проектировании и обсуждении личностного профиля, в обработке полученных данных и их интерпретации;
- при проведении личностно-ориентированной диагностики широко применяются диалогические техники: беседы, тренинги, организационно-деятельностные игры, психологические консилиумы, кейс-методы, проблемно-ситуационное моделирование;
- психодиагностика должна быть направлена на комплексную оценку личности курсанта, а для этого необходимо построение личностного профиля;
- обобщение результатов диагностики кладется в основу программы развития ресурсов и потенциала каждого обучаемого;
- периодичность диагностики каждое полугодие становится основой психологического сопровождения формирования личностной компетентности у курсантов.

Проектирование личностного профиля будущего специалиста и подбор методик диагностики являются наиболее важными моментами личностно-ориентированной технологии развития обучаемых.

Данные психодиагностики должны использоваться психологом для выбора эффективных психотехнологий формирования компетентности у курсанта, построения стратегии развития, прогнозирования результативности осуществляемого психологического воздействия, а при необходимости — и для коррекции неконструктивных для жизнедеятельности поведенческих моделей и психологических качеств личности [13]. Результаты диагностики могут инициировать у курсантов вопросы, направленные на уточнение уровня сформированности необходимых компетенций. Предоставление психологом обратной связи о результатах диагностики осуществляется в формате психологического консультирования, которое в данном случае ориентировано на

внутриличностное развитие курсантов, осознание собственных ресурсов, обсуждение вариантов реализации имеющегося потенциала с учетом зоны ближайшего развития.

В целом, психодиагностика является важным инструментом сопровождения социального и профессионального становления личности курсанта [21], позволяющим актуализировать психологический потенциал личности курсанта, стимулировать профессиональный рост, корректировать деструктивные тенденции развития. Психодиагностика в сочетании с наблюдением, беседами, тренингами, организационно-деятельностными играми, психологическими консилиумами, кейс-методами, проблемно-ситуационным моделированием является действенной технологией формирования компетентных у сотрудников ОВД России.

Литература

1. Анастаси А., Урбина С. Психологическое тестирование. 7-е международное издание. СПб.: Питер, 2003. 688 с.
2. Аншакова В.В. Вклад А.П. Нечаева в становление и развитие возрастной и педагогической психологии: Материалы к спецкурсу. Астрахань: Изд-во Астрах. гос. пед. ун-та, 2002. 125 с.
3. Артемов В.А. Экспериментальная фонетика. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1956. 228 с.
4. Басов М.Я. Общие основы педологии. М.: Алетейя, 2007. 776 с.
5. Бине А., Симон Т., Луков В. Измерение умственных способностей. М.: Союз, 1998. 432 с.
6. Блонский П.П. Психология и педагогика. Избранные труды. М.: Юрайт, 2016. 164 с.
7. Болтунов А.П. Задачи и принципы психотехнической работы в ИПЗ [Электронный ресурс]. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php>, свободный (дата обращения: 23.12.2017).
8. Выготский Л.С., Геллерштейн С.Г., Фингерт Б.А., Ширвиндт М.Л. Основные течения современной психологии [Электронный ресурс]. URL: <https://psychojournal.ru/books/1757-vygotskiy-l-s-gellershteyn-s-g-fingert-b-a-shirvindt-m-l-osnovnye-techeniya-sovremennoy-psihologii.html#t20c/>, свободный (дата обращения: 28.11.2017).
9. Геллерштейн С.Г. Проблемы тестирования // Психология труда. Информационный бюллетень. 1969. № 17. Ч. 2. С. 1—34.
10. Дектярев А.В., Дегтярева Д.И. Эмоциональный интеллект, психологическая граница личности и самоотношения в юношеском возрасте // Психология и право. 2017. № 4. С. 92—105.
11. Диагностика школьной дезадаптации / Под ред. С.А. Беличевой, И.А. Коробейникова, Т.Ф. Кумариной. М.: Редакционно-издательский центр Консорциума «Социальное здоровье России», 1999. 181 с.

12. Дружинин В.Н. Ситуационный подход к психодиагностике способностей // Психологический журнал. 1991. Т. 12, № 2. С. 94—97.
13. Енина В.В., Енин К.А. К вопросу о психологическом обеспечении профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов с психическими дисфункциональными состояниями // Психология и право. 2017. № 1. С. 80—88.
14. Залкинд А.Б. Педология. Утопия и реальность. М.: Аграф, 2011. 646 с.
15. Кашанов М.М. Психология педагогического мышления. СПб.: Алетейя, 2000. 460 с.
16. Корнилов К.Н. Проблемы современной психологии. М.: ЁЁ Медиа, 2013. 255 с.
17. Костромина С.Н. Психодиагностика в образовании // Вестник Санкт-петербургского государственного университета. Сер. 12. 2010. Вып. 3. С. 18—30.
18. Костромина С.Н. Психология диагностической деятельности в образовании. СПб.: Наука, 2007. 492 с.
19. Лазурский А.Ф. Избранные труды по общей психологии. К учению о психической активности. Программа исследования личности. М.: Алетейя, 2001. 192 с.
20. Молодцова Т.Д. Диагностика, предупреждение и преодоление дезадаптации подростков. М., 1999. 236 с.
21. Новиков М.Г. Личностно-ориентированная психодиагностика — иницирующий фактор профессионального развития студента // Новое в психолого-педагогических исследованиях. 2010. № 4. С. 124—129.
22. Общая психодиагностика / Под ред. А.А. Бодалева, В.В. Столина. СПб.: Речь, 2002. 440 с.
23. Россолимо Г.И. Психологические профили. Ч. 1. Методика. М.: ЁЁ Медиа, 2012. 60 с.
24. Рыбников Н.А. Психология и выбор профессии. 3-е изд., доп. Орел: Госиздат, 1922. 76 с.
25. Фромич Ю.В. Особенности психологического сопровождения образовательного процесса в ведомственных учреждениях МВД России // Современные проблемы профессионального образования: опыт и пути решения: материалы первой всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. Иркутск, 2016. С. 902—906.
26. Шилова Т.А. Психологическая типология школьников с отставаниями в учении и отклонениями в поведении. М., 1995. 84 с.
27. Groth-Marnat G. Handbook of Psychological Assessment: 5th ed. N.J.: Wiley, 2009. 754 p.
28. Kline P. Handbook of Psychological Testing, 2nd ed. London: Routledge, 2000. 736 p.

Psychological diagnostics in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Ulyanina O.A., PhD (Sociology), Associate Professor, The Ministry of internal affairs of the Russian Federation (lelia34@mail.ru)

The article considers one of the directions of psychological practice — diagnostics. Specific features of the realization of psychodiagnostics in the educational environment are described. The historical context of the development of psychodiagnostics in education is being studied. The urgency of the research of this area of psychological work, dictated by the need, on the one hand, in assessing the quality of educational services, on the other — searching and stimulating the intrapersonal resources of trainees, is substantiated. In this connection, there is a need to develop theoretical, methodological and conceptual approaches to the implementation of psychodiagnostic activity in education. The substantive and procedural aspects of psychodiagnostic activity in educational organizations of the Ministry of Internal Affairs of Russia are concretized. The advantages of the hardware-software psychodiagnostic complex "Multiplexer", used by psychologists of law enforcement bodies, are highlighted. The program of psychodiagnostics of personal and business qualities of cadets, designed for each year of training, is described. A personal profile of the future specialist is designed, which reflects the results of psychological support and diagnostics throughout the entire period of study.

Key words: vocational training, educational environment, psychodiagnostics, cadets, police officers.

References

1. Anastazi A., Urbina P. Psikhologicheskoe testirovanie [Psychological testing]. 7-e mezhdunarodnoe izdanie. Sankt-Peterburg, 2003. 688 p.
2. Anshakova V.V., Vklad A.P. Nechaeva v stanovlenie i razvitie vozrastnoi i pedagogicheskoi psikhologii: Materialy k spetskursu [Nechaev in the formation and development of age and pedagogical psychology: Materials for a special course]. Astrakhan, 2002. 125 p.
3. Artemov V.A. Eksperimental'naya fonetika [Experimental phonetics]. Moscow, 1956. 228 p.
4. Basov M.Ya. Obshchie osnovy pedologii [General principles of pedology]. M.: Aleteiya, 2007. 776 p.
5. Bine A., Simon T., Lukov V. Izmerenie umstvennykh sposobnostei [Measurement of mental abilities]. Moscow, 1998. 432 p.

6. Blonskii P.P. Psikhologiya i pedagogika. Izbrannye Trudy [Psychology and pedagogy. Selected Works]. Moscow, 2016. 164 p.
7. Boltunov A.P. Zadachi i printsipy psikhotekhnicheskoi raboty v IPZ [Electronic Resource] [Tasks and principles of psychotechnical work in IPZ]. URL: <http://wiki.tsu.ru/wiki/index.php> (Accessed 23.12.2017).
8. Vygotskii L.P., Gellershtein P.G., Fingert B.A., Shirvindt M.L. Osnovnye techeniya sovremennoi psikhologii [Electronic Resource] [The main trends of modern psychology]. URL: <https://psychojournal.ru/books/1757-vygotskiy-l-s-gellershteyn-s-g-fingert-b-a-shirvindt-m-l-osnovnye-techeniya-sovremennoy-psihologii.html#t20c/> (Accessed 28.11.2017).
9. Gellershtein P.G. Problemy testirovaniya [Testing problems]. Psikhologiya truda [Psychology of work]. Informatsionnyi byulleten'. no. 17. Moscow, 1969. Part 2. pp. 1-34.
10. Dektyarev A.V., Degtyareva D.I. Emotsional'nyi intellekt, psikhologicheskaya granitsa lichnosti i samootnosheniya v yunosheskom vozraste [Emotional intelligence, the psychological boundary of personality and self-relationship in adolescence]. Psikhologiya i parvo [Psychology and Law]. 2017. no. 4. pp. 92-105. (In Russ., abstr. in Engl.).
11. Diagnostika shkol'noi dezadaptatsii [Diagnosis of school disadaptation]. Pod red. P.A. Belichevoi, I.A. Kopobeinikova, T.F. Kumapinoi. Moscow: Tsentr Konsortsiума «Sotsial'noe zdorov'e Rossii», 1999. 181 p.
12. Druzhinin V.N. Situatsionnyi podkhod k psikhodiagnostike sposobnostei [Situational approach to psychodiagnosics of abilities]. Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]. 1991. T. 12, no 2. pp. 94—97.
13. Enina V.V., Enin K.A. K voprosu o psikhologicheskom obespechenie professional'noi deyatel'nosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov s psikhicheskimi disfunktsional'nymi sostoyaniyami [On the issue of the psychological provision of professional activities of law enforcement officers with mental dysfunctional conditions]. Psikhologiya i parvo [Psychology and Law]. 2017. no. 1. pp. 80-88. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Zalkind A.B. Pedologiya. Utopiya i real'nost' [Pedology. Utopia and Reality]. Moscow, 2011. 646 p.
15. Kashapov M.M. Psikhologiya pedagogicheskogo myshleniya [Psychology of pedagogical thinking]. Sankt-Peterburg, 2000. 460 p.
16. Kornilov K.N. Problemy sovremennoi psikhologii [Problems of modern psychology]. Moscow, 2013. 255 p.
17. Kostromina P.N. Psikhodiagnostika v obrazovanii [Psychodiagnosics in Education]. Vestnik Sankt-peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of St. Petersburg State University]. Ser. 12. 2010. Release 3. pp. 18-30.
18. Kostromina P.N. Psikhologiya diagnosticheskoi deyatel'nosti v obrazovanii [Psychology of diagnostic activity in education]. Sankt-Peterburg, 2007. 492 p.
19. Lazurskii A.F. Izbrannye trudy po obshchei psikhologii. K ucheniyu o psikhicheskoi aktivnosti. Programma issledovaniya lichnosti [Selected works on general psychology. Program of research on personality].

- To the doctrine of mental activity. The program of research of personality]. Moscow, 2001. 192 p.
20. Molodtsova T.D. Diagnostika, preduprezhdenie i preodolenie dezadaptatsii podrostkov [Diagnosis, prevention and coping with adolescent disadaptation]. Moscow, 1999. 236 p.
 21. Novikov M.G. Lichnostno-orientirovannaya psikhodiagnostika — initsiiruyushchii faktor professional'nogo razvitiya studenta [Personality-oriented psycho-diagnostics is the initiating factor of professional development of a student]. *Novoe v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh* [New in psychological and pedagogical research]. 2010. no. 4. pp. 124-129.
 22. *Obshchaya psikhodiagnostika* [General psychodiagnosis]. Pod red. A.A. Bodaleva, V.V. Stolina. Sankt-Peterburg, 2002. 440 p.
 23. Rossolimo G.I. *Psikhologicheskie profily. Chast' 1. Metodika* [Psychological profiles. Part 1. Methodology]. Moscow, 2012. 60 p.
 24. Rybnikov N.A. *Psikhologiya i vybor professii* [Psychology and choice of profession]. 3-e dop. izdanie. Orel, 1922. 76 p.
 25. Fromich Yu.V. *Osobennosti psikhologicheskogo soprovozhdeniya obrazovatel'nogo protsessa v vedomstvennykh uchrezhdeniyakh MVD Rossii* [Features of psychological support of educational process in departmental institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. *Sovremennye problemy professional'nogo obrazovaniya: opyt i puti resheniya: materialy pervoi vserop. nauch.- prakt. konf. s mezhdunar. Uchastiem* [Modern Problems of Vocational Education: Experience and Solutions: Materials of the First All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation]. Irkutsk, 2016. pp. 902-906.
 26. Shilova T.A. *Psikhologicheskaya tipologiya shkol'nikov s otstavaniyami v uchenii i otkloneniyami v povedenii* [Psychological typology of schoolchildren with learning disabilities and behavioral deviations]. Moscow, 1995. 84 p.
 27. Groth-Marnat G. *Handbook of Psychological Assessment: 5th ed.* N.J., 2009. 754 p.
 28. Kline P. *Handbook of Psychological Testing, 2nd ed.* London, 2000. 736 p.

Метафора профессионального самоопределения: взаимосвязь индивидуально-личностных характеристик и выбора профессии

Вачков И.В., доктор психологических наук, профессор Института общественных наук, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» (igorvachkov@mail.ru)

Молчанова Д.В., магистр в области консультирования (Манчестерский Университет), магистр психологии (Московская высшая школа социальных и экономических наук) (molchanova.darja@gmail.com)

В статье приводятся данные исследования взаимосвязи профессионального самоопределения и особенностей индивидуально-личностных характеристик индивидов на примере выбора профессии психолога в разных возрастных группах: старшеклассников, психологов-студентов и практикующих специалистов. Рассматриваются особенности выбора метафор для описания категорий «образ Я» и «Я-профессионал». Исследование было проведено на выборке 55 человек с использованием комплекса из трех методик. На основании полученных результатов делается вывод о том, что некоторые личностные характеристики могут опосредованно влиять на профессиональное самоопределение. К примеру, у альтруистичных людей заметна тенденция к выбору «помогающих» профессий, тогда как испытуемым с высокими показателями по шкале «Открытость новому опыту» больше подходит творчески ориентированная работа. Выдвигается предположение о том, что связь между использованием определенных когнитивных метафор и профессиональным выбором определяет некоторую включенность различных «образов Я» в процесс самоопределения, однако для выводов об интеграции личностного и профессионального самоопределения в когнитивных метафорах необходимы дальнейшие исследования.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, индивидуально-личностные характеристики, когнитивные метафоры, «образ Я», профессия психолога.

Для цитаты:

Вачков И.В., Молчанова Д.В. Метафора профессионального самоопределения: взаимосвязь индивидуально-личностных характеристик и выбора профессии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 77-88.

doi: 10.17759/psylaw.2018080206

For citation:

Vachkov I.V., Molchanova D.V. The metaphor of the professional self-determination: the interrelationship of individual and personal characteristics, and vocational choice. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 77-88. doi: 10.17759/psylaw.2018080206

Введение

Метафоричность мира и широкое использование метафор в устной и письменной речи для раскрытия чувств, образов и мыслей остается актуальной темой исследования в социогуманитарных науках [5]. В психологии, в отличие от лингвистики, употребление термина «метафора» носит куда более сложный характер, так как подразумевает разнообразие языковых средств, связанных с использованием «свернутой формы нарратива» [1].

Особенности использования и изучения метафор в психологических школах связаны, прежде всего, с фиксацией на понимании метафоры в узком семантическом поле. К примеру, в психоанализе метафоры рассматривались и использовались как часть общей структуры мифа, частично или полностью объясняющие возникновение феноменов, связанных с расстройством либидо, установление межличностных взаимоотношений, с особенностями формирования личности и т. п.

В практической деятельности психологи активно используют метафоры для работы с клиентами, однако, как отмечают современные исследователи, проблема передачи «специфики психологической действительности» остается актуальной по настоящий момент [4]. В процессе работы с индивидом когнитивная метафора может являться и отражением актуального состояния человека, и ресурсной поддержкой для клиента [4]. Метафоризация как процесс обобщения жизненного опыта и получения знаний об окружающем мире нуждается в непрерывном исследовании. Хотя существуют «базовые» метафоры, которые присущи большинству культур, общество самостоятельно продуцирует новые образные элементы и конструкты, связывая тем самым психологическую действительность индивида, коллектива, нации и культурное (семантическое) поле малых и больших социальных групп.

Исследование специфических, а именно когнитивных, метафор, связанных с представлениями людей об их профессиональном выборе, позволяет не только изучить особенности когнитивных метафор как продукта психической деятельности конкретного человека, но также расширить представления о типичных метафорах, которые используются людьми, выявить связь между индивидуально-личностными характеристиками и профессиональным самоопределением [1; 2]. Профессиональное самоопределение понимается нами в контексте данного исследования как постоянный процесс развития профессионального, а соответственно, и личностного самосознания [1; 4].

Актуальность исследования связана, прежде всего, с укреплением позиции постмодернизма в науке и культуре, при котором происходит опредмечивание субъекта исследования и субъективизация предмета [6; 7]. Использование такого полифакторного

конструкта, как метафора, при изучении особенностей выбора индивидом профессии может являться показателем вовлеченности индивидуальных черт личности в данный процесс. Анализ особенностей метафоры и ее связь с личностными характеристиками человека важны, поскольку неисчерпаемость образной символики, окружающей человека на протяжении его жизни, формирует образ мира, который доступен каждому конкретному индивиду. Невозможность структурировать хаос образных представлений о мире, который продуцируются масс-культурой, наукой и реалиями каждого дня, оказывается захватывающим полем для исследования и для попытки выявить схожие черты и взаимосвязи между индивидуально-личностными характеристиками и тем профессиональным полем, которое выбирается субъектом исследования.

Для сужения поля исследования была выбрана конкретная профессия — профессия психолога, как одна из наиболее показательных, так как ее выбор мог быть связан с личностными особенностями человека. Изучение и сравнительный анализ метафор, используемых уже состоявшимися психологами, студентами и старшеклассниками, которые думали о поступлении на психологические специальности, стало основным предметом исследования.

Целью исследования было изучение взаимосвязи между выбираемым полем профессиональной деятельности, психологическими характеристиками и метафорами, через которые человек обозначает процесс своего профессионального самоопределения.

Общая гипотеза данного исследования заключается в следующем: метафора профессионального самоопределения связана с индивидуально-личностными характеристиками человека. В качестве частных гипотез были выдвинуты следующие предположения.

1. Метафоры профессионального самоопределения, развернутые в хронологии, могут являться показателем удовлетворенности человека своим выбором профессиональной сферы деятельности.
2. Метафоры, используемые для обозначения позиции их автора в окружающем мире, являются возможным инструментом для подтверждения полученных результатов по шкалам тревожности, самооценки, альтруизма.
3. Особенности внутренней репрезентации метафоры профессионального самоопределения связаны с ярко выраженными индивидуально-личностными характеристиками человека.

Процедура и методы исследования

В исследовании применялись следующие методики: 1) авторская модификация методики «Неоконченные предложения» - «Метафора профессионального выбора во временной перспективе»; 2) опросник «Шкала тревоги Спилбергера» (адаптированный Ю.Л. Ханиным); 3) шестифакторный личностный опросник HEXACO-PI-R (в адаптация О.В. Паршиковой, М.С. Егоровой).

Процедура исследования строилась на основании деления испытуемых на две группы: 32 учащихся старшей школы и 27 человек с окончанным или неоконченным высшим психологическим образованием. Не было произведено деление внутри групп по

гендеру, несмотря на то, что влияние пола на репрезентацию метафор «образа Я» и «Я-профессионал» оказалось значимым при подведении итогов исследования. На одном из этапов сравнения внутри группы испытуемых-старшеклассников был выделен «интерес к профессии психолога» как фактор дифференциации.

Таблица 1

Характеристики выборки исследования

Группа	Школьники		Люди с психологическим образованием		
Количество	32 человека		23 человека		
Подгруппы	Хоть раз задумывались о психологическом образовании	Не интересовались/ интересуются психологическим образованием	Студенты-бакалавры	Студенты-магистры	Люди с психологическим образованием, работающие по специальности
Количество	14	18	9	8	6

В ходе предварительного отбора испытуемых был проведен небольшой пилотажный эксперимент с целью определения возможных категорий метафор для методики «Незаконченные предложения». В пилотажном исследовании приняли участие 6 старшеклассников, двое из которых собирались поступать на психологический факультет. Их когнитивные метафоры «профессиональное поле», «профессионал» и «жизненный путь» стали первичным ориентиром при обработке результатов основной выборки. Кроме того, для определения метафор жизненного пути были использованы типы, выделенные А.А. Бочавер: «развлечение», «путь», «угроза», «мгновение», «норматив», «задача», «праздник», «наказание», «потребление», «таинство» [1].

Выбор опросника «Шкала тревоги Спилбергера» был обусловлен желанием понять, есть ли связь между показателями фасетки из шестифакторного опросника НЕХАСО и личностной и ситуативной тревожностью.

Результаты и их обсуждение

В ходе обработки результатов статистическими методами (коэффициент корреляции Пирсона) была выявлена значимая связь между показателями личностной и ситуативной тревожности по опроснику Спилбергера и самой фасеткой «эмоциональность», а также субшкалой тревожности. Данные субшкал «боязливость», «зависимость» и «чувствительность» не обнаружили значимой связи с результатами по опроснику Ч. Спилбергера.

Данный результат косвенно подтверждает валидность данной фасетки в контексте всего опросника. В результате исследования удалось косвенно подтвердить также валидность методики НЕХАСО-PI-R в целом.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа показателей методики «Шкала тревожности Спилбергера» и адаптированного варианта шестифакторного опросника НЕХАСО-PI-R

Показатели	Тревожность	Ситуативная тревожность	Личностная тревожность	Боязливость	Зависимость	Чувствительность	Эмоциональность
Тревожность	1	0,562**	0,669**	0,417**	0,424**	0,428**	0,727**
Ситуативная тревожность	0,562**	1	0,749**	0,242	0,217	0,270*	0,412**
Личностная тревожность	0,669**	0,749**	1	0,445**	0,443**	0,388**	0,635**
Боязливость	0,417**	0,242	0,445**	1	0,391**	0,236	0,671**
Зависимость	0,424**	0,217	0,443**	0,391**	1	0,610**	0,838**
Чувствительность	0,428**	0,270*	0,388**	0,236	0,610**	1	0,761**
Эмоциональность	0,727**	0,412**	0,635**	0,671**	0,838**	0,761**	1

Примечание: «*» — уровень значимости $p = 0,05$; «**» — уровень значимости $p = 0,01$.

В ходе подготовки исследования мы разделили выборку на две большие группы по уровню образования: среднее общее и высшее. Данное разделение позволило нам проверить наличие связи между индивидуально-личностными характеристиками и уровнем образования. Используя непараметрический критерий для несвязанных выборок Краскала—Уолисса, мы сравнили группы школьников, студентов-бакалавров, студентов-магистров и людей, закончивших высшие образовательные заведения (Приложение 1).

По всем шкалам личностного опросника между показателями значимых различий не обнаружилось (при уровне значимости $p = 0,05$), за исключением шкалы «добросовестность». Во-первых, данный результат говорит о том, что уровень образования не влияет на индивидуально-личностные особенности человека. Во-вторых, шкала «добросовестность», куда включаются организованность, упорство, перфекционизм, рассудительность, оказалась в большей степени связана с возрастом.

Для подтверждения данного вывода был проведен анализ с использованием непараметрического критерия Манна—Уитни на малых группах. В первую очередь мы сравнили группы людей, связанных с психологией: психологов-студентов и практикующих психологов (Приложение 2). При уровне значимости $p = 0,05$ по всем шкалам личностного опросника значимых различий также не обнаружилось. Следующей группой для сравнения стала группа школьников, которая была разделена на две подгруппы: тех, кто заинтересован в получении психологического образования, и тех, кому это не интересно (Приложение 3). При уровне значимости $p = 0,05$ по всем шкалам личностного опросника значимых различий также не обнаружилось.

Методика «Неоконченные предложения» в авторской модификации дала наиболее значимые результаты, во многом благодаря пилотажному исследованию, подтвердившему правомерность использования метафор жизненного пути, исходя из исследования А.А. Бочавер. Мы сознательно синонимизировали метафору жизненного пути и метафору самой жизни: в процессе исследования мы просили испытуемых представить их жизнь единым образом — так, как она ими ощущается «здесь и сейчас».

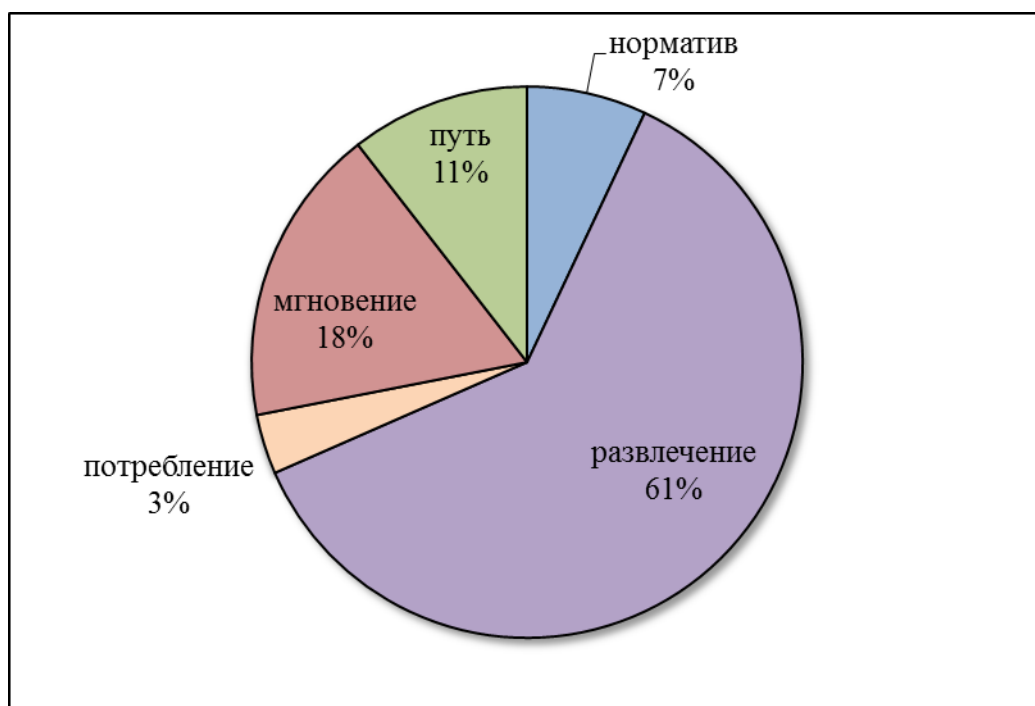

Рис. 1. Метафоры «Моя жизнь» на всей выборке испытуемых

Из типов метафор, предложенных для анализа, оказалось недействительными 6 метафор. Объяснение данному факту можно найти в малочисленности выборки. Однако то, что лидирующую позицию занимает метафора «Развлечение», обращает на себя внимание, поэтому был проведен более детальный анализ используемых метафор, которые были сгруппированы по новым категориям: «театр и сцена», «кинематограф», «сериалы и клипы», «другое».

На рис. 2 отображены результаты разбиения метафоры «Развлечение». Отделение кинематографа от сериалов связано, прежде всего, с изменением культуры потребления цифровой информации, а соответственно, с изменением влияния данных видов искусства на

человечество. Об этом можно заключить из предпочтения более старшими испытуемыми кинематографа, а не сериалов. Из 11 человек, использующих метафору «Кино», только один был подростком, а из 17 человек, использовавших метафору «Сериалы и клипы», было 4 взрослых испытуемых.

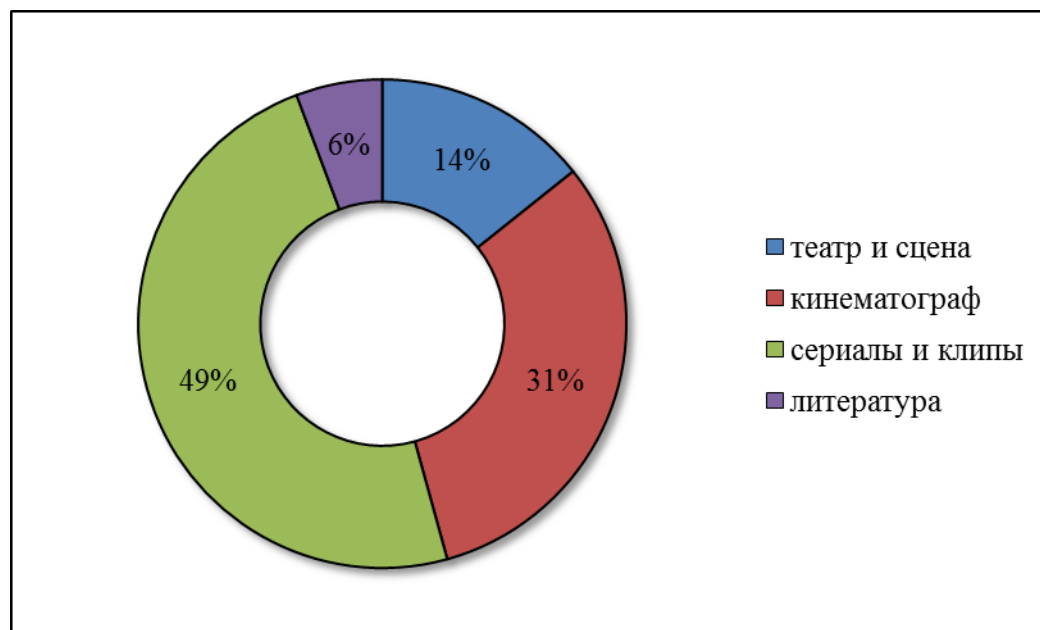

Рис. 2. Подкатегории метафоры «Развлечение» на всей выборке испытуемых

Метафора «Моя жизнь» показала, что большинство испытуемых в выборке исследования предпочитают представлять свою жизнь в контексте развлечения, приносящего или не приносящего им удовольствие. Также были использованы метафоры «Путь», «Потребление», «Норматив» и «Мгновение». Отсутствие большего разнообразия в ответах испытуемых и неиспользование всего спектра возможных метафор связано, по-видимому, с небольшим объемом выборки. Однако можно выдвинуть и другое предположение, которое заключается в том, что сама методика «Незаконченные предложения» в данном исследовании привязывала испытуемых к метафоре жизни как книги/картины/кинофильма. Поскольку испытуемые получали подобного рода установку, их представление о метафоре жизни смещалось в сторону категории «Развлечение». Делать на основании этого выводы по поводу особенностей представления у психологов и непсихологов репрезентации образа их жизни нельзя в связи с выявлением фактора установки на процесс метафоризации представления о жизни.

При сравнении категорий «образ Я» и «Я-профессионал» видно, что преобладающее количество испытуемых использовали метафоры «Помощник», «Автор» и «Герой», при этом для людей, которые заинтересованы в получении психологического образования/работы психолога, метафоры «Помощник» и «Автор» являются самыми часто встречающимися.

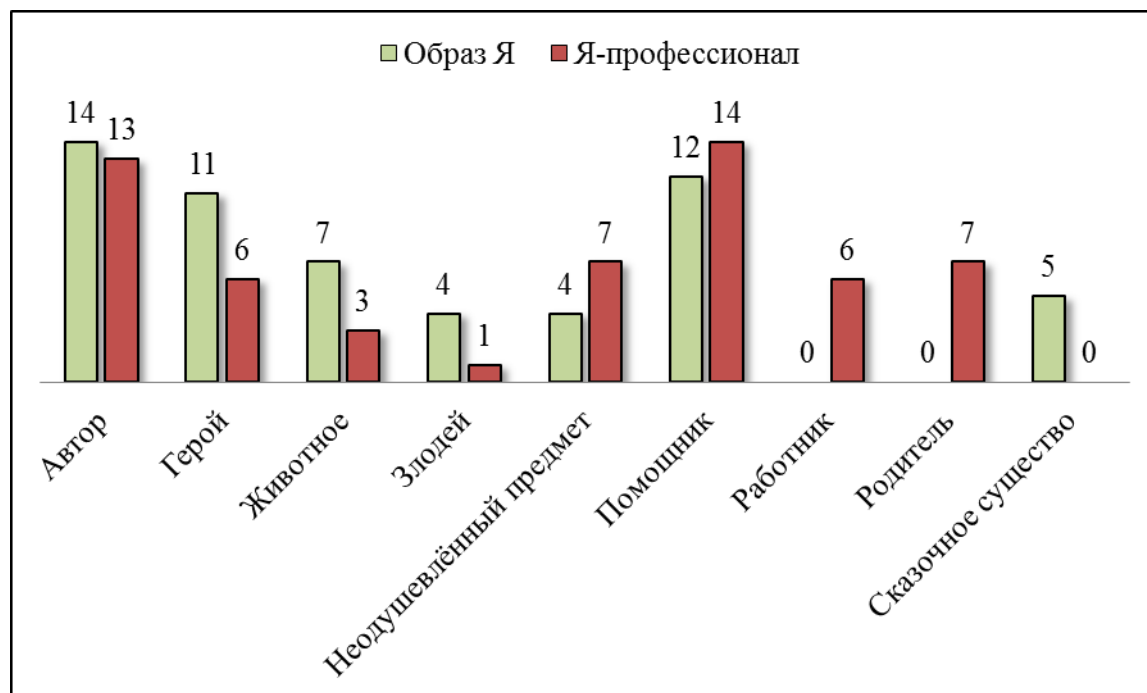

Рис. 3. Сравнение количества использования разных категорий метафор «Я-профессионал» и «образ Я»

Кажется наиболее вероятным, что феномен «авторства» собственной жизни или «авторства» в профессиональном поле соотносится с метафорой творца, созидателя, что свидетельствует о склонности к принятию самостоятельных решений и ответственности за завершённые действия.

Категория «Герой» оказалась больше востребована при описании «образа Я», тогда как в профессиональном отношении количество «героев» уменьшилось. Это может быть связано с тем, что, во-первых, появились новые категории — «Работник» и «Родитель», а, во-вторых, с тем, что выросло количество положительных метафор, связанных с неодушевленными предметами. Описывая «образ Я», к метафоре неодушевленного предмета обращались подростки, тогда как в категории «Я-профессионал» такие метафоры использовали и практикующие психологи.

Важно отметить преобладание в группе психологов-студентов метафоры «Помощник». Это представляется логичным, поскольку психолог в рамках недирективной модели чаще выступает именно в качестве специалиста, оказывающего помощь клиенту в преодолении каких-то трудностей (в данной выборке не было психологов, практикующих психоанализ, когнитивно-бихевиоральную терапию и другие директивные направления).

Испытуемые, использовавшие метафору «Помощник», отличались также высокими показателями по шкалам «Доброжелательность» и «Открытость новому опыту» шестифакторного опросника HEXACO-PI-R. Подобный результат косвенно подтверждает гипотезу нашего исследования о связи между индивидуально-личностными характеристиками и выбором профессионального поля.

Можно предположить, что широкое использование метафоры «Помощник» будет характерно для людей, выбирающих помогающие профессии, а следовательно, данная

категория может стать основной при метафорической репрезентации профессионального самоопределения.

Заключение

На основе проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы.

1. Существует связь между реализацией индивида в выбранном профессиональном поле (психология) и индивидуально-личностными характеристиками человека (альтруизм, доброжелательность, открытость новому опыту).
2. Метафоры, используемые для обозначения профессионального самоопределения, подтверждают заинтересованность их автора в помогающих профессиях (категории «Помощник» и «Автор»).
3. Индивидуально-личностные черты не связаны с особенностями метафорической репрезентации профессионального самоопределения, за исключением такой черты, как альтруизм.

Несмотря на отсутствие выраженных корреляций с выбором профессии, некоторые индивидуально-личностные характеристики могут играть важную роль в профессиональном самоопределении. Некоторые личностные характеристики могут быть связаны с профессиональным полем опосредовано; например, такая характеристика, как альтруизм, может являться характерной особенностью для людей, выбирающих «помогающие» профессии, а творческими профессиями будут интересоваться люди, которые открыты новому опыту.

«Образ Я» выступает в качестве ядра личностного самоопределения, при этом важность учета образа себя как профессионала в контексте изучения профессионального самоопределения неоспорима. По итогам исследования можно говорить о том, что существуют пересечения между «образом профессионала» и «образом Я», однако этих пересечений недостаточно, чтобы говорить об интеграции профессионального и личностного самоопределения.

На самоопределение личности как на целостное образование воздействуют внешние (социум, обучение, абсолютная мифология и т. п.) и внутренние (самопознание, саморегуляция, самооценка и др.) условия, в результате чего «образ Я» может трансформироваться [3; 7]. Из этого следует, что любое эмпирическое изучение феноменов самоопределения предполагает обязательное рассмотрение также и социальной ситуации развития, без которой невозможно понять специфические особенности самоопределения конкретного человека.

Литература

1. Бочавер А.А. Метафора как способ внутренней репрезентации жизненного пути личности: дис. канд. псих. наук: 19.00.01. М., 2010. 220 с.
2. Валькман Ю.Р. Графическая метафора основа когнитивной графики // IV Нац. конф. с межд. уч. «Искусственный, интеллект-94»: сб. науч. тр. Т. I. Рыбинск, 1994. С.94—100.
3. Зиновьева Е.В., Дворникова Т.А. Развитие личности психолога-консультанта: нарратив как метод исследования // Психологические исследования. 2017. Т. 10, № 52. С. 6. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 29.03.2018).
4. Карпинский К.В. Психология жизненного пути личности: учеб. пособие. Гродно: ГрГУ, 2002. 167 с.
5. . Лакофф Дж, Джонсон М. Теория метафоры. М., М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
6. Мороз О.В. Культурная травма в российском литературном дискурсе конца XX века (Виктор Ерофеев, Владимир Сорокин, Виктор Пелевин) : Автореф. дисс. канд. культурологии: 24.00.01 – Теория и история культуры; [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет], М., 2012. 26 с.
7. Ortonay A. (ed.) *Metaphor and thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 678 p.

The metaphor of the professional self-determination: the interrelationship of individual and personal characteristics, and vocational choice

Vachkov I.V., Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Institute of social Sciences of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (igorvachkov@mail.ru)

Molchanova D. V., Master in counseling (University of Manchester), Master in psychology (The Moscow School of Social and Economic Sciences) (molchanova.darja@gmail.com)

The article presents the data of research of interrelation of professional self-determination and features of individual and personal characteristics of individuals on the example of the choice of the profession of “psychologist” in different age groups: high school students, psychology students and practitioners. Also considered the peculiarities of the choice of metaphors to describe the category of “Self” image” and “I’m a professional”. The study was done on a sample of 55 people using a set of three methods. Based on the results, it is concluded that some personal characteristics can indirectly affect professional self-determination. For example, “altruistic” people tend to choose “helping” professions, while those with high indicators on the scale of “Openness to new experience” are more suited to creatively oriented work. It is assumed that the relationship between the use of certain cognitive metaphors and professional choice determines some inclusion of images of different “Self” images” in the process of self-determination, but for the conclusions about the integration of personal and professional self-determination in cognitive metaphors further research is needed.

Key words: professional self-determination, individual and personal characteristics, cognitive metaphors, “Self” image”, the profession of psychologist.

References

1. Bochaver A. A. Metafora kak sposob vnutrennej reprezentatsii zhiznennogo puti lichnosti. Diss. kand. psikh. Nauk. [Metaphor as a way of internal representation of a person's life path. Ph.D. (Psychology) diss]. Moscow, 2010. 220 p.
2. Val'kman YU.R. Graficheskaya metafora osnova kognitivnoj grafiki [Graphical metaphor-based cognitive graphics]. Sbornik nauchnikh trudov IV Nats. konf. s mezhd. uch. «Iskusstv, intellekt-94» [Proceedings of The IV National Conf. with it. academic "Artificial intelligence-94"]. Rybinsk, 1994. Vol. I. pp94-100.

3. Zinov'eva E.V., Dvornikova T.A. Razvitie lichnosti psikhologa-konsul'tanta: narrativ kak metod issledovaniya [Development of the personality of the counselor: narrative as a method of research]. *Psikhologicheskie issledovaniya [Psychological research]*. 2017. Vol. 10, no. 52. P. 6.
4. Karpinskij K.V. Psikhologiya zhiznennogo puti lichnosti: Ucheb. Posobie [Psychology of life of the person: studies. benefit]. Grodno: Publ. GrGU, 2002. 167 p.
5. Lakoff Dzh, Dzhonson M. Teoriya metafory [Metaphor theory]. M.: Publ. Editorial URSS, 2004. 256 p.
6. Moroz O.V. Kul'turnaya travma v rossijskom literaturnom diskurse konca XX veka (Viktor Erofeev, Vladimir Sorokin, Viktor Pelevin). Avtoref. diss. kand. kul'turologii. [Cultural trauma in the Russian literary discourse of the late twentieth century (Viktor Erofeev, Vladimir Sorokin, Victor Pelevin). Ph.D. (Culturology) Thesis]. M., 2012. 26 p.
7. Ortonay A. Metaphor and thought. Cambridge: Cambridge University Press, 1993. 678 p.

К вопросу о предмете юридической психологии

Ильина В.А., кандидат психологических наук, доцент кафедры организации и методологии уголовного преследования, Иркутский юридический институт (филиал) Федерального государственного казенного образовательного учреждения высшего образования «Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации» (avapeter@mail.ru)

В статье рассматриваются дискуссионные вопросы юридической психологии, связанные с ее предметом. Исследуется проблема интеграции юридических и психологических знаний как основание предметной области исследования юридической психологии. Решение проблемы интеграции, по мнению автора, видится в осмыслении дифференциации и междисциплинарного синтеза знаний о человеке, побуждающих исследовать и раскрывать в массе специальных описаний тех или иных психических явлений, сложившихся в разных психологических дисциплинах, того специального, что может быть отнесено к открытиям юридической психологии. Делается вывод о том, что механизм интеграции юридических и психологических знаний заключается в поиске закономерностей между правовыми и психологическими явлениями. В этой связи предлагается под предметом юридической психологии понимать закономерности, возникающие между правовыми и психологическими явлениями, а также психологические механизмы образования новых явлений в сфере отношений, регулируемых правом.

Ключевые слова: юридическая психология, предмет, методология, интеграция, закономерности, явление.

Для цитаты:

Ильина В.А. К вопросу о предмете юридической психологии. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 89-100. doi: 10.17759/psylaw.2018080207

For citation:

Ilyina V.A. On the subject of legal psychology. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 89-100. doi: 10.17759/psylaw.2018080207

В современных научных исследованиях отмечается, что юридическая психология, как и многие другие отрасли психологии, прошла длительный процесс развития от умозрительных идей до научно-экспериментальных исследований. Продолжая отстаивать статус самостоятельности и относясь к наиболее интенсивно развивающимся отраслям психологической науки, она, между тем, обобщенного теоретико-методологического

обоснования не имеет [23, с. 56]. В.М. Поздняков пишет, что в монографиях, посвященных ключевым юридико-психологическим феноменам, критикуется состояние современной юридической психологии [16, с. 207].

Идеи, давшие направление отечественной юридической психологии как самостоятельной научной дисциплине, были заложены в трудах первых теоретиков [4, с. 11—13; 6, с. 364—377; 9, с. 141—145; 18, с. 11], отмечающих необходимость использования знаний психологии в целях совершенствования деятельности органов правопорядка. Вопрос же о том, что представляют собой знания, относящиеся к сфере юридической психологии, остается открытым.

Основной особенностью знаний юридической психологии является то, что они образуются на стыке правовых и психологических знаний, интеграция которых выделяется в самостоятельную проблему. Проблема соотношения правовых и психологических знаний, по мнению О. Д. Ситковской [21], упирается в определение предмета юридической психологии, которому в учебниках по юридической психологии, к сожалению, дается неоднозначная дефиниция.

В.Л. Васильев определяет юридическую психологию как прикладную дисциплину, изучающую различные аспекты личности и деятельности в условиях правового регулирования [4, с. 17].

Близкое к указанному, определение понятия юридической психологии дает И.А. Горьковая, видя в ней прикладную науку, находящуюся на стыке психологии и юриспруденции, предметом которой являются индивидуально-психологические особенности субъектов правоотношений, общие психические закономерности системы «человек—право» [24, с. 5].

По мнению М.И. Еникеева, юридическая психология изучает проявление и использование психических закономерностей, психологических знаний в сфере правового регулирования и юридической деятельности [7, с. 1].

В.В. Романов включает в предмет юридической психологии знания о различных явлениях психики, индивидуально-психологических особенностях личности субъектов различных правоотношений, вовлеченных в сферу правоприменительной деятельности, социально-психологических закономерностях этой деятельности, воздействующей на психику, сознание и поведение участвующих в ней людей [19, с. 17—18].

В отдельных работах говорится о специфических особенностях (чертах) психических процессов, свойств и состояний, имеющих у субъектов правоотношений, которые и образуют специальные знания юридической психологии. Так, И.И. Аминов, определяя область знаний юридической психологии, отмечает, что данная научная отрасль включает в себя различные знания из психологии и юриспруденции, *синтезируя* их в новую науку. «В области общественных отношений, отношений между людьми, регулируемые нормами права психические процессы, состояния, образования и свойства приобретают специфические черты... их проявление носит характер объективных психических закономерностей, которые и составляют предмет юридической психологии» [1, с. 6—7].

О.Д. Ситковская к предмету юридической психологии относит закономерности и механизмы психической деятельности и поведения людей в сфере регулируемых правом

отношений [21, с. 58].

В целом, анализ научных и учебных работ отечественных психологов позволяет сделать выводы о том, что каждый из исследователей предлагает примерно одинаковое понимание предмета юридической психологии, хотя некоторые из существующих определений резко критикуются. Например, по мнению А.Р. Ратинова, определение юридической психологии как синтеза психологических знаний о взаимодействии людей в сфере правоотношений и правового регулирования представляет собой ничто иное, как «рецидив несостоятельных с науковедческой точки зрения представлений» [18, с. 47]. Не вдаваясь в отдельные аспекты существующих на сегодняшний день определений понятия юридической психологии, общим и, во всяком случае, единым мнением ученых остается суждение об интегративном характере знаний юридической психологии.

Интегративный характер знаний юридической психологии с правовыми знаниями — это одна из первых их особенностей, позволяющая выделиться юридической психологии в самостоятельную область психологии, но не единственная. Понимание об интегративном характере знаний юридической психологии как очевидном явлении еще не позволяет ответить на вопрос о специфике этих знаний. Нерешенной остается проблема механизма интеграции юридических и психологических знаний, в результате которой появляется новое знание.

Нераскрытый в данной части вопрос укоренил в научной и учебной литературе мнение о том, что на предмет юридической психологии существуют разные точки зрения [25, с. 7], что, по всей видимости, и мешает очертить круг принадлежащих юридической психологии знаний.

В этой связи А.М. Столяренко отмечает, что анализ расхождений имеющихся точек зрения на предмет юридической психологии приводит к выводу о том, что знания юридической психологии относятся больше к юридической части предмета, чем к психологической. Юридическая психология, по мнению А.М. Столяренко, находясь на стыке юриспруденции и психологии, призвана понимать свой предмет в «юридической части» так, как его понимает юридическая наука, а в «психологической» — как его понимает психологическая наука [17, с. 17].

Несмотря на то, что А.Р. Ратинов в связи с соотношением предмета и знаний в науке напоминал о том, что «...знания являются содержанием науки, а не ее предметом, предметом же служат психические явления, механизмы, закономерности» [18, с. 47], данные категории хотя и не тождественны, но взаимосвязаны. Нерешенность проблемы предмета не позволит решить задачу системы знаний юридической психологии, и не позволит, кроме того, преодолеть тот самый пресловутый подход к ее развитию как научной отрасли, который был назван «тупиковым» [25, с. 12].

Тупиковый или бесперспективный путь развития юридической психологии — это такой путь, при котором, по мнению А.Р. Ратинова, юридическая психология рассматривает психологические закономерности по аналогии с тем, как это делает общая психология, попутно определяя значение этих явлений для юриспруденции. Однако в таком случае, многие значимые для юриспруденции психические явления, их особенности будут «ускользать» [25, с. 11].

В этой связи, по мнению Ф.С. Сафуанова, актуальными остается мнение о том, что юридическая психология лучше разработана не как наука, а как учебная дисциплина, ориентированная на популяризацию психологических знаний в учебном процессе, а прирост новых знаний в этой области происходит еще медленно. «Несмотря на то, что в большинстве ученых пособий приводятся разнообразные определения предмета юридической психологии она остается объектной наукой» [20, с.8].

Накопленные юридической психологией как учебной дисциплиной знания — это фактически сбор наблюдаемых и (или) обобщенных из разных источников (в том числе правовых) информации о специфике поведения субъектов различных правоотношений, особенностях протекания у субъектов данных отношений психических процессов, свойств и состояний в конкретных правовых *условиях* (определенного процессуального статуса или ситуаций допроса, судебного заседания и проч.). Например, юридическая психология предлагает знания о том, что у потерпевших от насильственных преступлений восприятие искажается в сторону гиперболизации личности преступника [8, с. 50]; для проявления межгрупповой враждебности вполне достаточно самого факта групповой принадлежности [10, с. 143]; а присяжные заседатели, находящиеся в плохом настроении, склонны к более серьезному наказанию подсудимого, чем их коллеги с хорошим настроением [5, с. 74] и т. д.

Очевидно, что для юридической психологии как научной отрасли и учебной дисциплины результаты исследований, касающиеся многообразного спектра проблем человека несомненно важны, независимо от того, в какой области психологии данные исследования проводятся (социальной психологии или педагогической). Например, особый интерес у юристов в настоящее время вызывают вновь появляющиеся социальные феномены, типа mass murder («массовое убийство»), или happi slapping («избиения для развлечений») [13, с. 44], и еще неясно какая область науки первой раскроет и объяснит их механизм. «Такова уж диалектика научного познания, — писал Б.Ф. Ломов, — что чем глубже проникает та или иная специальная дисциплина в изучаемый ею предмет и чем полнее раскрывает его, тем все более необходимыми становятся ее контакты с другими дисциплинами» [12, с. 29]. В данном случае с уверенностью говорить о самостоятельности юридической психологии как отрасли научного знания «... со своим собственным эмпирическим и экспериментальным материалом, полученным в результате специальных исследований психических явлений в правовой сфере» [18, с. 49], не приходится.

Критикуя существующий подход к определению предмета юридической психологии, включающей в себя якобы психологию и юриспруденцию без раскрытия этой взаимосвязи, О.Д. Ситковская, подчеркивает, что «... мысль о двойной (двуединой) природе юридической психологии представляется не соответствующей положениям науковедения. Утверждение же о том, что юридическая психология представляет собой некий “гибрид”, входящий одновременно в систему и правового и психологического знания, противоречит логике определения предмета отрасли (подотрасли) научного знания» [21, с. 57].

Очевидно, что проблема интеграции знаний тесно связана с вопросом о дифференциации науки психологии. Б.Ф. Ломов по этому поводу писал, что одной из характерных тенденций современного этапа развития психологической науки является ее все возрастающая дифференциация. В психологии можно насчитать более тридцати самостоятельных областей и направлений, и данная дифференциация возможно будет продолжаться. Несмотря на все опасения о разрыве единой науки и превращении ее во множество мелких, не связанных между собой направлений, Б.Ф. Ломов, тем не менее,

указывал на объективную необходимость дифференциации психологической науки, вызванную потребностями жизни и общественной практики. Дифференциация является непременным условием углубленного изучения выбранной части (или аспекта) изучаемой системы явлений; благодаря дифференциации психологической науки вычленяются все новые и новые стороны психики, раскрывается многообразие и многокачественность ее проявлений [12, с. 26—27].

Дифференциация и интеграция являются двумя сторонами одного процесса развития науки. Известно, что с психологией в части связей с другими науками не может сравниться ни одна область научного знания. Психология связана с биологией, физикой, химией, социологией, политологией, лингвистикой и даже техническими науками. Иногда это создает впечатление невероятной раздробленности психологии, — писал Б.Ф. Ломов, — и порождает «... пессимистические прогнозы о возможности ее развития как внутреннее связанной области научного знания» [12, с. 30]. Таким образом, как и юридическая психология, ее «материнская» наука психология переживает тот же кризис интеграции в связи с процессами дифференциации, также ставит перед собой проблему предмета и места в системе научных знаний о человеке.

Б.Ф. Ломовым был сформулирован основной принцип интеграции в психологической науке. Под интеграцией ученый полагал раскрытие в массе специальных описаний, сложившихся в разных психологических дисциплинах и нередко противоречащих друг другу, того главного, общего и существенного в психологических явлениях, что так или иначе проявляется при любом специальном подходе. «Она, во всяком случае, не должна терять своей основной задачи: *изучения природы психики, ее механизмов и управляющих ею закономерностей*»... «В конце концов, именно этой задачей объединены все области психологической науки: психофизика и психофизиология, социальная, инженерная и юридическая психология, психология труда и психолингвистика и т. д.. Каждая из них раскрывает особые грани, стороны, качества явлений одной природы (психических явлений) и вносит свой специфический вклад в изучение сущности этих явлений. Обеспечивает возможность раскрыть единство в многообразии, общее — в единичном, устойчивое — в изменчивом, существенное — в явлении, необходимое — в случайном. Каждая из них, таким образом, идет от изучения *особенного к пониманию общего и вместе с тем раскрывает, как общее проявляется в особенном*» [12, с. 31, 108].

Из вышесказанного следует, что при современной дифференциации наук, как отмечал Б.Г. Ананьев, точное определение предмета каждой из них имеет особенно большое значение [2, с. 71].

Раскрывая проблему предмета юридической психологии А.Р. Ратинов писал, что применение психологических знаний в той или иной сфере еще не создает самостоятельной науки. Как самостоятельное направление психологических исследований юридическая психология предполагает исследование психических явлений и механизмов, отталкивающееся от правовой действительности, выявление их своеобразия и особенностей, проявляющихся в данной области общественной практики [18, с. 46]. «Важно учитывать и то, что право на самостоятельное существование в качестве науки приобретает лишь та система знаний, которая имеет своим содержанием специфические, *одной ей присущие закономерности*» [18, с. 12—13].

Данный вывод постулируется и в теоретической психологии. «Главная задача всякой теории, пишет В.Д. Балин, вскрыть основные специфические закономерности изучаемых явлений» [3, с. 19]. В свою очередь, понятие «закономерность» употребляется для обозначения начального этапа познания законов, а также для обозначения совокупности законов данной области явлений, для выражения их целостности и единства.

Когда же речь идет о законе, то имеются в виду объективно существующие связи, отношения между теми или иными явлениями. «Закон есть отношение», — писал В.И. Ленин [11, с. 138].

Между тем возникает вопрос о том, что мы понимаем под явлениями и закономерностями, относящимися к сфере исследования юридической психологии. В каких явлениях юридический психолог должен искать закономерности и объяснять их механизмы?

В широком смысле под «явлением» понимается вообще всякое обнаруживаемое проявление чего-нибудь. Так, говорят о физическом явлении, явлении природы, социальном явлении. О явлении говорят также как странном и загадочном событии или случае [14, с. 916]. В.И. Ленин писал о явлении как «... ближайшим образом сущности в своем существовании <...> Явление есть единство видимости и существования» [11, с. 135]. В философском аспекте под явлением понимается вообще все, что чувственно воспринимаемо, особенно бросающееся в каком-то отношении в глаза. С точки зрения теории познания явление есть выражение, свидетельство чего-то другого. По Канту — это «вещь-в-себе». Явление сущих в себе вещей на психофизическом уровне есть ничто иное, как само познание, рассматриваемое в плане объекта: «Я познаю нечто» и «нечто является мне» [22, с. 554].

Явление в психологии — это, прежде всего, психическое явление. Под ним понимается форма проявления психического как природного феномена. Обычно это процессы, состояния, свойства, функции, поведение и т. п. В данном случае говорят о формах, механизмах, функциях тех или иных психических явлений. Следует, однако, особо заметить, что при работе с литературой, по мнению теоретиков психологии, важно, прежде всего, выяснить, имеем ли мы дело с явлениями или с категориями. Рассматривать понятия «категория» и «психическое явление» как синонимы нельзя. Категория — предельно широкое понятие, в котором отображены наиболее общие существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира. Предмет психологии, таким образом, имеет двоякое значение: с одной стороны психология изучает психические явления как инструмент адаптации, а с другой — категории как инструмент познания [3, с. 24, 34]. Из этого следует, что само психологическое явление, с позиции познания, мы можем рассматривать как психологическую категорию, что позволяет выделять в явлении существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов. Вопрос, между тем, в другом: всякое ли наблюдаемое психологическое (психическое) явление может являться научной категорией, войти в категориальный аппарат науки?

Явлений, с которыми юридическая психология имеет дело достаточно много. Например, такое явление, как терроризм, изучается в юридической психологии с акцентом на личности террориста, его противоправной деятельности, а также тактике расследования данной категории преступлений. Однако вряд ли мы можем назвать терроризм психологическим явлением. Данное явление может быть правовым (т. е. имеет правовые

последствия), социальным или политическим, но никак не психологическим. Очевидно, что психологизировать терроризм, по меньшей мере, будет необоснованно.

Кроме того, важно понимать, что одним явлением может «управлять» несколько законов. «Закон беднее явления», — пишет В.Д. Балин [3, с. 19]. Очевидно, что в таком явлении, как терроризм, может быть найдена не одна закономерность. К примеру, криминология, как правовая область знания, достоверно установила наличие устойчивой связи терроризма с внешней и внутренней политикой государства. В данном явлении имеет место и психологическая закономерность, выраженная в связи терроризма с личностью террориста, проявляющаяся, в частности, в «деструктивной самореализации» преступника [4, с. 381]. В свою очередь, деструктивная самореализация, раскрытая в рамках общей психологии [15], рассматривается как самостоятельное психологическое явление. Данному явлению в психологии дано объяснение, раскрыты его механизмы. Таким образом, между такими явлениями, как «терроризм» и «деструктивная самореализация» личности, найдена связь (отношение), и если данная связь в исследованиях покажет свою устойчивость, повторяемость, то по праву будет считаться закономерностью (законом).

Это важное замечание касается прежде всего методологических принципов науки: далеко не всякую связь, не любое отношение можно рассматривать как закон. К закономерным относятся только те, в которых проявляется сущность явлений: «Закон есть существенное явление», — писал В.И. Ленин. «Закон и сущность — понятия однородные (однопорядковые)». Закон есть «отношение сущностей или между сущностями». Познать отношение сущностей — это значит раскрыть в массе единичных, кажущихся случайными явлений общее и необходимое. Научное познание и состоит в раскрытии устойчивых, повторяющихся связей, отношений между явлениями [11, с. 136—138].

Познанный закон, отмечает Б.Ф. Ломов, позволяет предсказывать путем строгих логических рассуждений и расчетов тенденции развития тех или иных явлений и на этой основе находить пути решения практических задач [12, с. 103].

Из вышесказанного следует, что закономерности, позволяющие считаться научной отрасли самостоятельной, важно искать между правовыми и психологическими явлениями, а под предметом юридической психологии понимать *закономерности, возникающие между правовыми и психологическими явлениями, а также психологические механизмы образования новых явлений в сфере отношений, регулируемых правом.*

Вопрос о новых знаниях, полученных в рамках юридической психологии, это и есть вопрос об открытии новых явлений в сфере отношений, регулируемых правом с описанием их закономерностей и механизмов. Однако что считать новым знанием или открытым явлением? Может ли в таком случае найденная закономерность между двумя явлениями — правовыми и психологическими, создать новое явление? На примере того же терроризма сегодня можно говорить о таком явлении, как «личность террориста». Данное явление существует как категория юридической психологии, оно (данное явление) имеет свое понятие, в котором отображены наиболее общие и существенные свойства и признаки. На метапсихологическом уровне категорий [3, с. 23—24], который связывает психологию со смежными науками, этой категорией является «личность». Категория же «личность террориста» — это уже частная психологическая категория, разрабатываемая в юридической психологии.

Литература

1. *Аминов И.И.* Юридическая психология: учеб. пособие. М.: «ЮНИТИ-ДАНА», 2007. 415 с.
2. *Ананьев Б.Г.* Человек как предмет познания. 3-е изд. СПб.: Питер, 2016. 288 с.
3. *Балин В.Д.* Теоретическая психология: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2017. 247 с.
4. *Васильев В.Л.* Юридическая психология: учебник для вузов. 5-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2005. 655 с.
5. *Гулевич О.А.* Психология в суде присяжных. Аналитический обзор: учеб. пособие. Москва: Международное общество имени Л.С. Выготского, 2003. 259 с.
6. *Дулов А.В.* Судебная психология: учеб. пособие. Минск: Издание Вышэйш. шк. 2-е изд., испр. и доп., 1975. 464 с.
7. *Еникеев М.И.* Юридическая психология. М.: Норма, 2005. 256 с.
8. *Кертэс И.* Тактика и психологические основы допроса: монография / Под общ.ред. проф. А.И. Винберга. М.: Юридическая литература. 1965 г. 163 с.
9. *Костицкий М.В.* Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. К.: Выпца. шк., 1990. 259 с.
10. Криминальная психология: курс лекций / Под науч. ред. О.Д. Ситковской; Акад. Ген.прокуратуры Рос. Федерации. М., 2013. 146 с.
11. *Ленин В.И.* Философские тетради: в 29 т. Т. 29. М.: Издательство политической литературы, 1973. 782 с.
12. *Ломов Б.Ф.* Системность в психологии: Избранные психологические труды / Под ред. В.А. Барабанщикова, Д.Н. Завалишиной, В.А. Пономаренко. М.: Изд-во Московского психолого-социального ин-та, 2003. 424 с.
13. *Норкин Г.А.* Юридическая психология: опыт развития и анализ правовых проблем, требующих психологического подхода // Журнал правовых и экономических исследований. 2010. № 4. С.41—45.
14. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Ин-т русск. языка имени В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
15. *Орел А.А.* Психологические ресурсы самореализации личности в пространстве профессионального бытия: автореф. ... канд. психол. наук. Краснодар, 2011. 24 с.
16. *Поздняков В.М.* Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики [Электронный ресурс] // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 206—219.
17. Прикладная юридическая психология: учеб. пособие для вузов / Под ред. проф. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
18. *Ратинов А.Р.* Избранные труды / Сост. М.В. Кроз, Н.А. Ратинова; предисловие О.Д. Ситковская; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. М. 2016. 212 с.
19. *Романов В.В.* Юридическая психология: учебник для академического

- бакалавриата. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2015. 537 с.
20. Сафуанов Ф.С. Существует ли специальная методология юридической психологии? Приглашение к дискуссии // Прикладная юридическая психология. 2011. № 1. С. 8—19.
 21. Ситковская О.Д. Конвергенция юридической психологии и правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации № 2 (34). 2013. С. 55—60.
 22. Философский энциклопедический словарь. М.: ИНФРА-М, 1998. 576 с.
 23. Чернышева Е.В., Багаутдинова В.Р. Развитие юридической психологии в России в XXI веке // Вестник Гуманитарного университета. 2016. № 1 (12). С. 56—63.
 24. Юридическая психология: конспект лекций / Сост. И.А. Горьковая. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2005. 127 с.
 25. Юридическая психология: учебник / Под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 472 с.

On the subject of legal psychology

Ilyina V.A., PhD in Psychology, Associate Professor of the Chair of Organization and Methods of Criminal Prosecution of the Irkutsk Law Institute (Branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation (avapeter@mail.ru)

The article discusses the debatable issues of legal psychology related to its subject. The problem of integration of legal and psychological knowledge as the basis of the subject area of research in legal psychology is studied. The solution of the problem of integration, in the author's opinion, is seen in the comprehension of the differentiation and interdisciplinary synthesis of knowledge about a man, prompting to explore and disclose in the mass of special descriptions of certain psychic phenomena that have developed in different psychological disciplines, that special that can be attributed to the discoveries of legal psychology. It is concluded that the mechanism of integration of legal and psychological knowledge consists in the search for patterns between legal and psychological phenomena. In this regard, it is proposed to consider the subject of legal psychology as the patterns that arise between legal and psychological phenomena, as well as the psychological mechanisms of the formation of new phenomena in the sphere of relations governed by law.

Key words: legal psychology, subject, methodology, integration, patterns, phenomenon.

References

1. Aminov I.I. Yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. Posobie [Legal psychology: studies. benefit]. Moscow: Publ. «YuNITI-DANA», 2007. 415 p.
2. Anan'ev B.G. Chelovek kak predmet poznaniya [Man as a subject of knowledge. 3rd ed.]. Sankt-Peterburg: Publ. Piter, 2016. 288 p.
3. Balin V.D. Teoreticheskaya psikhologiya: uchebnoe posobie dlya bakalavriata i magistratury [Theoretical psychology: studies. manual for bachelor's and master's degrees. 2nd ed.]. Moscow: Publ. Yurait, 2017. 247 p.
4. Vasil'ev V.L. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik dlya vuzov [Legal psychology: the textbook for high schools]. Sankt-Peterburg: Publ. Piter, 2005. 655 p.
5. Gulevich O.A. Psikhologiya v sude prisyazhnykh. Analiticheskii obzor: uchebnoe posobie [Psychology in jury trial. Analytical review: studies. benefit.]. Moskva: Mezhdunarodnoe obshchestvo im L.S. Vygotskogo, 2003. 259 p.
6. Dulov A.V. Sudebnaya psikhologiya. Uchebnoe posobie [Forensic psychology: textbook. benefit]. Minsk: Pudl. Vysheish. shk. 1975. 464 p.
7. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. Moscow: Publ. Norma, 2005. 256 p.

8. Kertes I. Taktika i psikhologicheskie osnovy doprosa. Monografiya [Tactics and the psychological basis of interrogation: monograph] Vinberg A.I. (eds.). Publ. Yuridicheskaya literatura]. Moscow: 1965 g. 163 p.
9. Kostitskii M.V. Vvedenie v yuridicheskuyu psikhologiyu: metodologicheskie i teoreticheskie problem [Introduction to legal psychology: methodological and theoretical problems]. Kiev.: V'ptsya. shk., 1990. 259 p.
10. Kriminal'naya psikhologiya: kurs lektsii [Criminal psychology: a course of lectures] Sitkovskaya O.D. Moscow: Publ. Akad. Gen.prokuratury Ros. Federatsii, 2013. 146 p.
11. Lenin V.I. Filosofskie tetradi: v 29 vol. Vol. 29. [Philosophical notebooks: in 29 Vol. 29]. Moscow: Publ. Politicheskoi literatury, 1973. 782 p.
12. Lomov B.F. Sistemnost' v psikhologii: Izbrannye psikhologicheskie trudy [Consistency in psychology: Selected psychological works]. Barabanshchikov V.A., Zavalishinaya D.N., Ponomarenko V.A. (eds.). Moscow: Publ. Moskovskogo psikhologo-sotsial'nogo in-ta, 2003. 424 p.
13. Norkin G.A. Yuridicheskaya psikhologiya: opyt razvitiya i analiz pravovykh problem, trebuyushchikh psikhologicheskogo podkhoda [Legal psychology: expertise in the development and analysis of legal issues that require psychological approach] [Zhurnal pravovykh i ekonomicheskikh issledovaniy] [Journal of legal and economic studies]. 2010, no. 4, pp.41-45.
14. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii [Explanatory dictionary of the Russian language: 80 000 words and phraseological expressions]. Moscow: Publ. Azbukovnik, 1999. 944 p.
15. Orel A.A. Psikhologicheskie resursy samorealizatsii lichnosti v prostranstve professional'nogo bytiya [Psychological resources of self-realization of personality in the space of professional life. PhD (Psychology) Thesis]. Krasnodar, 2011. 24 p.
16. Pozdnyakov V.M. Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2017. Vol. 7, no. 1, pp. 206–219.
17. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie dlya vuzov [Applied legal psychology: studies. the allowance for high schools]. Stolyarenko A.M. (eds.). Moscow: Publ. YuNITI-DANA, 2001. 639 p.
18. Ratinov A.R. Izbrannye trudy [Selected works]. Moscow: Publ. Akad. Gen. prokuratury Ros. Federatsii, 2016. 212 p.
19. Romanov V.V. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology: textbook for academic bachelor degree]. Moscow: Publ. Yurait, 2015. 537 p.
20. Safuanov F.S. Sushchestvuet li spetsial'naya metodologiya yuridicheskoi psikhologii? [There a special methodology of legal psychology?] [Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya] [Applied legal psychology]. 2011, no. 1, pp. 8—19.

21. Sitkovskaya O.D. Konvergentsiya yuridicheskoi psikhologii i pravovoi nauki [Convergence of legal psychology and legal science] [*Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*] [*Bulletin of the Academy of the General Prosecutor's office of the Russian Federation*]. 2013, Vol. 34, .no. 2, pp. 55-60.
22. Filosofskii entsiklopedicheskii slovar' [Philosophical encyclopaedic dictionary]. Moscow: Publ. INFRA-M, 1998. 576 p.
23. Chernysheva E.V., Bagautdinova V.R. Razvitie yuridicheskoi psikhologii v Rossii v XXI veke [Development of legal psychology in Russia in the XXI century]. [*Vestnik Gumanitarnogo universiteta*] [*Bulletin of the University for the Humanities*]. 2016, Vol. 12, no.1, pp. 56-63.
24. Yuridicheskaya psikhologiya: konspekt lektsii [Legal psychology: the abstract of lectures] Gor'kovaya I.A. (eds.). Moscow: Publ. AST, 2005. 127 p.
25. Yuridicheskaya psikhologiya: uchebnik [Legal psychology: textbook] Sitkovskaya O.D. (eds.). Moscow: Publ. Yurlitinform, 2011. 472 p.

Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных

Сучкова Е.Л., кандидат психологических наук, профессор кафедры организации психологической службы в уголовно-исполнительной системе, Вологодский институт права и экономики ФСИН России (elizavetasuchkova@yandex.ru)

В статье представлена концепция исследования психологии группового правосознания осужденных, разработанная на основе интеграции частнонаучной теории правосознания с современными социально-психологическими подходами к изучению психологии больших социальных групп. Обращение к методологии социального представления позволяет выявить и описать специфику содержания социальных представлений, являющихся структурными составляющими психологии группового правосознания осужденных, а также проанализировать выполняемые ими ключевые функции. Применение субъектного подхода и теории деформации социальных отношений делает возможным изучение закономерностей образования и деформации психологии группового правосознания осужденных. Сделан вывод о том, что интеграция указанных подходов дает возможность изучать психологию группового правосознания осужденных как сложный социально-психологический феномен, состоящий из совокупности вырабатываемых и разделяемых общностью ментальных репрезентаций в правовой сфере, а также выявлять закономерности образования и деформации его содержания.

Ключевые слова: правосознание, психология правосознания, осужденные, теория социальных представлений, субъектный подход.

Для цитаты:

Сучкова Е.Л. Концепция исследования психологии группового правосознания осужденных. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 101-112. doi: 10.17759/psylaw.2018080208

For citation:

Suchkova E.L. The concept of research of psychology of group legal consciousness of convicts. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 101-112. doi: 10.17759/psylaw.2018080208

В отечественной науке изучение психологической стороны правосознания началось в 60-е гг. XX в. В гуманитарных науках произошло некоторое ослабление идеологического пресса, что способствовало росту интереса ученых к изучению различных сторон

общественной жизни, механизмов взаимодействия общества и личности, в том числе и в области права. С опорой на марксистскую философскую литературу, в которой доминировали представления о том, что дифференцированность общественной психики на общественную идеологию и общественную психологию проявляется во всех видах общественного сознания, в том числе и в сознании правовом; в качестве основных элементов правосознания были выделены правовая идеология и правовая психология.

Эмпирическое изучение социально-правовой психологии серьезно осложнялось следующими обстоятельствами: взглядами на эти элементы правосознания как на вторичные по отношению к правовой идеологии; различными мнениями об элементах правосознания и их соотношении; отсутствием в отечественной социальной психологии теоретико-методологических подходов, адекватных задачам эмпирического изучения реального содержания психологии больших социальных групп. Все это способствовало тому, что количество теоретических исследований в данной предметной области существенно превалировало над количеством эмпирических исследований.

А.Р. Ратинов и Г.Х. Ефремова решительно выступали против отождествления правосознания исключительно с правовой идеологией. В конце 1980-х гг. ими были проведены широкомасштабные исследования по изучению содержания правовой психологии населения, в том числе лиц, отбывающих наказание в местах лишения свободы [8]. Решение проблемы разработки методологических подходов к эмпирическому изучению психологии правосознания принципиально отличалось от исследований, проводимых ранее.

Критикуя упрощенные взгляды правовой науки на структуру правосознания, исследователи указывали на то, что в действительности она имеет вид множества сложных образований. Определение психологии правосознания как совокупности оценочных отношений к праву, правовому поведению людей, правоохранительным органам и их деятельности, собственному правовому поведению позволило органично объединить психологические ценностно-смысловые отношения к правовым явлениям и правовоззренческие компоненты в области права. Результатом описанного цикла исследований стала разработка одного из разделов юридической психологии — «Психология нормативно-правовой регуляции человеческого поведения, теория правосознания и правовая психология» — как частнонаучной теории юридической психологии [9].

В начале 1990-х гг. значительно сократилось количество исследований в области психологии правосознания. При этом видные отечественные специалисты считают изучение психологической проблематики правосознания приоритетной задачей юридической психологии на современном этапе ее развития. М.И. Марьин относит психологию правосознания к наиболее востребованным и значительным, ведущим направлениям современной психологии [10]. По мнению М.И. Еникеева, существует острая необходимость в изучении правосознания в условиях формирующегося правового государства [7]. О.Д. Ситковская указывает на то, что ключевой задачей юридической психологии является анализ социально-психологических факторов формирования и развития правового сознания и правовой культуры [13].

Произошедшие за последние десятилетия значительные изменения в области государственного устройства страны обострили традиционную для России проблему

низкой правовой культуры населения и широкого распространения в обществе правового нигилизма. Повышение роли права как важного регулятора социального поведения людей является одной из приоритетных задач для современного российского общества. Для ее решения была разработана Государственная политика Российской Федерации в сфере развития правовой грамотности и правосознания граждан, направленная на формирование высокого уровня правовой культуры населения, традиции безусловного уважения к закону, правопорядку и суду, добропорядочности и добросовестности как преобладающей модели социального поведения, а также на преодоление правового нигилизма в обществе.

Поставленные задачи по повышению уровня правосознания и правовой культуры населения диктуют для юридической психологии необходимость активизировать исследования в области изучения психологии правосознания населения. Несмотря на очевидный запрос со стороны государства и общества на проведение исследований по изучению различных аспектов правовой психологии, приходится констатировать, что научных работ в данной сфере явно недостаточно.

В.М. Поздняков отмечает, что разработка проблематики правосознания оставлена за юристами, а юридической психологии при этом отведена роль «обслуживающей» дисциплины [11]. Рассматривая методологические проблемы современной юридической психологии, О.Д. Ситковская акцентирует внимание на том, что психология и отрасли психологического знания, с одной стороны, теория права и ее отрасли — с другой, исследуют качественно различные группы процессов и явлений и используют для этого различные методы. Юридическую психологию необходимо рассматривать как отрасль психологии, а ее предметом являются закономерности, механизмы психической деятельности и поведения людей в сфере регулируемых правом отношений [12].

Во второй половине 1990-х гг. актуализируются исследования по данной проблематике, когда после отмены идеологических догм к изысканиям в данной области подключились отечественные социальные психологи. В качестве теоретического обоснования исследований содержания психологии правосознания была выбрана концепция социальных представлений, разработанная французским социальным психологом С. Московичи. Исследователей привлекла позиция ученого, считающего, что психология всегда занимала ведущее место в системе всех социальных отношений — экономических, политических, правовых, что она есть их аккумулярованное выражение. Произошедшие в России реформы способствовали тому, что на смену идеологизированному мировоззрению пришла психология. Кроме того, по мнению исследователей, Россия всегда была страной, где преобладали идеи и представления, т. е. они имманентны российскому сознанию [1].

Правосознание стало рассматриваться как совокупность социальных представлений о правовых объектах и явлениях. Привлечение теории социальных представлений в качестве методологической основы изучения психологии правосознания позволило изучать его содержание с учетом культурного контекста, исторической и политической специфики российского менталитета. Правомерность рассмотрения правосознания как совокупности социальных представлений в правовой сфере обосновывается тем, что большинство традиционно выделявшихся в отечественной психологии форм общественного сознания, кроме науки, образованы совокупностью соответствующих представлений [2].

Анализ современного состояния исследований в области психологии права позволяет констатировать усиление интереса к изучению психологии правосознания в рамках социальной психологии, в то время как в юридической психологии исследования в данной области практически прекратились. Несмотря на очевидную актуальность изучения особенностей восприятия явлений в области правовой действительности такой специфической социальной группой, как лица, отбывающие уголовные наказания, наблюдается дефицит современных психологических исследований правового сознания осужденных. Теоретико-методологический потенциал современных социально-психологических теорий может быть задействован и в юридико-психологических исследованиях правосознания осужденных.

Для решения вопросов, связанных с теоретико-методологическим обеспечением разработки проблемы психологии группового правосознания осужденных, необходимо на основе интеграции традиционного для юридической психологии ракурса исследований правосознания с современными теоретико-методологическими подходами к изучению психологии больших социальных групп разработать концепцию исследования психологии группового правосознания осужденных.

Подчеркивая теоретико-прикладной характер юридической психологии, О.Д. Ситковская отмечает, что эффективность практических рекомендаций во многом связана с уровнем разработки ряда конкретных проблем в смежных отраслях науки. «Особенно тесны связи с социальной психологией, ибо многие психолого-правовые проблемы имеют социально-психологический аспект» [13, с. 337]. Концептуальная проработанность такой интеграции предоставляет возможность в полной мере реализовать социально-психологический подход в юридической психологии. А.М. Столяренко указывает на то, что подавляющее число юридико-психологических проблем не может быть понято и разрешено вне социально-психологического контекста [15].

По мнению отечественных социальных психологов, теория социальных представлений является феноменом, наиболее подходящим для изучения сознания общества и отдельных групп в условиях социальных изменений. А.В. Юревич подчеркивает, что с момента своего появления концепция социальных представлений была направлена на то, чтобы рассматривать социальные отношения в совокупности, в полном объеме социального контекста, не дробя их на составные элементы и не лишая их смысла. С. Московичи полагал, что психология должна стать социально релевантной наукой. Социальная релевантность психологии отождествлялась с ее активным участием в решении важнейших социальных проблем, а также выполнением мировоззренческой функции, а именно — выработкой и трансляцией в массовое сознание общего образа общества и происходящего в нем. Авторами концепции ставилась задача сделать понятие социальных представлений удобным инструментом анализа социально-психологических процессов [20].

Одна из ключевых идей С. Московичи состоит в том, что социальное представление конструирует реальность не только для отдельного индивида, но и группы. Г.М. Андреева указывает на то, что социальное представление воздействует на группу, оказывая влияние на тех членов группы, которые в недостаточной степени адаптированы к групповому контексту. Социальное представление выработано группой в ее прошлом опыте и на основании поступившей к ней из общества различной информации. Принятие членом или всей группой некоторой совокупности представлений способствует тому, что члены группы в большей степени «проникнутся» целями группы и начнут более полно разделять эти цели

[3].

Социальные представления помогают человеку и группе, в которой он состоит, создать понятную и непротиворечивую картину окружающей действительности. Идеи С. Московичи о том, что социальные представления возникают в ответ на угрозу стабильности группы, ее благополучию, что социальные характеристики группы влияют на особенности конструируемых представлений, а сконструированные представления образуют новую социальную реальность жизни группы, определяют ее жизнедеятельность, могут оказаться чрезвычайно плодотворными при изучении психологии правосознания осужденных.

Привлечение теории социальных представлений в качестве методологической основы изучения психологии правосознания не противоречит положениям частнонаучной теории правосознания А.Р. Ратинова и Г.Х. Ефремовой, раскрывающей содержание социально-правовой психологии. Представленный в данной теории подход к определению психологии правосознания как «сплава» оценочных отношений к разнообразным явлениям правовой действительности имеет много общего с положениями теории социальных представлений.

Большое внимание в концепции С. Московичи уделяется рассмотрению социальных функций представления. Обращение к методологии социального представления позволяет выявить и описать специфику содержания социальных представлений, являющихся структурными составляющими психологии группового правосознания осужденных, а также проанализировать выполняемые ими ключевые функции, помогающие сообществу осужденных познавать правовые явления, адаптировать совершающиеся события к уже имеющимся, вырабатывать совместные ценности, регулирующие поведение членов группы.

В современной отечественной психологии А.Л. Журавлевым обоснована актуальность и перспективность исследования больших социальных групп как коллективных (групповых) субъектов [5]. Отмечается, что вычленение субъектных характеристик больших социальных групп существенно дополнит понимание их психологии, поможет изучить вопросы, связанные со становлением, функционированием и развитием этих групп, будет способствовать пониманию глубинных изменений, происходящих в современном российском обществе [6].

В исследованиях, проведенных в советский период, правосознание осужденных не рассматривалось как групповой феномен. Под групповым правосознанием понималась сфера общественного сознания, включающая правовые представления, оценочные отношения, установки, которые типичны, существенны для рассматриваемой общности людей, которая может быть представлена либо всем обществом, либо определенной социальной группой. Отмечалось, что о групповом правосознании можно говорить применительно к тем общностям, возникновение и существование которых основано на реальных связях и отношениях, на существенных признаках близости, когда групповые интересы, отношения и характер деятельности юридически значимы [8].

Осужденные не признавались такой социальной группой в силу идеологических причин, не позволяющих считать их общностью лиц, имеющих близкие интересы, отношения внутри своего сообщества и осуществляющих деятельность, результаты которой имеют признаки юридической значимости. Таким образом, указанные исследования правосознания осужденных нельзя в полной мере считать изучением именно

группового правосознания, поскольку влияние на его содержание групповых процессов не рассматривалось.

Опередил исследования того времени Г.Ф. Хохряков, акцентировавший внимание на том, что, попадая в места лишения свободы, осужденные остро осознают тот разрыв, который образовался между ними и обществом, понимают, что значимость их личности в глазах общества понизилась. Нахождение в условиях социальной эксклюзии помогает осужденным объединиться, осознать себя общностью людей, связанных похожей судьбой («мы»). Осознание осужденными своей принадлежности к сообществу «мы» сплавивает их и способствует пониманию необходимости поддерживать членов своей группы для соблюдения интересов своей общности [19].

Общность осужденных как группа, использующая для организации социальной жизни внутри (своей группы) ценности и нормы, разделяемые всем сообществом, обладающая такими признаками групповой субъектности, как взаимосвязанность членов группы, совместная активность и групповая саморефлексивность, в полной мере является групповым субъектом. Отметим, что, обладая всеми признаками субъектности, общность осужденных не направлена на создание позитивного проекта социального устройства и является носителем негативного группового сознания.

Можно констатировать необходимость изучения психологии правосознания осужденных через призму влияния на его формирование, содержание и функции особенностей данной социальной группы и отсутствие подобных исследований. Рассмотрение группового правосознания как атрибута коллективного субъекта (общности осужденных) позволит рассмотреть не только особенности содержания ментальных репрезентаций правовых явлений у членов данной группы, но и изучить условия их конструирования и выполняемые функции. Применение субъектного подхода делает возможным изучение закономерностей образования психологии группового правосознания осужденных.

В рамках субъектного подхода внешними условиями конструирования субъектом социальных представлений выступают характеристики общественно-политической ситуации, в которой осуществляется жизнедеятельность большой социальной группы. В современной России актуальная общественная ситуация представляет собой совокупность кардинальных социальных преобразований во всех сферах общественной жизни и их последствий [5].

Комплекс внешних условий образования группового правосознания осужденных определяется актуальной общественной ситуацией в сфере правоотношений, тесно связанной с историческими и культурно-мировоззренческими особенностями правового сознания россиян. В качестве внутренних условий образования группового правосознания осужденных выступают социально-психологические особенности данной общности как группового субъекта [18].

Усвоение осужденными антиобщественных взглядов и установок происходит в процессе общения и взаимодействия внутри группы. «Деформация социальных отношений складывается и проявляется в ходе межличностного, группового и массового общения. Именно в процессе общения, а не в вакууме происходит искажение норм, стереотипов, ценностей, установок» [16, с.11]. Теория деформации социальных отношений

А.Н. Сухова [14] позволяет изучать восприятие и отношение различных социальных групп к отклонениям от общепринятых правовых и нравственных норм, регулирующих отношения в сфере государства и общества.

В местах лишения свободы, находясь в сообществе лиц, не желающих признавать легитимным правовое устройство общества, осужденные все больше отдаляются от легальных способов регулирования взаимоотношений между людьми и начинают ориентироваться на нормы поведения, принятые в тюремной общности. Интенсификация межличностной коммуникации в условиях социальной изоляции, действующие в среде осужденных универсальные нормативные и понятийные системы, регулирующие их повседневную жизнь, способствуют процессу конструирования социальных правовых представлений, посвященных осмыслению значимых для данной общности правовых явлений.

Рассматривая стратегии исследования социальных представлений, И.Б. Бовина указывает на большое разнообразие приемов и методов, их эклектичное использование. Отмечается, что применяются качественные, количественные и смешанные стратегии, а такое многообразие подходов оправдано природой изучаемого объекта, теми аспектами, которые попадают в фокус внимания исследователей. Автор делает вывод о возможности интеграции исследований, выполненных в рамках теории социальных представлений в несколько отличающихся методологиях.

И.Б. Бовина акцентирует внимание на том, что представители трех основных школ социальных представлений используют для их изучения хорошо известные социально-психологические и социологические методы (опрос, анализ документов, эксперимент, шкалирование, проективные методы и др.). Отмечает, что изучение именно социальных представлений накладывает определенную специфику на каждый из этих методов, предполагает поиск новых методических приемов и техник. В фокусе ее внимания оказались подходы, разрабатываемые в рамках школ Экс-ан-Прованса и Женевы, обогатившие теорию социальных представлений разработками в области изучения когнитивных структур, предполагающими специальные методики их анализа [4].

С учетом специфики изучаемых феноменов для эмпирического изучения содержания психологии группового правосознания осужденных были подобраны методические комплексы, позволяющие выявить и описать составляющие социальных представлений. В частности, для этого использовались методы и процедуры, применявшиеся в социально-психологических исследованиях по изучению правосознания россиян; процедуры изучения социальных представлений, разработанные в рамках школ Экс-ан-Прованса и Женевы и апробированные в отечественных исследованиях. Также для проведения эмпирического исследования был разработан авторский инструментарий [17], прошедший апробацию в исправительных учреждениях различных регионов страны и в дальнейшем скорректированный с учетом полученных эмпирических данных.

Таким образом, на основе интеграции частнонаучной теории правосознания, теорий социальных представлений и деформации социальных отношений, субъектного подхода разработана концепция исследования психологии группового правосознания осужденных. В рамках указанной концепции психология группового правосознания осужденных рассматривается как атрибут коллективного субъекта, сложный социально-психологический феномен, состоящий из совокупности вырабатываемых и разделяемых

общностью ментальных репрезентаций в правовой сфере, с помощью которых сообщество осужденных конструирует собственную систему отношений к правовой реальности для адаптации к ней и объяснения собственного правового поведения.

Литература

1. Абульханова К.А. Российский менталитет: кросс-культурный и типологический подходы // Российский менталитет. Вопросы психологической теории и практики / Под ред. К.А. Абульхановой, А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. М., Ин-т психологии РАН, 1997. С. 7—37.
2. Абульханова К.А. Социальное мышление личности // Современная психология: состояние и перспективы исследований: Материалы юбилейной науч. конф. (ИПРАН, 28—29 января 2002 г.). Ч. 3. Социальные представления и мышление личности. М.: Ин-т психологии РАН, 2002. С. 88—103.
3. Андреева Г.М. Психология социального познания: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Аспект Пресс, 2000. 288 с.
4. Бовина И.Б. Стратегии исследования социальных представлений // Социологический журнал. 2011. № 3. С. 5—23.
5. Журавлев А.Л. Психология коллективного субъекта // Психология индивидуального и группового субъекта. М., 2002. С. 51—81.
6. Журавлев А.Л., Емельянова Т.П. Психология больших социальных групп как коллективных субъектов // Психологический журнал. 2009. Т. 30. № 3. С. 5—15.
7. Еникеев М.И. Юридическая психология // Юридическая психология. 2006. № 1. С.2—10.
8. Ефремова Г.Х., Ратинов А.Р. Правовая психология и преступное поведение. Красноярск: КГУ, 1988. 255 с.
9. Ефремова Г.Х. Правосознание как частнонаучная теория юридической психологии // Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. С. 52—58.
10. Марьин М.И. Настоящее и будущее российской психологии: мнения ведущих специалистов // Национальный психологический журнал. 2012. № 1(7). С. 24.
11. Поздняков В.М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область практики // Психология и право. 2017. Т. 7. № 1. С. 206—219. doi: 10.17759 / psyandlaw.2017070117.
12. Ситковская О.Д. Конвергенция юридической психологии и правовой науки // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2013. № 2 (34). С. 55—58.
13. Ситковская О.Д. Методология юридической психологии // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3 (8). С. 329—343.
14. Социальная психология: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / А.Н. Сухов и др. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 600 с.
15. Столяренко А.М. Психология права // Прикладная юридическая психология / Под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. С. 45—52.

16. Сухов А.Н. Криминогенное общение в среде осужденных: учеб. пособие для учеб. заведений МВД России. Рязань: РВШ МВД России, 1993. 134 с.
17. Сучкова Е.Л. Методики психологического изучения правовых представлений и установок осужденных. Вологда: ВИПЭ ФСИН России, 2009. 105 с.
18. Сучкова Е.Л. Внешние и внутренние условия формирования группового правосознания осужденных // Прикладная юридическая психология. 2013. № 2. С. 40—47.
19. Хохряков Г.Ф. Парадоксы тюрьмы. М.: Юрид. лит., 1991. 224 с.
20. Юревич А.В. Социальная релевантность и социальная ниша психологии // Психологический журнал. 2006. Т. 27. № 4. С. 5—14.

The concept of research of psychology of group legal consciousness of convicts

Suchkova E.L., PhD (Psychology), Professor Department of Organization of Psychological Service in Penal System, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penal Service of Russia (elizavetasuchkova@yandex.ru)

The article presents the concept of the study of psychology of group legal consciousness of convicts, developed on the basis of the integration of private scientific theory of legal consciousness with modern socio-psychological approaches to the study of psychology of large social groups. Appeal to the methodology of social representation allows to identify and describe the specifics of the content of social representations, which are structural components of the psychology of group legal consciousness of convicts, as well as to analyze their key functions. The use of the subjective approach and the theory of deformation of social relations makes it possible to study the laws of formation and deformation of the psychology of group legal consciousness of convicts. It is concluded that the integration of these approaches makes it possible to study the psychology of group legal consciousness of convicts as a complex socio-psychological phenomenon consisting of a set of mental representations produced and shared by the community in the legal sphere, as well as to identify patterns of formation and deformation of its content.

Key words: legal consciousness, psychology of legal consciousness, convicts, theory of social representations, subjective approach.

References

1. Abul'khanova K.A. Rossiiskii mentalitet: kross-kul'turnyi i tipologicheskii podkhody [Russian mentality: cross-cultural and typological approaches]. In Abul'khanova K.A. (eds). Rossiiskii mentalitet. Voprosy psikhologicheskoi teorii i praktiki [Russian mentality: Problems of psychological theory and practice]. Moscow, 1997. pp.7—37.
2. Abul'khanova K.A. Sotsial'noe myshlenie lichnosti [Social thinking of personality] Sovremennaya psikhologiya: sostoyanie i perspektivy issledovaniia [Modern psychology: the state and prospects of researches]: Materialy yubileinoi nauch. konf. (IPRAN, 28—29 yanvarya 2002 g.). Moscow: In-t psikhologii RAN, 2002. Ch. 3. Sotsial'nye predstavleniya i myshlenie lichnosti [Social representations and thinking of personality]. pp. 88—103.
3. Andreeva G.M. Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya: Ucheb. posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedenii. Izdanie vtoroe, pererab. i dop. [Psychology of social cognition]. Moscow: Aspekt Press, 2000. 288 p.
4. Bovina I.B. Strategii issledovaniya sotsial'nykh predstavlenii [Specific of approaches to social representations analysis]. *Sotsiologicheskii zhurnal [Sociological journal]*, 2011, no. 3, pp. 5—23. (In Russ., abstr. in Engl.).

5. Zhuravlev A.L. Psikhologiya kollektivnogo sub"ekta [Psychology of the collective subject]. *Psikhologiya individual'nogo i gruppovogo sub"ekta [Psychology of individual and group subject]*. Moscow, 2002. pp. 51—81.
6. Zhuravlev A.L., Emel'yanova T.P. Psikhologiya bol'shikh sotsial'nykh grupp kak kollektivnykh sub"ektov [Psychology of large social groups as collective subjects]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2009, vol. 30. no. 3, pp. 5—15. (In Russ., abstr. in Engl.).
7. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]. *Yuridicheskaya psikhologiya [Legal psychology]*, 2006, no. 1. pp.2-10.
8. Efremova G.X., Ratinov A.R. Pravovaya psikhologiya i prestupnoe povedenie [Legal psychology and criminal behavior]. Krasnoyarsk: KGU, 1988. 255 p.
9. Efremova G.Kh. Pravosoznanie kak chastnonauchnaya teoriya yuridicheskoi psikhologii [Legal consciousness as a private scientific theory of legal psychology]. In A.M. Stolyarenko. (ed). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. Moscow: YuNITI-DANA, 2001. pp. 52—58.
10. Mar'in M.I. Nastoyashchee i budushchee rossiiskoi psikhologii: mneniya vedushchikh spetsialistov [The present and future of russian psychology: opinions of leading experts] *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal [National psychological journal]*, 2012, no. 1(7), p. 24.
11. Pozdnyakov V.M. Psikhologicheskaya yurisprudentsiya kak mezhdistsiplinarnaya nauka i oblast' praktiki [Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2017. vol. 7, no.1, pp. 206—219. doi: 10.17759 / psylaw.2017070117. (In Russ., abstr. in Engl.).
12. Sitkovskaya O.D. Konvergentsiya yuridicheskoi psikhologii i pravovoi nauki [Convergence of legal psychology and law science]. *Vestnik Akademii General'noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii [Bulletin of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation]*, 2013, no. 2 (34), pp. 55—58. (In Russ., abstr. in Engl.).
13. Sitkovskaya O.D. Metodologiya yuridicheskoi psikhologii [Methodology of Legal Psychology]. *Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Forensic library. Science journal]*, 2013, no. 3 (8). pp. 329—343. (In Russ., abstr. in Engl.).
14. Sotsial'naya psikhologiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenii [Social Psychology]. In A.N. Sukhov (eds). Moscow: Akademiya, 2001. 600 p.
15. Stolyarenko A.M. Psikhologiya prava [Psychology of law]. In A.M. Stolyarenko. (ed). *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*. Moscow: YuNITI-DANA, 2003. pp. 45—52.
16. Sukhov A.N. Kriminogennoe obshchenie v srede osuzhdennykh: Ucheb. posobie dlya ucheb. zavedenii MVD Rossii [Criminogenic communication among convicts]. Ryazan': RVSh MVD Rossii, 1993. 134 p.

17. Suchkova E.L. Metodiki psikhologicheskogo izucheniya pravovykh predstavlenii i ustanovok osuzhdennykh [Methods of psychological study of legal representations and attitudes of convicts]. Vologda: VIPE FSIN Rossii, 2009. 105 p.
18. Suchkova E.L. Vneshnie i vnutrennie usloviya formirovaniya gruppovogo pravosoznaniya osuzhdennykh [External and internal conditions for the formation of convicts' group law consciousness]. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya [Applied legal psychology]*, 2013, no. 2. pp. 40—47. (In Russ., abstr. in Engl.).
19. Khokhryakov G.F. Paradoksy tyur'my [Paradoxes of prison]. Moscow: Yurid. lit., 1991. 224 p.
20. Yurevich A.V. Sotsial'naya relevantnost' i sotsial'naya nisha psikhologii [Social relevance and social niche of psychology]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2006, vol. 27, no. 4, pp. 5—14.

Социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с различным отношением к криминальной субкультуре

Дьячкова Ю.Е., кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития и возрастного консультирования факультета психологии социально-гуманитарного института, Южно-Уральский государственный университет (dyachkova78@inbox.ru)

В статье рассматривается проблема распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, их приверженность нормам, законам криминальной среды, а также личностные особенности, этому способствующие. Ключевое внимание уделено исследованию социально-психологической адаптации несовершеннолетних в местах лишения свободы. Предполагается наличие связи между приверженностью нормам криминальной субкультуры и личностными особенностями несовершеннолетних, уровнем их социально-психологической адаптации. В пилотажном исследовании приняли участие 23 несовершеннолетних юноши в возрасте от 15 до 18 лет, русские, совершившие различные преступления. В работе использовались обзорно-аналитический, психодиагностический методы, методы математико-статистической обработки. В результате определены три типа несовершеннолетних по степени их приверженности нормам криминальной субкультуры, изучены особенности социально-психологической адаптации и связанные с этим черты личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, а также установлены корреляционные связи между интегральными показателями социально-психологической адаптации. Полученные результаты могут способствовать разработке и внедрению психопрофилактической и психокоррекционной программ, направленных на нивелирование негативного влияния норм криминальной субкультуры среди несовершеннолетних в условиях изоляции.

Ключевые слова: криминальная субкультура, несовершеннолетние, приверженность криминальной субкультуре, социально-психологическая

Дьячкова Ю.Е. Социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с различным отношением к криминальной субкультуре. *Психология и право* psyandlaw.ru 2018. Том 8. №2. С. 113-125.

Dyachkova Yu. E. Social and psychological adaptation of the personality of juvenile suspects, accused and convicted persons, with different attitude to the criminal subculture. Psychology and law psyandlaw.ru 2018. Vol. 8. no.2. pp. 113-125.

адаптация, самовосприятие.

Для цитаты:

Дьячкова Ю.Е. Социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, с различным отношением к криминальной субкультуре. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 113-125.
doi: 10.17759/psylaw.2018080209

For citation:

Dyachkova Yu. E. Social and psychological adaptation of the personality of juvenile suspects, accused and convicted persons, with different attitude to the criminal subculture. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 113-125.
doi: 10.17759/psylaw.2018080209

Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 г., утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 14.11.2010 № 1772-р, нацеливает сотрудников пенитенциарных учреждений на применение комплекса профилактических мер по усилению безопасности и предупреждению преступлений, совершаемых осужденными [4].

Наибольшее беспокойство в пенитенциарной среде вызывает распространение криминальной субкультуры и приверженность ей несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных (далее — ПОО). Профилактическая работа с ними направляется на развенчивание проявлений деструктивной субкультуры, которая воспринимается подростками некритично. На это оказывают влияние психологические характеристики возраста, а также особенности социально-психологической адаптации и связанные с этим черты личности несовершеннолетних.

Анализ особенностей распространения криминальной субкультуры среди несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, содержащихся в следственных изоляторах (СИЗО) и ВК, показывает, что первичное «заражение» большинства несовершеннолетних происходит еще на свободе. В учреждения УИС поступают уже криминализованные личности, «зараженные» уголовной идеологией, уголовной романтикой [3, с. 42].

Проблемы, связанные с профилактикой и коррекцией влияния криминальной субкультуры на развитие личности несовершеннолетнего исследовались Н.Н. Волосковой, М.Г. Дебольским, Д.Е. Дикопольцевым, Э.В. Леус, М.М. Москвитиной, В.М. Поздняковым, М.П. Чернышковой и др. Различная степень приверженности криминальной субкультуре несовершеннолетних ПОО, а также уровни их социально-психологической адаптации ранее в науке не рассматривались.

Объектом данного научного исследования являются психологические особенности личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных.

Предмет исследования — социально-психологическая адаптация личности несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных, приверженных криминальной субкультуре, содержащихся в следственных изоляторах ГУФСИН по Челябинской области.

Цель научного исследования — изучение социально-психологической адаптации личности несовершеннолетних ПОО, их отношения к криминальной субкультуре.

Цель исследования конкретизируется в следующих *задачах*.

1. Определение различных типов несовершеннолетних по степени их приверженности нормам криминальной субкультуры.
2. Изучение особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности несовершеннолетних ПОО.
3. Установление корреляционных связей между интегральными показателями социально-психологической адаптации.

Мы предполагаем, что существует связь между приверженностью нормам криминальной субкультуры и личностными особенностями несовершеннолетних ПОО, уровнями их социально-психологической адаптации, в частности самовосприятием.

Для решения поставленных задач в работе использовались как теоретические, так и эмпирические *методы* исследования: обзорно-аналитический, включающий теоретический анализ психологической и педагогической литературы по изучаемой теме; психодиагностический; методы математико-статистической обработки (коэффициент корреляции Пирсона, t-критерий Стьюдента).

В исследовании применялись следующие методики: методика цветowych метафор И.Л. Соломина, методика диагностики социально-психологической адаптации (К. Роджерс, Р. Даймонд).

На момент проведения пилотажного научного исследования в трех следственных изоляторах находились 23 несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

Представленная случайная *выборка* репрезентативна. В нее вошли 23 юноши в возрасте от 15 до 18 лет, русские, имеющие основное общее и среднее общее образование, совершившие насильственные (ст. ст. 111, 131, 132 УК РФ), корыстные (ст. 158 УК РФ), корыстно-насильственные (ст. 161 УК РФ) преступления. Ранее судимы за аналогичные преступления 2 человека.

Для определения отношения несовершеннолетних ПОО к различным проявлениям криминальной субкультуры применялась методика цветowych метафор, которая позволяет изучать мотивационно-потребностную сферу личности ПОО за совершение уголовных преступлений, эмоциональное отношение групп лиц, содержащихся в исправительных учреждениях к себе, людям, а также процессам, происходящим в местах лишения свободы. Для достижения поставленной задачи нами были подобраны понятия, которые затем предъявлялись испытуемым в форме бланка. В список были включены понятия,

характеризующие разные потребности и жизненные ценности, различные занятия и виды деятельности, разные эмоциональные переживания, разных людей, включая и самого испытуемого, а также различные периоды времени и проявления криминальной субкультуры.

1) *Ключевые маркеры:*

«Мое увлечение», «Интересное занятие»;

«Мое прошлое», «Мое настоящее», «Мое будущее»;

«Какой я на самом деле», «Каким я хочу быть»;

«Радость», «Выгода»;

«Страх», «Опасность», «Наказание»

2) *Индикаторы потребности в самореализации, занятости в следственном изоляторе: «Учеба».*

3) *Индикаторы отношения к семейным ценностям и близким людям: «Моя семья».*

4) *Индикаторы потребностей в общении и отношения к другим людям: «Общение», «Мои друзья», «Другие осужденные», «Воспитатели СИЗО», «Администрация СИЗО».*

5) *Индикаторы отношения к нормам и правилам, включая различные проявления криминальной субкультуры: «Уголовно-исполнительный кодекс», «Преступление», «Неповиновение», «Общак», «Криминальные традиции, обычаи», «Криминальные клички», «Тюремные татуировки», «Криминальные лидеры», «Тюремная прописка», «Игры “под интерес”», «Криминальный жаргон», «Тюремные поделки».*

Обработка полученных данных, зарегистрированных на бланке, осуществлялась следующим образом. В первом столбце бланка (справа от номеров цветов) ставились галочки напротив тех понятий, которые обозначены самым привлекательным цветом. В следующем (втором) столбце галочками отмечались понятия, обозначенные вторым по степени привлекательности цветом. И так далее. Таким образом, последний столбец включал понятия, обозначенные самым неприятным цветом. Далее для удобства интерпретации в отдельной таблице в 8 столбиков выписывались все названия понятий в соответствии с рангом их привлекательности. В каждом из столбиков с помощью цветного маркера выделялись ключевые понятия.

Основанием для интерпретации результатов МЦМ является следующее положение: если понятия обозначены одним цветом (попадают в одну группу), то это не случайно.

Посредством анализа результатов психодиагностического исследования по данной методике можно определить 3 группы несовершеннолетних ПОО, имеющих различное отношение к проявлениям криминальной субкультуры (рис. 1).

1. Приверженные криминальной субкультуре (выбор большинства атрибутов криминальной субкультуры соответствует двум первым привлекательным цветам) — 17,4%
2. Нейтральные (выбор большинства атрибутов криминальной субкультуры соответствует третьему—шестому цветам) — 43,5%
3. Отвергающие криминальную субкультуру (выбор большинства атрибутов криминальной субкультуры соответствует последним двум непривлекательным цветам) — 39,1%

Рис. 1. Типы несовершеннолетних ПОО в зависимости от их отношения к основным атрибутам криминальной субкультуры

Таким образом, большинство несовершеннолетних ПОО, находящихся в следственных изоляторах, не считают проявления криминальной субкультуры для себя привлекательными. Лишь для небольшого процента (17,4%) респондентов основные атрибуты данной субкультуры оказались положительно значимыми, и большинство несовершеннолетних рассматривают их в числе интересных занятий, подчеркивающих статус, являющихся частью своего настоящего и неотъемлемой составляющей своего «Я-реального». Для половины ПОО данного типа будущее также связывается с криминальной субкультурой. Половина приверженных отделяют свое будущее от настоящего и различных атрибутов тюремной субкультуры, что может считаться благоприятным фактором для воздействия психологов при индивидуальной коррекции их поведения. У данной группы испытуемых обнаруживаются различия в отношении к себе и другим людям. Расстояние между понятиями «Какой я на самом деле» и «Каким я хочу быть», отражающими реальное и идеальное Я, характеризует уровень самооценки. Так у 75% опрошенных идеальное Я находится левее реального Я на три позиции и более, что может указывать на значительную неудовлетворенность и наличие связанных с этим болезненных переживаний. Обозначение понятия «Какой я на самом деле» таким же цветом, как и понятия, соответствующие каким-либо другим конкретным людям, указывает на сходство эмоционального отношения к себе и этим людям, идентификацию с ними, говорит о том, на кого испытуемый считает себя

похожим, кем он себя считает, к какой общности людей он принадлежит. Все респонденты данной группы (100%) отождествляют себя только с другими осужденными.

Несовершеннолетние ПОО, отвергающие криминальную субкультуру, отделяют себя от ее проявлений и своего настоящего. Большинство респондентов свое будущее также не связывают с ней, хотя грядущее не предстает для них в радужном свете. При этом практически каждый из опрошенных относит маркер «Каким я хочу быть» к привлекательным цветам. Лишь один респондент из числа отвергающих, видит свое будущее и образ «Я-идеальный» в реализации практически всех атрибутов криминальной субкультуры. 77,8% отвергающих криминальную субкультуру испытывают умеренную удовлетворенность собой или даже высоко оценивают себя, что коррелирует с результатами методики СПА. При этом данные респонденты идентифицируют себя с администрацией, воспитателями следственного изолятора, а также с семьей и друзьями. Только 22,2% в значительной степени не удовлетворены собой и отождествляют себя с другими осужденными.

По группе нейтральных ПОО, сделать подобный анализ не представляется возможным, в виду отсутствия явных закономерностей.

Методика СПА, адаптированная Т.В. Снегиревой (1978), предназначена для изучения особенностей социально-психологической адаптации и связанных с этим черт личности.

Стимульный материал представлен 101 утверждением, которые сформулированы в третьем лице единственного числа, без использования каких-либо местоимений.

Выделяются следующие 6 интегральных показателей:

- 1) «Адаптивность»;
- 2) «Приятие других»;
- 3) «Интернальность» («ожидание внутреннего контроля»);
- 4) «Самовосприятие»;
- 5) «Эмоциональный комфорт»;
- 6) «Стремление к доминированию».

Опросник Роджерса—Даймонда выявляет степень адаптированности/дезадаптированности в системе межличностных отношений и в качестве оснований для дезадаптации предполагает ряд разнообразных обстоятельств: низкий уровень самоприятия; низкий уровень приятия других, т. е. конфронтация с ними; эмоциональный дискомфорт, который может быть весьма различным по природе; сильную зависимость от других; экстернальность; стремление к доминированию.

Важным компонентом самосознания у несовершеннолетнего является самоуважение. Человек, который способен принять себя таким, каков он есть, верит в себя и считает, что он не хуже других, отчетливее видит перспективы своего роста и совершенствования, «... если человек не осознает свою идентичность на основе любви и самоуважения, то у него

остаются, по существу, лишь два пути — конфронтация с обществом, выражающаяся зачастую в преступности, либо уход в себя... Иными словами, лишь тот осознает себя полноценной личностью, кто нашел свой путь к любви и самоуважению» [2, с. 27—28].

Согласно результатам проведенного исследования, большинство респондентов группы «*приверженные*» имеют низкий (75%), остальные (25%) — средний уровень адаптации (УА). При этом наблюдаются низкие оценки по шкалам: «принятие себя», «интернальность», «принятие других», «эмоциональный комфорт», «стремлению к доминированию», что может свидетельствовать о низкой оценке своих качеств, неудовлетворенности собой, внешнем локусе контроля, тревожности, напряженности, пессимистичности, уступчивости, податливости внешнему влиянию.

Среди несовершеннолетних ПОО группы «*нейтральные*» — в подавляющем большинстве средний уровень адаптации (90%). И только 10% (1 респондент) имеют высокий уровень адаптации, который характеризуется высокими оценками по шкалам: «адаптивность», «принятие себя», «эмоциональный комфорт», «интернальность», «доминирование».

Среди «*отвергающих*»: низкий уровень адаптации — 33,3%, средний уровень адаптации — 66,7%. Средний уровень адаптации выражается в умеренной приспособленности респондентов к условиям взаимодействия с окружающими его людьми в следственном изоляторе, относительной удовлетворенности собой, умеренной терпимости к другим людям, их слабостям и недостаткам, критичности к окружающим, эмоциональной уравновешенности и спокойствию в обычных ситуациях в сочетании со склонностью к внутренней напряженности и беспокойству в ситуациях повышенной психологической сложности, умеренно выраженном внутреннем контроле и стремлении влиять на других, отстаивать свои позиции (рис. 2).

Рис. 2. Уровни социально-психологической адаптации несовершеннолетних ПОО в зависимости от их приверженности нормам криминальной субкультуры

Результаты обследования показали, что средний уровень адаптации положительно связан с нейтральным отношением или отрицанием криминальной субкультуры, а низкий уровень адаптации — с ее принятием.

Среди всех интегральных показателей методики центральным мы считаем *самовосприятие*. Позитивное самовосприятие является обязательным условием формирования положительного самопринятия, что является основой формирования идентичности, позитивного «Я-образа» и «Я-концепции», которые, в свою очередь, обеспечивают нормальное развитие личности.

Нами была предпринята попытка установления прямых связей между самовосприятием и другими показателями. С этой целью был применен линейный корреляционный анализ (коэффициент корреляции Пирсона).

1. Самовосприятие и интернальность (ожидание внутреннего контроля).

В данном случае связь между самовосприятием и интернальностью высокая и прямая. Коэффициент линейной парной корреляции:

$$r_{x,y} = b \frac{S(x)}{S(y)} = 0.833 \frac{1.978}{2.08} = 0.793$$

$$t_{nabl} = 0.793 \frac{\sqrt{21}}{\sqrt{1-0.793^2}} = 5.96$$

Коэффициент корреляции статистически значим.

По остальным переменным были проведены аналогичные расчеты.

2. Самовосприятие и адаптивность.

Коэффициент линейной парной корреляции через коэффициент регрессии b равен 0,783.

Связь между самовосприятием и адаптивностью высокая и прямая. Коэффициент корреляции статистически значим.

3. Самовосприятие и принятие других.

Коэффициент линейной парной корреляции равен 0,519.

Связь между данными показателями заметна и прямая. Коэффициент корреляции статистически значим.

4. Самовосприятие и эмоциональный комфорт.

Коэффициент линейной парной корреляции равен 0,589. Связь между измеряемыми параметрами заметна и прямая. Коэффициент корреляции статистически значим.

5. Самовосприятие и стремление к доминированию.

Коэффициент линейной парной корреляции (0,213) показывает, что связь между показателями слабая и прямая. Коэффициент корреляции статистически не значим.

Схематично корреляционные связи самовосприятия с другими интегральными показателями приведены на рис. 3

Рис. 3. Корреляционные связи самовосприятия с другими интегральными показателями

Таким образом, выявлена высокая и прямая корреляционная связь между самовосприятием и интернальностью. Чем выше уровень принятия себя, тем выше уровень субъективного контроля несовершеннолетнего, т. е. предрасположенность принимать ответственность за события своей жизни на себя, объясняя их своим поведением, способностями, чертами личности. Интерналы в отличие от экстерналов менее склонны подчиняться давлению других, сопротивляться, когда чувствуют, что ими манипулируют.

Кроме того, нами установлена высокая и прямая корреляционная связь между принятием себя и адаптивностью, которая определяет уровень приспособленности человека к условиям взаимодействия с окружающими его людьми. Чем выше степень самовосприятия, тем выше уровень адаптации несовершеннолетнего в исправительном учреждении.

Заметные и прямые корреляционные связи выявлены между самовосприятием и принятием других людей, а также между самовосприятием и уровнем эмоционального комфорта.

Коэффициент корреляции между самовосприятием и перечисленными интегральными показателями статистически значим.

Единственным параметром, имеющим слабую корреляционную связь с принятием себя и статистически незначимый коэффициент корреляции, является стремление к доминированию. При этом данная связь не является обратной, поэтому человек с высокой или средней степенью самовосприятия, по всей вероятности, не будет отличаться уступчивостью и податливостью внешнему влиянию.

Результаты нашего исследования могут быть дополнены ранее сделанным выводами в психологии относительно наличия корреляционных связей между локусом контроля и конформностью (в нашей работе — низкий уровень доминирования) [1, с. 159].

Субъективный локус контроля связан с ощущением человеком своей силы, достоинства, ответственности за происходящее, с самоуважением, социальной зрелостью и самостоятельностью личности. Поэтому следует учесть, что:

- конформное, уступчивое поведение в большой степени присуще людям с экстернальным локусом контроля;
- интерналы менее склонны подчиняться давлению (мнению, эмоции и др.) других людей;
- интерналы более активно ищут информацию и обычно более осведомлены о ситуации, чем экстерналы.

Поскольку большинство интегральных показателей положительно коррелируют с самовосприятием, профилактическая и коррекционная работа в отношении несовершеннолетних ПОО должна быть направлена на повышение его уровня.

В соответствии с полученными результатами, в связи с важностью сохранения здоровья нации, необходимостью государственной поддержки детей, оказавшихся в непростой жизненной ситуации, и профилактикой дальнейшего деструктивного формирования личности, психологическая лаборатория ФКУ СИЗО-2 ГУФСИН России по Челябинской области совместно с психологической службой ГУФСИН России по Челябинской области организовала масштабную деятельность по разработке и апробированию комплексной программы профилактики криминальной «зараженности» в среде несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых и осужденных в условиях, изоляции.

Литература

1. *Волоскова Н.Н., Болотова О.В.* Психологическая коррекция влияния криминальной субкультуры на развитие личности подростка // *Сибирский педагогический журнал*. 2010. № 5. С. 159.
2. *Глассер У.* Школы без неудачников. М.: Прогресс, 1991. 184 с.
3. *Дебольский М.Г., Чернышкова М.П.* Криминальная субкультура в среде несовершеннолетних, содержащихся в местах лишения свободы, и профилактика ее распространения // *Прикладная юридическая психология*. 2016. № 2. С. 41-47
4. Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года: утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. № 1772-р [Электронный ресурс] // *Официальный сайт ФСИН России*. URL: <http://фсин.рф>. (дата обращения: 10.11.2016).

Social and psychological adaptation of the personality of juvenile suspects, accused and convicted persons, with different attitude to the criminal subculture

Dyachkova Yu. E., PhD in Psychology, associate Professor, Department of developmental psychology and age counseling, Faculty of Psychology, Social and Humanitarian Institute, South Ural State University (dyachkova78@inbox.ru)

The article deals with the problem of the spread of criminal subculture among juvenile suspects, accused and convicted persons, their adherence to the rules, the laws of the criminal environment, as well as personal features that contribute to this. The key attention is paid to the study of social and psychological adaptation of minors in places of detention. It is assumed that there is a connection between the adherence to the norms of the criminal subculture and the personal characteristics of minors, the level of their social and psychological adaptation. The pilot study was attended by 23 juvenile boys aged 15 to 18 years, Russian, committed various crimes. The paper used review-analytical, psychodiagnostic methods, methods of mathematical and statistical processing. As a result, three types of minors are determined by the degree of their adherence to the norms of the criminal subculture, the features of social and psychological adaptation and the associated personality traits of juvenile suspects, accused and convicted persons are studied, and the correlation links between the integral indicators of social and psychological adaptation are established. The results can contribute to the development and implementation of psychoprophylactic and psychocorrection programs aimed at leveling the negative impact of criminal subculture norms among minors in isolation.

Key words: criminal subculture, minors, commitment to the criminal subculture, social and psychological adaptation, self-perception.

References

1. Antsyferova L.I. Svyaz moralnogo soznaniya s nravstvennym povedeniyem cheloveka (po materialam issledovaniy Lourensa Kolberga i ego shkoly) [Relationship of moral consciousness with moral behavior of a person] // *Psikhologicheskiy zhurnal [Psychological journal]* 1999. no. 3. pp.5-17.
2. Bratus B.S. K probleme cheloveka v psikhologii [To the problem of man in psychology] // *Voprosy psikhologii [Questions Voloskova, N.N., Bolotova, O.V. Psikhologicheskaya*

korrektsiya vliyaniya kriminal'noi subkul'tury na razvitie lichnosti podrostka [Psychological correction of influence of criminal subculture on development of personality of teenager] . *Sibirskii pedagogicheskii zhurnal*. 2010. № 5. P. 159

3. Glasser, U. *Shkoly bez neudachnikov* [Schools without unlucky persons]. Moscow.: Progress, 1991. 184 p.
4. Debol'skii, M.G., Chernyshkova, M.P. *Kriminal'naya subkul'tura v srede nesovershennoletnikh, sodержashchikhsya v mestakh lisheniya svobody, i profilaktika ee rasprostraneniya*. *Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya*. 2016, № 2.
5. *Kontseptsiya razvitiya ugolovno-ispolnitel'noi sistemy Rossiiskoi Federatsii do 2020 goda* [Conception of development of the criminally-executive system of Russian Federation 2020 to]: utv. rasporyazheniem Pravitel'stva Rossiiskoi Federatsii ot 14 oktyabrya 2010 g. № 1772-r [Elektronnyi resurs]. Ofitsial'nyi sait FSIN Rossii. URL: <http://fsin.rf>. (data obrashcheniya: 10.11.2016).

Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть I)

Гульдан В.В., доктор психологических наук, профессор, заведующий психологической лабораторией отделения судебно-психиатрической экспертизы, ГБУЗ МО «ЦКПБ» (vguldan@mail.ru)

Сулим О.Н., старший преподаватель, кафедра гражданского, авторского и экологического права, институт экономики и менеджмента, РХТУ им. Д.И. Менделеева; председатель, Коллегия адвокатов города Москвы «Правовая помощь и защита» (olga-sulim@mail.ru)

Сухотин А.А., директор, АНО ДПО «Академия прикладной психологии и психотерапии»; старший преподаватель кафедры педагогики и медицинской психологии, Институт социологии, психологии и гуманитарных наук, ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет) (sukhotin@academpsy.org)

В статье представлен анализ научных источников, нормативно-правовых актов, инструктивных писем ФССП России, приводятся позиции судей и практика по исполнению исполнительных документов, связанных с воспитанием детей. К участию в данной категории исполнительных производств привлекается психолог, который имеет правовой статус специалиста. На основании проведенного анализа обнаружены проблемы, связанные с несовершенством отдельных правовых норм и недостаточно продуманной юридической конструкцией статуса специалиста в исполнительном производстве. Авторы вносят предложения по расширению перечня прав и ужесточению ответственности специалиста в исполнительном процессе, а также предложение о необходимости предоставления специалисту-психологу права на ознакомление с заключением судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Основываясь на позиции судей, отсутствии запрета на проведение специального исследования в отношении специалиста в исполнительном процессе, а также поставленной перед психологом задаче проводить оценку психологического состояния ребенка, авторы приходят к выводу о том, что специалист-психолог вправе проводить психодиагностическое обследование с использованием научных методов и методик. Предложенные меры совершенствования правовых норм направлены на обеспечение возможности

полного и правильного исполнения судебных решений по спорам о воспитании ребенка.

Ключевые слова: специалист-психолог, заключение специалиста, исполнительное производство, исполнение судебных решений, передача (отобрание) ребенка, порядок общения с ребенком.

Для цитаты:

Гульдан В.В., Сулим О.Н., Сухотин А.А. Правовые аспекты участия специалиста-психолога в исполнительном производстве, связанном с воспитанием детей (Часть I). [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 126-138. doi: 10.17759/psylaw.2018080210

For citation:

Guldan V.V., Sulim O.N., Sukhotin A.A. Legal Aspects of Participation of a Psychologist as a Specialist in Enforcement of Court Decisions in Parenting Cases (Part I). [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 126-138. doi: 10.17759/psylaw.2018080210

Как в научном, так и в профессиональном сообществе категорию исполнительных производств, связанных с воспитанием детей, относят к одной из наиболее сложных. Сложность подобных исполнительных производств обусловлена значительными трудностями, возникающими в ходе совершения исполнительных действий, и проблемами, которые «... являются не только следствием несовершенства отдельных норм законодательства, но также связаны с эмоционально-психологическим характером производимых исполнительных действий» [6]. Высокий уровень конфликта между сторонами приводит к тому, что всем участникам исполнительных действий приходится работать в напряженных стрессовых условиях. Распространены случаи, когда враждебно настроенный должник (совместно проживающий с ребенком родитель) не желает добровольно исполнять вынесенное судом постановление, втягивает ребенка в конфликт и настраивает его против взыскателя, стремясь тем самым уклониться от исполнения исполнительного документа, ссылаясь на то, что «ребенок сам не желает» общаться или отказывается перейти к взыскателю. В судебной психологии представлен тезис, согласно которому «... ситуацию, при которой ребенок утрачивает позитивное отношение к одному из родителей, с клинко-психологической точки зрения следует рассматривать как аномальную и создающую значительный риск нарушений психического развития ребенка» [9, с. 175]. Таким образом, в случае активного настраивания ребенка против другого родителя должник не только препятствует своевременному исполнению вынесенного в интересах ребенка судебного постановления, но и своими действиями создает риск нарушений психического развития в отношении собственного ребенка.

В настоящем исследовании мы поставили цель изучить правовые аспекты работы психолога, привлекаемого к участию в связанных с воспитанием детей исполнительных производствах. Нами были проанализированы заключения специалистов-психологов, акты о совершении исполнительных действий и иные документы, приобщенные к материалам исполнительных производств по передаче (отобранию) ребенка и определению порядка общения с ребенком, осуществлявшихся на территории Московской области в 2016–2017 гг. Далее, были проведены интервью с приставами УФССП России по Московской области,

имеющими опыт исполнения данной категории производств. Исходя из сложившейся практики, в случае неясности судебного решения в соответствии со ст. 202 ГПК РФ пристав обращается за разъяснениями в суд [2]. По итогам проведенных с приставами интервью были отобраны наиболее часто встречающиеся проблемы и вопросы по порядку исполнения, на основании которых была разработана анкета для судей. По рекомендации Судебного департамента при Верховном Суде РФ анкетирование судей было проведено в Липецкой области (*в настоящую статью вошли ответы судей только по правовым аспектам участия специалиста-психолога в исполнении судебных решений*). Этот выбор оказался не случайным, поскольку Липецкий областной суд славится своими прогрессивными достижениями в различных направлениях, например, в области ювенальной юстиции, в практике создания системы психологического сопровождения судей, в вопросах применения медиации как альтернативного судебному способу разрешения конфликтов и др. Как оказалось, в Липецком областном суде искивые заявления по спорам о воспитании ребенка подлежат рассмотрению у специально обученных судей, которые регулярно участвуют в проводимых психологами образовательных семинарах. Помимо изучения практики и позиции судей проводился анализ нормативно-правовых актов и научной литературы по теме исследования.

На доктринальном уровне разработаны различные классификации субъектов исполнительного производства. Наиболее удачной из них В.П. Кудрявцева предлагает считать классификацию по процессуальной роли: «... именно она наиболее наглядно и точно демонстрирует, для чего тот или иной процессуальный статус введен в соответствующие процессуальные отношения, наиболее четко определяет **права, обязанности и ответственность** соответствующего субъекта» [5]. В таком случае специалистов в исполнительном производстве следует отнести к группе **лиц, содействующих исполнению**, т. е. цель их участия — способствовать судебному приставу-исполнителю в наиболее быстром и правильном исполнении предписаний, содержащихся в исполнительном документе [5].

В числе **обязанностей** привлекаемого к участию в исполнительном производстве специалиста в соответствии с ч. 2 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» можно выделить следующие [10]:

- 1) явиться по вызову судебного пристава-исполнителя;
- 2) отвечать на поставленные судебным приставом-исполнителем вопросы;
- 3) давать в устной или письменной форме консультации и пояснения;
- 4) при необходимости оказывать техническую помощь.

Права специалиста-психолога, привлекаемого к участию в исполнительном производстве, на настоящий момент на законодательном уровне не закреплены, за исключением одного: специалист имеет **право** на вознаграждение за выполненную работу в соответствии с ч. 3 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» [10]. Получается интересная ситуация: специалист-психолог является важным лицом, которое обладает специальными знаниями и оказывает содействие приставу в исполнении самой сложной категории исполнительных производств, а прав у него, кроме права на вознаграждение, нет, имеются только обязанности. Чтобы создать условия для наиболее эффективного содействия судебному приставу, необходимо на законодательном уровне закрепить в ч. 3 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» следующие права специалиста:

- **знакомиться с материалами исполнительного производства, делать из них выписки, снимать с них копии** (так как в них могут содержаться какие-либо документы,

имеющие значение для работы специалиста-психолога: например, к материалам исполнительного производства № 4307/16/50057-ИП от 15.09.2016 на основании ходатайства должника были приобщены выписки из заключений судебно-психологических экспертиз, которые проводились на стадии предшествующего судебного процесса);

- **заявлять ходатайства** (например, об отложении исполнительных действий в связи с риском причинения психической травмы ребенку);
- **заявлять самоотвод** (например, в случае заинтересованности в исходе дела).

Также напрашивается логичный вывод о необходимости закрепления на законодательном уровне **права специалиста-психолога на ознакомление с заключением судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы** (в том случае, если она назначалась на стадии предшествующего судебного разбирательства). Как правило, при проведении комплексной психолого-психиатрической экспертизы исследуются следующие психологические и клинические категории: индивидуально-психологические особенности каждого из родителей; психические расстройства каждого из них; индивидуально-психологические особенности ребенка; особенности и уровень его психического развития; способность ребенка к выработке и принятию самостоятельных решений; психологическое отношение каждого из родителей к ребенку; психологическое отношение ребенка к каждому из родителей, другим членам семьи; возможное негативное влияние психического состояния, индивидуально-психологических особенностей каждого из родителей на психическое состояние и особенности психического развития ребенка [9, с. 35]. Возможность ознакомиться с данными психологическими категориями позволит специалисту-психологу сформировать целостную картину об индивидуальных психологических особенностях ребенка, должника и взыскателя, а также о характере и степени привязанности между ребенком и родителями; владение данными сведениями будет способствовать более эффективному содействию в исполнении исполнительного документа со стороны специалиста-психолога.

Стоит заметить, что между проведением экспертизы, вынесением судебного решения и реальным исполнением исполнительного документа может пройти продолжительный период времени (например, исполнительное производство от 27.12.2012 года № 4305/16/50057-ИП, когда должник на протяжении четырех лет скрывался от исполнения судебного решения о передаче ребенка, в общей сложности взыскатель не виделся с ребенком пять лет — судебное решение было исполнено в декабре 2016 года); в таких случаях могут измениться как индивидуальные психологические особенности родителей, так и характер привязанности ребенка к взыскателю.

В качестве примера приведем ситуацию по исполнительному производству от 02.12.2016 года № 5114/16/50057-ИП. В соответствии с исполнительным документом необходимо было осуществить передачу (отобрание) троих детей от отца к матери. В ходе беседы с детьми было установлено, что мать сильно изменилась после смерти старшей дочери (умерла от рака). Сначала она исчезла из жизни семьи на год, после чего вернулась другим человеком: ссорилась с отцом, выгнала его и детей из дома. Стала замкнутой, контакт с ней носил поверхностный, формальный характер (со слов старшего ребенка, общались только по бытовым вопросам). Отец не препятствовал общению детей с матерью, в то время как мать отнимала у детей телефоны и игнорировала их просьбы отвезти к отцу. В выходные дни мать отвозила детей в монастырь, где оставляла их в храме, а сама уходила на несколько часов «нести послушание». Старший и средний ребенок во время беседы со специалистом-психологом и представителем органов опеки плакали, просили не отдавать

их матери. За месяц до совершения исполнительных действий мать избила старшего ребенка за то, что он отказался выполнять письменное домашнее задание (ребенок при этом находился на заднем сидении автомобиля); еще ребенка очень обидело поведение матери, когда после избиения она ожидала от сына, что он должен перед ней извиниться за такое поведение, а сама извиняться не стала. На вопрос о том, как часто они общаются с матерью при совместном проживании, дети ответили, что редко: «Мама не всегда успевает нас забрать из школы, мы сами возвращаемся домой». Старший ребенок рассказал следующее: «Когда мама приходит с работы или откуда-то, она не заходит ко мне (ребенок живет на третьем этаже, мама на первом этаже дома) даже пожелать доброй ночи, а занимается своими делами: сидит за компьютером или разговаривает по телефону». Таким образом, было выявлено наличие положительной привязанности у всех троих детей к отцу, негативно-амбивалентное отношение старшего и среднего детей к матери, положительное отношение к матери и при этом отказ перейти к ней со стороны младшего ребенка (отношение детей к матери, помимо прочего, было обусловлено страхом разлуки с отцом, который являлся эмоционально значимой фигурой в жизни детей).

Перед судьями, принявшими участие в исследовании, был поставлен аналогичный вопрос, на который они дали следующий ответ: *«Судьи считают, что если должник с ребенком находятся в розыске на протяжении двух лет, привлечение специалиста-психолога к психодиагностическому обследованию должника, взыскателя и ребенка необходимо, так как за это время действительно могут измениться индивидуальные психологические особенности как ребенка, так и родителей».*

Есть еще одна проблема, которая требует принципиального прояснения: вправе ли специалист-психолог, привлекаемый к участию в исполнительном производстве, проводить специальное исследование, используя научные методы и методики для проведения психодиагностического обследования ребенка? В соответствии с инструктивными письмами ФССП России, специалист-психолог, привлекаемый к участию в исполнительном производстве, проводит оценку психологического состояния ребенка [6; 7; 8]. Сделать это «на глазок», без использования научных методов и методик не представляется возможным, более того, в отличие от ГПК РФ в ФЗ «Об исполнительном производстве» отсутствуют диспозиции, запрещающие специалисту проводить специальное исследование.

Данный вопрос был адресован судьям, принявшим участие в настоящем исследовании, в следующей формулировке: «... к участию в исполнительных действиях судебным приставом-исполнителем может привлекаться специалист-психолог. Данный специалист должен провести психодиагностическое обследование ребенка с целью оценки его психоэмоционального состояния, а также в случае отказа ребенка от общения с отдельно проживающим родителем установить, является ли отказ самостоятельным мнением ребенка. По итогам проведенного обследования готовится документ, который называется «заключение специалиста». Данный документ не является заключением эксперта; в ч. 3 ст. 188 ГПК РФ содержится формулировка о том, что специалист «не проводит специального исследования». Вправе ли специалист-психолог (не эксперт) проводить психодиагностическое обследование в рамках исполнительного производства? Чем по смыслу оно отличается от специального исследования?»

На этот вопрос судьи дали следующий ответ:

«По мнению судей, специалист-психолог вправе проводить психодиагностическое обследование в рамках исполнительного производства. Заключение специалиста является консультацией судебного пристава. Для проведения специального исследования необходимо

предупреждение лица, которое будет проводить исследование, об уголовной ответственности.

Если участие специалиста-психолога в исполнительном производстве продиктовано необходимостью оценки психоэмоционального состояния ребенка, представляется, что специалист вправе проводить психодиагностическое обследование, и независимо от того, как его выводы будут оформлены (в форме заключения, отчета, пояснения или ответов на вопросы), эти выводы должны иметь для судебного пристава-исполнителя правовое значение и определять дальнейший ход исполнительного производства. По смыслу, содержанию, объему и применяемым специалистом методикам заключение специалиста может и не отличаться от специального исследования, хотя принято считать, что заключения специалистов носят предварительный характер и не содержат в себе как таковой исследовательской части».

В своих работах, посвященных теории и практике судебно-психологической экспертизы, М.М. Коченов и Л.П. Конышева рассуждали о существующей спорной позиции «... о том, имеет ли право специалист проводить самостоятельное исследование, поскольку оно, по мнению некоторых процессуалистов, угрожает подменой экспертного исследования» [4, с. 220]. Они отмечали, что «в деятельности специалиста-психолога **всегда присутствует элемент исследования**» и предлагали для отграничения от судебной экспертизы обозначить его как «психологическое обследование, результаты которого не могут претендовать на исчерпывающую полноту» [4, с. 220—221]. Данный тезис никоим образом не противоречит использованию специальных психологических знаний на этапе исполнения судебных постановлений по спорам о воспитании ребенка. Участие специалиста-психолога направлено на оказание содействия судебному приставу-исполнителю и минимизацию риска причинения психической травмы ребенку при совершении исполнительных действий, создание комфортных условий в момент передачи и отобрания ребенка, а также установление причин отказа ребенка общаться с взыскателем или перейти к нему. Таким образом, привлекаемый к участию специалист-психолог может и должен проводить психодиагностическое обследование с использованием научных методов и методик, на основании которого формулируются выводы. Необходимо закрепить данное право специалиста-психолога на законодательном уровне, что, в свою очередь, несомненно, будет накладывать и определенные обязательства по соблюдению требований к оформлению результатов психодиагностического обследования в виде **заключения специалиста**, поскольку формулируемые выводы должны соответствовать критериям научности и обоснованности.

Обратим внимание читателя на то, что не всегда специалисту-психологу удастся провести психодиагностическое обследование с использованием тех или иных методик. Например, в рамках исполнительного производства № 4714/19/50057-ИП от 17 октября 2016 года была успешно осуществлена передача ребенка в возрасте два года семь месяцев взыскателю после одиннадцати месяцев разлуки с ним. Специалист-психолог установил, что ребенок не умеет рисовать по причине слабо развитой мелкой моторики, говорит только отдельные слова, не способен усваивать инструкции. Участие специалиста-психолога сводилось в данном случае к оказанию содействия взыскателю в установлении контакта с ребенком; из научных методов психологии применялся только один метод — наблюдение. Означает ли это, что приобщенное к материалам исполнительного производства заключение не соответствует критериям научности и обоснованности и свидетельствует о некомпетентности специалиста? Нет, поскольку в каждом индивидуальном случае

специалист-психолог занимается теми задачами, которые реально необходимо решить для полного и правильного исполнения.

В Письме ФССП России от 28.04.2016 года № 00011/16/37579-СВС прямо указывается на с. 3 — на приобщение **заключения специалиста** к материалам исполнительного производства [8]. В ч. 2 ст. 41 утратившего силу Федерального закона от 21.07.1997 года № 119-ФЗ «Об исполнительном производстве» содержалась формулировка: «специалист дает заключение в письменной форме». В действующем ФЗ «Об исполнительном производстве» в ч. 2 ст. 61 уже отсутствует формулировка «заключение специалиста», вместо нее присутствует формулировка: «консультации и пояснения» в устной и письменной форме. При этом в ч. 4 ст. 61 действующего ФЗ «Об исполнительном производстве» предусмотрена ответственность специалиста «за дачу заведомо ложного отчета или заключения», в ст. 17.19 КоАП РФ предусмотрена ответственность за заведомо ложное «пояснение специалиста». На явное несоответствие содержания диспозиций ст. 17.19 КоАП РФ и ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» обращает внимание В.А. Баранов, ссылаясь на п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2005 года № 5 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях». Согласно позиции Верховного Суда РФ, «... административное правонарушение считается оконченным с момента, когда имеются **все** предусмотренные Кодексом признаки состава административного правонарушения» [1]. В связи с этим видится правильным и обоснованным дополнить ч. 2 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» формулировкой **«давать отчет и заключение в письменной форме»**.

В завершение необходимо задаться вопросом о достаточности административной меры за заведомо ложное заключение специалиста. В настоящее время в соответствии со ст. 17.9 КоАП РФ заведомо ложное пояснение специалиста в исполнительном производстве влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей [3]. В случае нежелания ребенка общаться с взыскателем или перейти к нему, именно заключение специалиста-психолога (который подтвердит, что это является самостоятельным мнением ребенка) становится основанием для обращения судебного пристава-исполнителя в суд с заявлением о прекращении исполнительного производства в связи с утратой возможности исполнения. Правоммерно возникает вопрос о необходимости ужесточения санкций за заведомо ложное заключение в связи с высоким уровнем ответственности специалиста-психолога в категории исполнительных производств, связанных с воспитанием детей.

В юридической литературе данная проблема уже поднималась В.А. Барановым в отношении производств по исполнению требований имущественного характера. Им был предложен следующий вариант решения: в связи с несоизмеримостью последствий, которые могут наступить для должника и других участников исполнительного производства, специалиста-оценщика наравне с привлечением к административной ответственности можно обязать возместить причиненный ущерб [1]. Но как быть в случае исполнения требований неимущественного характера? В какую сумму оценить заведомо ложное заключение специалиста-психолога? Среди возможных последствий — совершение исполнительных действий вопреки интересам ребенка или прекращение исполнительного производства в связи с утратой возможности исполнения (после чего исполнительный документ утрачивает силу, и взыскателю не остается ничего другого, кроме как обращаться заново в суд с тем же самым спором о воспитании ребенка). И, в конце концов, почему специалист, участвующий в судебном процессе, несет уголовную ответственность, а

специалист в исполнительном производстве, который в нашем случае, согласно позиции судей, вправе проводить психодиагностическое обследование и формулировать выводы, имеющие правовое значение и определяющие ход исполнительного производства, за дачу заведомо ложного заключения будет нести только административную ответственность? Единственное справедливое разрешение этого вопроса — предусмотреть уголовную ответственность специалиста, привлекаемого к участию в исполнительном производстве, в соответствии со ст. 307 УК РФ (наравне с ответственностью специалиста в гражданском процессе) за дачу заведомо ложных в письменной или устной форме консультации, пояснения, отчета или заключения.

Цель участия специалиста-психолога в исполнительном производстве — оказать содействие судебному приставу-исполнителю в полном и правильном исполнении требований исполнительного документа. **Права, обязанности и ответственность** специалиста-психолога, привлекаемого к участию в исполнительном производстве, представлены в табл. 1.

Таблица

Права, обязанности и ответственность специалиста, привлекаемого к участию в исполнительном производстве

Права	• право на вознаграждение за выполненную работу	ч. 3 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве»
Обязанности	• явиться по вызову судебного пристава-исполнителя; • отвечать на поставленные судебным приставом-исполнителем вопросы; • давать в устной или письменной форме консультации и пояснения; • при необходимости оказывать техническую помощь	ч. 2 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве»
Ответственность	• за отказ или уклонение от исполнения обязанностей, установленных настоящей статьей, а также за дачу заведомо ложного отчета или заключения (влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до одной тысячи пятисот рублей)	ч. 4 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве»; ст. 17.9 КоАП РФ

В целях совершенствования правового регулирования исполнения судебных решений предлагается: дополнить ч. 2 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» формулировкой **«давать отчет и заключение в письменной форме»**; расширить перечень прав специалиста, добавив в ч. 3 ст. 61 ФЗ «Об исполнительном производстве» следующие права: **знакомиться с материалами исполнительного производства, делать из них выписки, снимать с них копии, заявлять ходатайства, заявлять самоотвод**; ввести уголовную ответственность **«за заведомо ложные консультации, пояснения, отчет или заключение специалиста в исполнительном производстве»**, дополнив данной формулировкой ст. 307 УК РФ. В связи с отсутствием в ФЗ «Об исполнительном производстве» диспозиции, запрещающей специалисту проводить специальное

исследование, а также, опираясь на позицию судей и поставленную перед специалистом-психологом задачу по оценке психологического состояния ребенка, мы пришли к выводу о том, что специалист-психолог вправе проводить психодиагностическое обследование с использованием научных методов и методик.

Реализация внесенного нами предложения о **закреплении права специалиста-психолога на ознакомление с заключением судебно-психологической или комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы** потребует взаимодействия судебной и исполнительной систем. Так, может быть подготовлено рекомендательное письмо судьям, согласно которому они вместе с исполнительным листом будут выдавать заверенную копию экспертного заключения; следовательно, в ФЗ «Об исполнительном производстве» (например, в ст. 109.3) должна быть внесена норма права, предусматривающая основание для приобщения копии экспертного заключения к материалам исполнительного производства.

Благодарности

Авторы благодарят за содействие в сборе данных для исследования начальника Главного управления организационно-правового обеспечения деятельности судов Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации Е.В. Голошумова и председателя Липецкого областного суда И.И. Маркова, а также УФССП России по Московской области.

Литература

1. Баранов В.А. Актуальные вопросы устранения ошибок в исполнительном производстве // Вестник исполнительного производства. 2016. № 1. С. 63—69.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2017) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 01.02.2018).
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.12.2017) (с изм. и доп., вступ. в силу с 29.01.2018) [Электронный ресурс] // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 01.02.2018).
4. Коченов М.М. Судебно-психологическая экспертиза: теория и практика. Избранные труды. М.: Генезис, 2010. 352 с.
5. Кудрявцева В.П. Субъекты исполнительного производства: теоретические аспекты и правоприменительные проблемы // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 58—63.
6. Письмо ФССП России от 14.06.2012 № 12/01-14324-ТИ «О порядке организации работы при исполнении судебных решений об отобрании ребенка, об определении места жительства ребенка, об определении порядка общения с ребенком» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/70249460/> (дата обращения: 01.02.2018).
7. Письмо ФССП России от 30.04.2014 № 00011/14/24417-АП «Об осуществлении контроля за исполнением исполнительных документов, связанных с

- воспитанием детей» [Электронный ресурс] // URL: <https://academpsy.org/media/2017/11/30-aprelya-2014-goda-00011-14-24417-AP.pdf> (дата обращения: 01.02.2018).
8. Письмо ФССП России от 28.04.2016 № 00011/16/37579-СВС «Об организации работы по исполнению исполнительных производств, связанных с воспитанием детей» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/71450924/> (дата обращения: 01.02.2018).
 9. Сафуанов Ф.С., Харитонова Н.К., Русаковская О.А. Психолого-психиатрическая экспертиза по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка. М.: Генезис, 2011. 192 с.
 10. Федеральный закон от 02.10.2007 № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» [Электронный ресурс] // URL: <http://base.garant.ru/12156199/> (дата обращения: 01.02.2018).

Legal Aspects of Participation of a Psychologist as a Specialist in Enforcement of Court Decisions in Parenting Cases (Part I)

Guldan V.V., PhD (Psychology), Professor, Head of Pathopsychological Laboratory of the Forensic Psychiatric Examination Department, State Budgetary Institution of Healthcare in Moscow region "Central Clinical Psychiatric Hospital" (vguldan@mail.ru)

Sulim O.N., Senior Lecturer, Chair of Civil, Copyright and Environmental Law, Institute of Economics and Management, D. Mendeleev University of Chemical Technology of Russia; Chairman, Moscow Collegium of Advocates "Legal Assistance and Protection" (olga-sulim@mail.ru)

Sukhotin A.A., Director, ANO "Academy of Applied Psychology and Psychotherapy"; Senior Lecturer, Chair of Pedagogy and Medical Psychology, Institute of Sociology, Psychology and Humanities, I.M. Sechenov First Moscow State Medical University (sukhotin@academpsy.org)

The article provides an analysis of scientific sources, normative legal acts, instructive letters of Federal Bailiffs Service of Russia, the position of judges and practices on the execution of enforcement documents related with upbringing of children. A psychologist with the legal status of specialist is to be involved in this category of enforcement proceedings. Based on analysis, problems associated with the imperfection of separate legal norms were identified, as well as Insufficiently thought-over legal design of specialist status in enforcement proceedings were found. The authors make proposals on expanding the list of rights and toughening the responsibility of specialist in enforcement proceedings, as well as the proposal to provide a psychologist with right of making an acquaintance with the conclusion made by a forensic psychological or complex forensic psycho-psychiatric expertise. Based on the position of the judges and the absence of prohibition in carrying out of a special study made by a specialist in the enforcement proceedings, and the existing task for psychologist to evaluate psychological condition of a child, the authors conclude that the psychologist has the right to conduct a psychodiagnostic examination using scientific methods and techniques. The proposed measures to improve the legal norms are aimed to ensure a possibility of full and correct execution of adjudications on legal disputes related with upbringing of a child.

Key words: psychologist as a specialist, specialist conclusion, enforcement proceeding, execution of judgments, transfer (confiscation) of a child, order of communication with a child.

References

1. Baranov V.A. Aktual'nye voprosy ustraneniya oshibok v ispolnitel'nom proizvodstve [Current issues eliminate the errors in enforcement proceeding]. *Vestnik ispolnitel'nogo proizvodstva [Bulletin of enforcement proceeding]*, 2016, no. 1, pp. 63—69.
2. Grazhdanskiy processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 14.11.2002 № 138-FZ (red. ot 28.12.2017) [Elektronnyi resurs.] [Civil procedural code of the Russian Federation dated 14.11.2002 No. 138-FZ (as amended dated 28.12.2017)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (Accessed 01.02.2018).
3. Kodeks Rossijskoj Federacii ob administrativnyh pravonarusheniyah ot 30.12.2001 № 195-FZ (red. ot 31.12.2017) (s izm. i dop., vstup. v silu s 29.01.2018) [Elektronnyi resurs.] [Code of the Russian Federation about administrative offences dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended dated 31.12.2017) (rev. and add., intro. in force dated 29.01.2010)]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (Accessed 01.02.2018).
4. Kochenov M.M. Sudebno-psihologicheskaya ehkspertiza: teoriya i praktika. Izbrannye trudy. [Forensic psychological expertise: theory and practice. Selected works.] Moscow: Genezis, 2010. 352 p.
5. Kudryavceva V.P. Sub"ekty ispolnitel'nogo proizvodstva: teoreticheskie aspekty i pravoprimeritel'nye problemy [Subjects of enforcement proceeding: theoretical aspects and enforcement problems]. *Arbitrazhnyj i grazhdanskiy process [Arbitration and civil process]*, 2017, no. 6, pp. 58—63.
6. Pis'mo FSSP Rossii ot 14.06.2012 № 12/01-14324-TI «O poryadke organizacii raboty pri ispolnenii sudebnyh reshenij ob otobranii rebenka, ob opredelenii mesta zhitel'stva rebenka, ob opredelenii poryadka obshcheniya s rebenkom» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 14.06.2012 No. 12/01-14324-TI “About the organization of work in the execution of judicial decisions about removal of the child, the determination of the place of residence of the child, determination of the procedure of communication with a child”]. Available at: <http://base.garant.ru/70249460/> (Accessed 01.02.2018).
7. Pis'mo FSSP Rossii ot 30.04.2014 № 00011/14/24417-AP «Ob osushchestvlenii kontrolya za ispolneniem ispolnitel'nyh dokumentov, svyazannyh s vospitaniem detej» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 30.04.2014 No. 00011/14/24417-AP “On control over execution of Execution documents related to the upbringing of children”]. Available at: <https://academpsy.org/media/2017/11/30-aprelya-2014-goda-00011-14-24417-AP.pdf> (Accessed 01.02.2018).
8. Pis'mo FSSP Rossii ot 28.04.2016 № 00011/16/37579-SVS «Ob organizacii raboty po ispolneniyu ispolnitel'nyh proizvodstv, svyazannyh s vospitaniem detej» [Elektronnyi resurs.] [Letter of the Federal Bailiffs Service of Russia dated 28.04.2016 No. 00011/16/37579-SVS “On the organization of work on execution of enforcement proceedings related to the upbringing of children”]. Available at: <http://base.garant.ru/71450924/> (Accessed 01.02.2018).

9. Safuanov F.S., Haritonova N.K., Rusakovskaya O.A. Psihologo-psihiatricheskaya ehkspertiza po sudebnym sporam mezhdru roditelyami o vospitanii i meste zhitel'stva rebenka. [Psychological-psychiatric expertise designated under legal claims between parents about the upbringing and place of residence of the child.] Moscow: Genezis, 2011. 192 p.
10. Federal'nyj zakon ot 02.10.2007 № 229-FZ «Ob ispolnitel'nom proizvodstve» [Elektronnyi resurs.] [Federal law dated 02.10.2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings”] // Available at: <http://base.garant.ru/12156199/> (Accessed 01.02.2018).

Агрессивность учащихся средних и старших классов и предпочитаемые ими стили поведения в конфликтной ситуации, гендерный аспект

Шамликашвили Ц. А., кандидат медицинских наук, профессор, заведующая кафедрой медиации в социальной сфере, ФГБОУ ВО МГППУ факультет юридической психологии (office@mediacia.com)

Харитонов С. В., доктор медицинских наук, профессор кафедры медиации в социальной сфере, ФГБОУ ВО МГППУ факультет юридической психологии (sergeyhar@mail.ru)

Пчелинцева Д. Н., младший научный сотрудник, Федеральный институт медиации (ФГБУ ФИМ) (saphirdinara@mail.ru)

Графский В. П., преподаватель кафедры медиации в социальной сфере факультета юридической психологии, ФГБОУ ВО МГППУ (v.grafskiy@fedim.ru)

В работе приводятся результаты исследования склонности учащихся государственного бюджетного образовательного учреждения к проявлениям разных форм агрессии и предпочитаемые ими стратегии поведения в конфликтных ситуациях.

Исследование проводилось на базе одного из государственных бюджетных учреждений г. Москвы и включало в себя данные от 462 детей в возрасте от 11 до 17 лет.

Определено, что в динамике от средних к старшим классам у девочек возрастает склонность к проявлению косвенной агрессии, обиды и вербальной агрессии; у мальчиков нарастает склонность к физической, косвенной и вербальной агрессии и проявлению обиды. Выраженность этих форм проявления агрессии находится на уровне выше среднего.

У учащихся и старших, и средних классов стратегия соперничества не является предпочитаемым выбором поведения в конфликтах, а чаще используются: компромисс и избегание — в старших классах, приспособление и избегание — в средних классах.

Таким образом, конфликтная напряженность в образовательных учреждениях не

ассоциирована с уровнем агрессивности учащихся средних и старших классов. Очевидно, что действуют иные механизмы, которые остаются пока недостаточно изученными.

Ключевые слова: агрессия, конфликт, школа, учащиеся, мальчики, девочки.

Для цитаты:

Шамликашвили Ц.А., Харитонов С.В., Пчелинцева Д.Н., Графский В.П. Агрессивность учащихся средних и старших классов и предпочитаемые ими стили поведения в конфликтной ситуации, гендерный аспект. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 139-152.
doi: 10.17759/psylaw.2018080211

For citation:

Shamlikashvili C.A., Kharitonov S.V., Pchelinceva D.N., Grafsky V.P. Aggressiveness of middle and high school students and their preferred styles of behavior in conflict situations, gender aspect. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo* [Psychology and Law], 2018(8), no. 2. pp. 139-152.
doi: 10.17759/psylaw.2018080211

Введение

Проблема школьной агрессии не раз обсуждалась, как в средствах массовой информации, так и в научных исследованиях, проводимых в образовательных учреждениях. Проблема стоит остро, и ее решение представляется не только важным социальным вопросом в плане формирования психологического общественного климата, но и вопросом общественной безопасности.

Под агрессией, по мнению большинства исследователей, следует понимать тот или иной способ причинения вреда тому, кто этого вреда получить не желает [2]. По формам реализации агрессия может иметь разные проявления. Так, это может быть прямая агрессия, когда вред наносится непосредственными действиями со стороны агрессора. А может быть косвенная, когда действия носят опосредованный характер. При этом известно, что для подростков-мальчиков выражение именно косвенной агрессии оказывается более адаптивной формой поведения, чем проявление физической агрессии [10].

Агрессия по своей природе может иметь характер защитной агрессии (реактивная форма), а может быть направлена на удовлетворение своих нужд за счет причинения вреда другому (проактивная агрессия) [11]. В ходе социализации и по мере взросления ожидается, что ребенок научается контролировать свои агрессивные побуждения [12]. А основными причинами проявления агрессии считают фрустрацию [13], особенности личности [9], выученные паттерны поведения [15] и собственно природу человека вообще [14].

С другой стороны, конфликты с учителями, родителями и сверстниками, столь характерные для подросткового возраста, расцениваются в качестве той самой питательной почвы, которая и дает всходы разных форм проявления подростковой агрессии [4; 7].

В одном из исследований было определено, что у подростков-школьников предпочитаемой стратегией выражения агрессии в условиях конфликта является косвенная и вербальная агрессия. В то время как у их ровесников — учеников кадетских корпусов — преобладает склонность к выражению физической агрессии, ассоциирующаяся с выраженными личностными реакциями самозащиты [1]. Вероятно, это обстоятельство свидетельствует о том, что в природе подростковой агрессии может играть роль не только ее проактивная, но и реактивная формы. Однако исследований, проливающих свет на эту проблему, нами в литературе не было обнаружено.

Цель исследования — определить уровень и характер предпочитаемых форм агрессивного поведения среди учащихся государственных бюджетных образовательных учреждений и используемые ими стратегии поведения в конфликтах.

Материал исследования. Исследование проводилось на основе данных психологического тестирования 462 детей, учащихся ГБОУ школа № 922 г. Москвы. Возраст детей составил 11—17 лет. Из них: учащихся 5-х классов — 42 девочки и 59 мальчиков; учащихся 6-х классов — 59 девочек и 59 мальчиков; учащихся 7-х классов — 58 девочек, 49 мальчиков; учащихся 8-х классов — 38 девочек, 50 мальчиков; учащихся 10-х классов — 31 девочка и 26 мальчиков. Возраст детей: учащихся 5-х классов: 11 лет — 70 человек, 12 лет — 29 человек; учащихся 6-х классов: 12 лет — 76 человек; 13 лет — 40 человек; 14 лет — двое; учащихся 7-х классов: 12 лет — 2 человека, 13 лет — 62 человека, 14 лет — 34 человека; учащихся 8-х классов: 13 лет — 1 человек, 14 лет — 57 человек, 15 лет — 28 человек, 16 лет — 2 человека; учащихся 10-х классов: 15 лет — 4 человека, 16 лет — 40 человек, 17 лет — 13 человек.

Методы исследования.

Опросник агрессивности «Басса—Дарки» — применяется для оценки склонности респондентов к проявлению разных форм агрессии. Опросник включает 75 вопросов. По результатам тестирования дается оценка выраженности таких форм агрессии, как физическая агрессия, косвенная агрессия, вербальная агрессия, раздражение, негативизм, чувство вины, подозрительность и обида. Две последние шкалы обычно используются для оценки враждебности, в то время как под агрессивностью больше принято понимать физическую агрессию, раздражение и вербальную агрессию. В нашем исследовании в обработку были включены только шкалы физической, косвенной, вербальной агрессии, негативизма и обиды. Шкалы, характеризующие враждебность, не обрабатывались.

Опросник валидизирован на русском языке [9], и есть практика его использования у подростков с получением достаточно корректных результатов [6].

Тест описания поведения «Томаса» в адаптации Н.В. Гришиной представляет собой опросник, состоящий из 30 вопросов, на каждый из которых испытуемому предлагается выбрать один из двух вариантов ответа. На основании ответов испытуемого дается оценка склонности респондента к использованию пяти основных стратегий поведения в конфликтах: соревнованию (соперничеству), приспособлению, компромиссу, избеганию, сотрудничеству. Тест «Томаса» может применяться у подростков и имеет достаточно высокие показатели по внутренней валидности [3].

Результаты исследования

По результатам измерения уровня агрессии у девочек 5—6 классов (11—13 лет) с помощью опросника «Басса—Дарки» получены следующие средние баллы и стандартные отклонения: по шкале физической агрессии средний балл составил 35,4 ($\sigma = 24,5$); косвенной агрессии = 38,7 ($\sigma = 21,7$); негативизма = 41,1 ($\sigma = 22,9$); обиды 32,6 ($\sigma = 23,1$); вербальной агрессии 40,5 ($\sigma = 20,4$). По данным теста «Томаса», средние величины и стандартные отклонения составили по шкалам: «Соперничество» = 3,8 ($\sigma = 2,9$), «Сотрудничество» = 6,4 ($\sigma = 1,6$), «Компромисс» = 5,8 ($\sigma = 1,7$), «Избегание» = 6,4 ($\sigma = 2,1$), «Приспособление» = 7,4 ($\sigma = 2,3$).

Эти показатели несколько отличаются от аналогичных у сверстников мальчиков, учеников 5—6 классов (11—13 лет). В опроснике «Басса—Дарки» по шкале физической агрессии средняя величина составила 47,8 балла ($\sigma = 22,1$), косвенная агрессия = 43,7 балла ($\sigma = 22,4$), негативизм = 39,4 ($\sigma = 26,3$), обида = 36,5 ($\sigma = 23,8$), вербальная агрессия = 46,2 ($\sigma = 20$). По тесту «Томаса», средние значения составили по шкалам: «Соперничество» = 4,5 ($\sigma = 2,9$), «Сотрудничество» = 6 ($\sigma = 1,8$), «Компромисс» = 6 ($\sigma = 1,8$), «Избегание» = 6,5 ($\sigma = 2$), «Приспособление» = 6,7 ($\sigma = 2,5$).

Исследование тесноты корреляционной связи проводилось с применением методов непараметрической статистики. В частности, оценивалась ранговая корреляция по R Спирмена и рассчитывалась Тау Кендалла. Теснота корреляционной связи между показателями по шкалам опросника «Басса—Дарки» и теста «Томаса» приведена в табл. 1.

Таблица 1

Корреляционная связь между шкалами опросника «Басса-Дарки» и шкалами теста «Томаса» у мальчиков и девочек 5—6 классов

Тест «Томаса» / Опросник Баса—Дарки	Соперничество		Сотрудничество		Компромисс		Избегание		Приспособление	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Физическая агрессия	R= 0,24* $\tau = 0,17$	R= 0,4* $\tau = 0,27^*$	R= 0,08 $\tau = 0,06$	R= -0,03 $\tau = -0,02$	R= -0,06 $\tau = -0,05$	R= -0,29 $\tau = -0,2$	R= 0,1 $\tau = 0,09$	R= 0,07 $\tau = 0,05$	R= -0,17 $\tau = -0,12$	R= -0,34* $\tau = -0,24^*$
Косвенная агрессия	R= 0,23* $\tau = 0,18$	R= 0,26 $\tau = 0,2$	R= -0,06 $\tau = -0,04$	R= 0,08 $\tau = 0,06$	R= -0,1 $\tau = -0,08$	R= -0,003 $\tau = -0,01$	R= 0,04 $\tau = 0,02$	R= 0,09 $\tau = 0,06$	R= -0,16 $\tau = -0,12$	R= -0,35* $\tau = -0,27^*$

Негативизм	R= 0,14 τ= 0,11	R= 0,36* τ= 0,2	R= -0,07 τ= -0,06	R=- 0,06 τ= -0,05	R= 0,01 τ= 0,01	R=- 0,03 τ=- 0,001	R= - 0,02 τ=- 0,01	R= 0,06 τ=0,04	R=- 0,02 τ=- 0,01	R= -0,27 τ= -0,21
Обида	R= 0,08 τ= 0,07	R= 0,23 τ= 0,18	R= 0,02 τ= 0,01	R= -0,03 τ= -0,02	R= -0,5 τ=-0,07	R= -0,17 τ= -0,11	R=0,0 8 τ= 0,06	R= 0,16 τ= 0,013	R=- 0,14 τ= -0,1	R=- 0,25 τ= -0,2
Вербальная агрессия	R= 0,31* τ= 0,24*	R= -0,08 τ= -0,07	R= -0,05 τ= -0,03	R= 0,07 τ= 0,05	R= -0,1 τ= -0,07	R= 0,12 τ= 0,08	R=- 0,1 τ=- 0,07	R= 0,11 τ= 0,08	R= -0,13 τ= -0,09	R= -0,54* τ= -0,4

Примечание: R — коэффициент ранговой корреляции Спирмена; τ — Тау Кендалла; «*» — уровень значимости более 0,05. Полужирное начертание — коэффициент Спирмена, указывает на не слабую тесноту связи между показателями.

Как видно из приведенных данных, у мальчиков статистически достоверная связь средней плотности обнаруживается только между вербальной агрессией и соперничеством. У девочек, напротив, соперничество отрицательно связано с вербальной агрессией, а более выраженными оказываются проявления физической агрессии. Кроме того, у девочек определена отрицательная связь физической, косвенной и вербальной агрессии с приспособлением.

В старших классах, у детей 14—17 лет, данные несколько отличаются от данных в средних классах. Так, у девочек 8—10 классов по шкалам опросника «Басса—Дарки» получены следующие данные: по шкале физической агрессии средний балл составил 41,3 ($\sigma = 22,6$); косвенной агрессии = 59 ($\sigma = 20,2$); негативизма = 48,7 ($\sigma = 22,6$); обиды 39,5 ($\sigma = 24,5$); вербальной агрессии 55,1 ($\sigma = 17,6$). По данным теста «Томаса». средний балл составил по шкалам: «Соперничество» = 3,8 ($\sigma = 3,2$), «Сотрудничество» = 6,4 ($\sigma = 1,4$), «Компромисс» = 6,9 ($\sigma = 1,8$), «Избегание» = 6,5 ($\sigma = 1,9$), «Приспособление» = 6,2 ($\sigma = 2,8$).

У мальчиков, учащихся 8—10 классов, по данным опросника «Басса-Дарки» определено, что показатели физической агрессии в среднем составили 55,4 ($\sigma = 22,7$), косвенной агрессии = 48,5 балла ($\sigma = 20,1$), негативизма = 51,6 ($\sigma = 24,9$), обиды = 37,2 ($\sigma = 21,5$), вербальной агрессии = 52,2 ($\sigma = 18,9$). По тесту «Томаса», средние значения составили по шкалам: «Соперничество» = 4,6 ($\sigma = 3,3$), «Сотрудничество» = 6 ($\sigma = 2,1$), «Компромисс» = 6,5 ($\sigma = 1,9$), «Избегание» = 6,7 ($\sigma = 1,9$), «Приспособление» = 5,9 ($\sigma = 2,8$).

Результаты непараметрического исследования тесноты корреляционных связей между шкалами опросников приведены в табл. 2.

Таблица 2

Корреляционная связь между шкалами опросника «Басса—Дарки» и шкалами теста «Томаса» у мальчиков и девочек 8—10 классов

Тест «Томаса» / Опросник Баса-Дарки	Соперничество		Сотрудничество		Компромисс		Избегание		Приспособление	
	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.	М.	Ж.
Физическая агрессия	R= 0,29 τ= 0,22	R= 0,37* τ= 0,28*	R= -0,005 τ= -0,005	R= -0,19 τ= -0,14	R= 0,1 τ= 0,1	R= -0,08 τ= -0,05	R= 0,007 τ= 0,008	R= -0,15 τ= -0,11	R= -0,4* τ= -0,33*	R= -0,13 τ= -0,1
Косвенная агрессия	R= 0,03 τ= 0,03	R= 0,3* τ= 0,23*	R= 0,14 τ= 0,1	R= -0,04 τ= -0,03	R= 0,1 τ= -0,08	R= 0,1 τ= 0,1	R= -0,1 τ= -0,09	R= -0,15 τ= -0,11	R= -0,01 τ= -0,01	R= -0,3* τ= -0,23
Негативизм	R= 0,26* τ= 0,2*	R= 0,22 τ= 0,18*	R=-0,004 τ=-0,002	R= -0,2 τ= -0,15	R= -0,15 τ= -0,11	R= 0,15 τ= 0,1	R=-0,01 τ=-0,004	R= 0,14 τ= 0,1	R= -0,15 τ= -0,11	R= -0,32* τ= 0,25*
Обида	R= 0,06 τ= 0,05	R= 0,03 τ= 0,02	R= 0,04 τ= 0,03	R= 0,02 τ= 0,01	R=-0,14 τ=-0,11	R=-0,13 τ=-0,1	R= 0,09 τ= 0,07	R= -0,02 τ= -0,01	R= 0,02 τ= 0,02	R= 0,14 τ= 0,1
Вербальная агрессия	R= 0,26* τ= 0,18*	R= 0,43* τ= 0,33*	R= 0,11 τ= 0,7	R=-0,1 τ=-0,09	R=-0,2 τ=-0,16	R=-0,02 τ=-0,01	R= -0,2 τ= 0,15	R= -0,05 τ= -0,03	R= -0,09 τ= -0,06	R= -0,35* τ= -0,25*

Примечание: R — коэффициент ранговой корреляции Спирмена; τ — Тау Кендалла; «*» — уровень значимости более 0,05. Полу жирное начертание — коэффициент Спирмена, указывает на не слабую тесноту связи между показателями.

Как видно из полученных данных, у мальчиков старших классов средняя теснота отрицательной корреляционной связи определяется только по связи между физической агрессией и приспособлением.

У девочек имеется положительная корреляция между соперничеством, с одной стороны, и склонностью к физической и вербальной агрессии — с другой стороны. В тоже время стратегия приспособления отрицательно связана с косвенной, вербальной агрессией и негативизмом.

В динамике от 5—6 к 8—10 классам у девочек наблюдаются достаточно существенные изменения в проявлениях разных форм агрессии и в рамках соперничества, и в рамках приспособления. Для наглядности данные приведены в графическом виде на рис. 1.

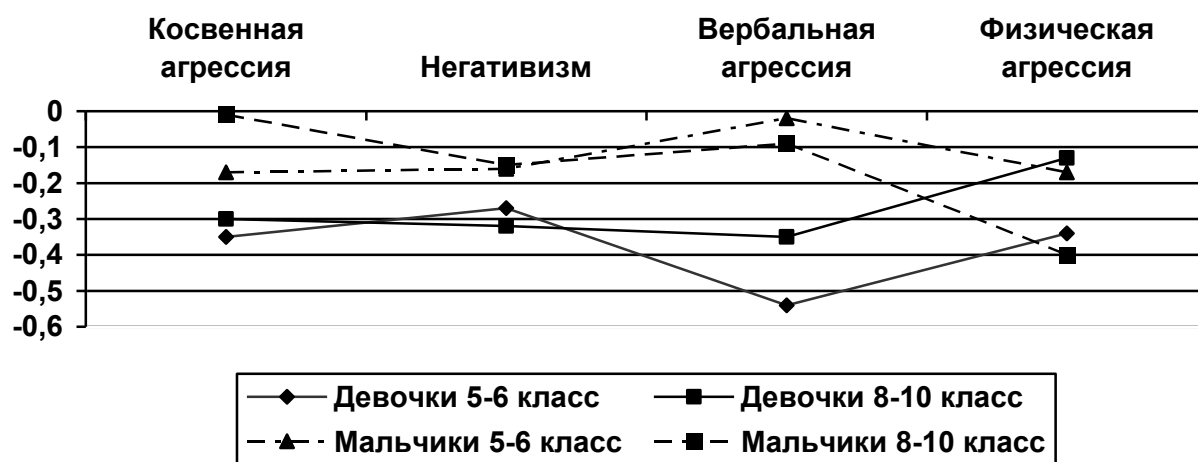

Рис. 1. Связь разных форм агрессии со стратегией приспособления у девочек и мальчиков в средних и старших классах

На графике видно, что у мальчиков изменения носят менее выраженный характер, чем у девочек, и в основном заметны по динамике такой стратегии, как «физическая агрессия».

Динамика разных форм агрессии в связи со стратегией соперничества представлена графически на рис. 2.

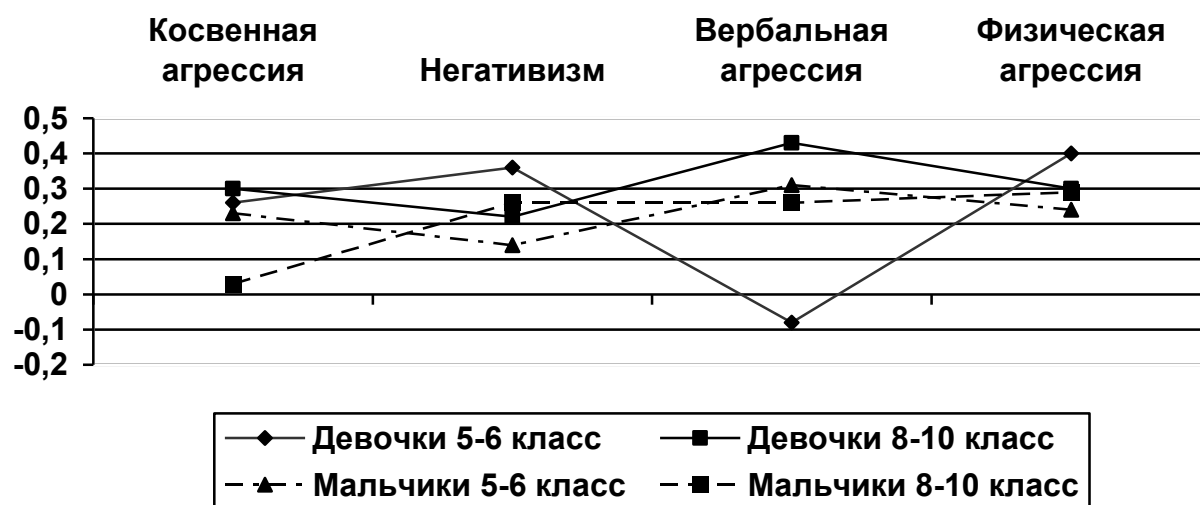

Рис. 2. Связь разных форм агрессии со стратегией соперничества у девочек и мальчиков в средних и старших классах

На графике видно, что для стратегии соперничества у мальчиков характерной является динамика снижения (с возрастом) роли косвенной агрессии, роста негативизма, а так же незначительные колебания связи вербальной и физической агрессии в связи с конфликтным поведением.

Для девочек характерна динамика с существенными изменениями в проявлениях вербальной агрессии, отмечают меньше негативизма и физической агрессии и незначительные колебания связи с конфликтным поведением косвенных форм агрессии.

Обсуждение

Полученные при использовании опросника «Баса—Дарки» результаты свидетельствуют о том, что у девочек средних классов имеется повышенный уровень косвенной агрессии, остальные формы агрессивного поведения находятся в диапазоне средних величин. У старшеклассниц уровень косвенной агрессии оказывается еще более выраженным и достигает границы высокого уровня. Достигает повышенного уровня и такая форма поведения, как обида и склонность к проявлению вербальной агрессии.

У мальчиков, учеников 5—6 классов, имеется повышенный уровень склонности к косвенной агрессии и, возможно, обиды (пограничный уровень). В старших классах имеется повышенный уровень склонности к физической агрессии, косвенной агрессии, обиды и вербальных форм агрессии.

По тесту «Томаса» у девочек 5—6 классов выявляется склонность, в порядке убывания, к такому поведению в конфликтах, как «Приспособление», «Избегание» и «Сотрудничество», «Компромисс», «Соперничество». К старшим классам ситуация меняется, и предпочитаемыми формами становятся, в порядке убывания: «Компромисс», «Избегание», «Сотрудничество», «Приспособление» «Соперничество». Это говорит о том, что учащиеся предпочитают в конфликтах использовать неагрессивные стратегии поведения. Но при этом их агрессивность явно повышена, что может объясняться только активностью самозащиты.

У мальчиков средних классов стратегия соперничества и склонность к проявлениям вербальной агрессии оказались связанными в большей мере, чем другие способы агрессии. У девочек средних классов, напротив, вербальная агрессия стремится к отрицательному типу связи со стратегией соперничества. Иначе говоря, соперничающим девочкам не свойственна вербальная агрессия в отличие от мальчиков. С другой стороны, для девочек в значительно большей мере, чем для мальчиков, оказались свойственны связь соперничества и склонности к проявлению физической агрессии и негативизма.

Стратегии сотрудничества, компромисса и избегания, как у мальчиков, так и у девочек средних классов оказались слабо связанными с проявлениями разных форм агрессии, что выглядит ожидаемым и естественным.

Любопытными оказываются результаты сопоставления данных по шкале «Приспособление» теста «Томаса» и ряду шкал опросника «Басса—Дарки». Так, у девочек физическая, косвенная и вербальная агрессия имели среднюю тесноту обратной связи со стратегией приспособления. Что выглядит как адекватная социализация. У мальчиков эта отрицательная связь оказалась значительно слабее, чем у девочек, а по такой черте, как негативизм, и вовсе незначительная, что указывает на особенности механизмов социализации у мальчиков в отличие от девочек.

У девочек старших классов соперничество уже может сочетаться со склонностью и к физической, и к косвенной, и к вербальной агрессии со снижением доли негативизма, что свидетельствует о существенных изменениях в репертуаре агрессивных форм соперничества и, вероятно, связано с ростом социальной компетентности в этих вопросах.

У мальчиков 8—10 классов связи агрессивных форм поведения и соперничества оказались слабо связанными. Стратегии сотрудничества, компромисса и избегания у старшеклассников ожидаемо оказались слабо связанными с проявлениями агрессии.

Для стратегии приспособления у старшеклассниц оказались несвойственными (отрицательная, достоверная связь) такие проявления агрессии, как косвенная, вербальная агрессия и негативизм. Для мальчиков достоверно несвойственной оказалась связь стратегии приспособления и физической агрессии.

Полученные данные свидетельствуют о том, что и у девочек, и у мальчиков от средней школы к старшей происходят изменения в предпочитаемых стратегиях поведения в конфликтных ситуациях и проявлениях агрессии.

Выводы

1. В динамике от средних к старшим классам у девочек наблюдается рост склонности к проявлению косвенной агрессии, обиды и вербальной агрессии, при выраженности этих форм поведения выше среднего уровня.

2. У мальчиков за аналогичный период фиксируется нарастание склонности к физической агрессии, косвенной агрессии, обиды и вербальных форм агрессии, при выраженности этих форм агрессивного поведения выше, чем средний уровень.

3. У мальчиков возрастная динамика связи разных форм агрессии и конфликтного

поведения характеризуется трендом к снижению косвенной агрессии, заметному росту негативизма и незначительным колебаниям связи вербальной и физической агрессии.

4. Девочки обнаруживают тенденцию с возрастом существенно больше использовать вербальные формы агрессии в конфликтном поведении, несколько меньше используют негативизм и физическую агрессию, при незначительных колебаниях косвенных форм агрессии. В старших классах, в рамках стратегии приспособления в конфликте, наименее приемлемой формой поведения у девочек является негативизм, а у мальчиков — физическая агрессия.

5. И у мальчиков, и у девочек старших и средних классов стратегия соперничества не является предпочитаемым выбором. Дети чаще используют компромисс и избегание в старших классах, а приспособление и избегание в — средних классах. Очевидно, что такие стратегии поведения не могут быть связаны с проактивной агрессией, следовательно, речь идет о реактивных ее формах (агрессии, направленной на самозащиту). Таким образом, конфликтная напряженность в образовательных учреждениях не может объясняться только агрессивностью учащихся средних и старших классов и это требует более глубоких и серьезных исследований.

Литература

1. *Абрамова А.А., Кузнецова С.О.* Взаимосвязь проявлений агрессивности с типом социализации в подростковом возрасте. // В книге: XVI Съезд психиатров России. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием "Психиатрия на этапах реформ: проблемы и перспективы" Тезисы. 2015. С. 266.
2. *Бэрн Р., Ричардсон Д.* Агрессия. СПб.: Питер, 2014. С. 28.
3. *Кардашина С.В., Шаньгина Н.В.* Психометрические характеристики русскоязычной версии опросника К. «Томаса» — Р. Килманна ("Thomas-Kilmann conflict mode instrument -TRI-R") // Педагогическое образование в России. 2016. № 11. С. 216—228.]
4. *Ким А.Л., Иванова М.С.* Агрессия у подростков // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2015. Т. 5. № 12. С. 1476.
5. Минкомсвязь: блокировка групп, призывающих к резне в школах, начнется 19 января {Электронный ресурс} // ТАСС. 19.01.2018. URL: <http://tass.ru/obschestvo/4885965> (дата обращения: 28.01.2018).
6. *Семенюк Л.М.* Психологические особенности агрессивного поведения подростка. — М.-Воронеж, 1996 [Электронный ресурс]. URL: http://www.studmed.ru/view/semenyuk-lm-psihologicheskie-osobennosti-agressivnogo-povedeniya-podrostkov-i-usloviya-ego-korrekcii_26a5b056775.html (дата обращения 27.03.2018)]
7. *Тот-Кочиш Ч.* Драматическая педагогика в профилактике школьных конфликтов. Социальный аспект // Социальная педагогика в России. Научно-методический журнал. 2017. № 5. С. 29—36.
8. *Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А.* Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки // Психологическая диагностика. 2008. № 1. С. 35—58.]

9. Хван А.А., Зайцев Ю.А., Кузнецова Ю.А. Стандартизация опросника А. Басса и А. Дарки // *Психологическая диагностика*. 2008. № 1. С. 35—58.
10. Bandura A. *Aggression: A social learning analysis*. Englewood cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, inc., 1973. 323 p.
11. Berkowitz L. Impulse, aggression, and the gun // *Psychology Today*, 2 (4), 18-22.
12. Dodge K.A., Coie J.D. Social information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. 53(6). P. 1146—1158.
13. Gómez J.M., Verdú M., González-Megías A. The phylogenetic roots of human lethal violence // *Nature*. 2016. Vol. 538. P. 233—237.
14. Miller N.E. Theory and experiment relating psychoanalytic displacement to stimulus-response generalization // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1948. 43. P. 155—178.
15. Steven A., Vaillancourt T. A multi-informant longitudinal study on the relationship between aggression, peer victimization, and dating status in adolescence // *Evolutionary Psychology*. 2012. Vol. 10. №. 2. P. 253—270.

Aggressiveness of middle and high school students and their preferred styles of behavior in conflict situations, gender aspect

Shamlikashvili Ts. A., Candidate of medical Sciences, Professor, head of the chair of mediation in the social sphere of MGPPU faculty of legal psychology (office@mediacia.com)

Kharitonov S. V., Doctor of Medicine, Professor of the chair of mediation in the social sphere of MGPPU faculty of legal psychology (sergeyhar@mail.ru)

Pchelintseva D. N., junior researcher at the Federal Institute of mediation (saphirdinara@mail.ru)

Grafsky V. P., lecturer of the chair of mediation in the social sphere of the faculty of legal psychology of MGPPU faculty of legal psychology (v.grafskiy@fedim.ru)

The paper presents the results of a study of the propensity of students of the state budgetary educational institution to manifestations of various forms of aggression and their preferred strategies of behavior in conflict situations.

The study was conducted on the basis of one of the state budgetary institutions of Moscow and included data from 462 children aged 11 to 17 years.

It is defined that in dynamics from middle to senior classes at girls the tendency to manifestation of indirect aggression, offense and verbal aggression increases, at boys the tendency to physical, indirect and verbal aggression and offense increases. The severity of these forms of aggression is at levels — above average.

In high and middle school students, the strategy of rivalry is not the preferred choice of behavior in conflict, but rather compromise and avoidance in high school and adaptation and avoidance in middle school.

Thus, conflict tensions in educational institutions are not associated with the level of aggressiveness of secondary and higher school students. It is obvious that there are other mechanisms that remain insufficiently studied.

Key words: aggression, conflict, school, pupils, boys, girls.

References

1. Abramova A.A., Kuznecova S.O. Vzaimosvyaz' proyavlenij agressivnosti s tipom socializacii v podrostkovom vozraste. V knige: XVI S"ezd psihiatrov Rossii. Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya s mezhdunarodnym uchastiem "Psihiatriya na ehtapah reform: problemy i perspektivy" Tezisy. [The relationship of aggressiveness with the type of socialization in adolescence. // In the book: XVI Congress of psychiatrists of Russia. All-Russian scientific and practical conference with international participation "Psychiatry at the stages of reforms: problems and prospects" Theses.] 2015.266 p.
2. Behron R., Richardson D. Agressiya. [Aggression]. Saint Petersburg: Publ. «Piter», 2014. 28p.
3. Kardashina S.V., SHan'gina N.V. Psihometricheskie harakteristiki russkoyazychnoj versii oprosnika K.Tomasa — R.Kilmanna ("Thomas-Kilmann conflict mode instrument -TRI-R") [Psychometric characteristics of the Russian version of the questionnaire C.Thomas — R.Kilmann] *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*. 2016. № 11. pp. 216-228.
4. Kim A.L., Ivanova M.S. Agressiya u podrostkov. Byulleten' medicinskih internet-konferencij. [Aggression in adolescents // Bulletin of medical Internet conferences.] 2015. Vol. 5. no.12. p. 1476.
5. Minkomsvyaz': blokirovka grupp, prizyvayushchih k rezne v shkolah, nachnetsya 19 yanvarya. TASS. [The Ministry of communications: lock groups calling for massacres in schools, will begin on January 19 (Electronic resource)] // TASS] 19.01.2018. Available at: <http://tass.ru/obschestvo/4885965> (Accessed 28.01.2018).
6. Semenyuk L.M. Psihologicheskie osobennosti agressivnogo povedeniya podrostka. [Psychological features of aggressive behavior of a teenager.] — Moscow-Voronezh, 1996 [Elektronnyj resurs]. Available at: http://www.studmed.ru/view/semenyuk-lm-psihologicheskie-osobennosti-agressivnogo-povedeniya-podrostkov-i-usloviya-ego-korrekcii_26a5b056775.html (Accessed 27.03.2018)]
7. Tot-Kochish CH. Dramaticheskaya pedagogika v profilaktike shkol'nyh konfliktov. Social'nyj aspekt. Social'naya pedagogika v Rossii. Nauchno-metodicheskij zhurnal. [Dramatic pedagogy in the prevention of school conflicts. Social aspect // Social pedagogy in Russia. Scientific and methodical journal.] 2017. no. 5. pp. 29-36.
8. Hvan A.A., Zajcev Yu.A., Kuznecova YU.A. Standartizaciya oprosnika A.Bassa i A.Darki. Psihologicheskaya diagnostika [Standardization of the questionnaire A.Bass and A.Darki // Psychological diagnostics.], 2008, no. 1, pp. 35-58.]
9. Hvan A.A., Zajcev Yu.A., Kuznecova Yu.A. Standartizaciya oprosnika A.Bassa i A.Darki. Psihologicheskaya diagnostika [Standardization of the questionnaire A.Bass and A.Darki // Psychological diagnostics.], 2008, no. 1, pp. 35-58.
10. Steven Arnocky, Tracy Vaillancourt. A multi-informant longitudinal study on the relationship between aggression, peer victimization, and dating status in adolescence.

Evolutionary Psychology. 2012. V. 10. No. 2. pp. 253—270.

11. Dodge K.A., Coie J.D. Social information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1987. 53(6). pp. 1146—1158.
12. Miller N.E. Theory and experiment relating psychoanalytic displacement to stimulus-response generalization. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 1948, 43, pp.155-178.
13. Berkowitz, L. Impulse, aggression, and the gun. *Psychology Today*, 2 (4), pp. 18-22.
14. José María Gómez, Miguel Verdú, Adela González-Megías & Marcos Méndez. The phylogenetic roots of human lethal violence . *Nature*. 2016. Volume 538, pp. 233—237.
15. Bandura A. *Agression: A social learning analysis*. Englewood cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, inc., 1973. 323 p.

Проблема использования психологических познаний при решении семейных споров о детях в гражданском судопроизводстве

Терехина С.А., кандидат психологических наук, доцент, старший научный сотрудник
Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ «Национальный
медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского»
Минздрава России (svterek@gmail.com)

Ошевский Д.С., кандидат психологических наук, доцент, старший научный
сотрудник Лаборатории психологии детского и подросткового возраста, ФГБУ
«Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им.
В.П. Сербского» Минздрава России, доцент кафедры юридической психологии и права,
ФГБОУ ВО МГППУ (oshevsky@serbsky.ru)

Статья посвящена анализу проблем, возникающих при использовании специальных психологических познаний в гражданском судопроизводстве при рассмотрении семейных споров о детях при разводе. На материале гражданских дел, а также рецензий на психологические заключения, составленных по запросу адвокатов, было показано, что значительная часть психологических заключений выполнена на низком профессиональном уровне, не отвечает необходимым требованиям, вследствие чего не может быть использована в качестве оснований для принятия судебных решений по семейным спорам о детях в гражданском процессе. В статье выделены группы типичных ошибок, совершаемых психологами при выполнении обследования несовершеннолетних в ситуации развода в семье и подготовке заключения. Подробно освещены организационно-правовые, методологические, структурные и этико-деонтологические ошибки. Намечены шаги по изменению сложившейся практики использования психологических познаний в гражданских делах по защите интересов ребенка при разводе.

Ключевые слова: развод, семейные споры о детях, интересы ребенка, гражданское судопроизводство, судебно-психологическая экспертиза, комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза.

Для цитаты:

Терехина С.А., Ошевский Д.С. Проблема использования психологических познаний при решении семейных споров о детях в гражданском судопроизводстве. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 153-164. doi: 10.17759/psylaw.2018080212

For citation:

Terekhina S.A., Oshevsky D.S. The problem of using psychological knowledge in family disputes over children in civil legal proceedings. [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo [Psychology and Law]*, 2018(8), no. 2. pp. 153-164. doi: 10.17759/psylaw.2018080212

Анализ современного состояния института семьи в России свидетельствует о его серьезной трансформации, происходящей на протяжении последних десятилетий. Одной из наиболее характерных тенденций, сопровождающих этот процесс, является высокий процент разводов. Согласно данным Росстата число распавшихся семей в России в 2016 г. достигло 608336, и около половины из них составляют семьи с детьми. Несмотря на тот факт, что официальная статистика не позволяет получить полное представление о распространенности разводов в отдельных регионах нашей страны, в целом следует констатировать отсутствие стабильности в российских семьях, воспитывающих детей [3; 11].

При разводе бывшим супругам помимо проблем, связанных с разделом совместного имущества, необходимо решить вопросы, затрагивающие интересы их детей. Среди них наиболее важными являются: определение места жительства детей после развода, а также установление порядка участия отдельно проживающего родителя в их воспитании. В настоящее время широко распространенным вариантом решения спорных вопросов о детях при разводе стало судебное разбирательство, инициируемое одним из родителей в рамках гражданского судопроизводства. Поскольку семейные проблемы, возникающие в ситуации развода, в значительной степени имеют психологический характер, решение спорных вопросов о детях обуславливает необходимость использования специальных познаний в области психологии. В связи с этим существенно расширяется практика привлечения специалистов в области детской психологии и психологии семьи к участию на разных этапах судебного процесса. Согласно действующей редакции Гражданского процессуального кодекса РФ (далее ГПК РФ) и Закону о государственной судебно-экспертной деятельности в РФ (далее ФЗ «о СЭД») психолог в гражданском судопроизводстве может выступать в качестве эксперта или специалиста [2; 12], при этом характер выполняемой им работы и форма представления ее результатов существенно различаются. Привлечение психолога к выполнению экспертной деятельности может осуществляться в разных вариантах: однородные судебные психологические экспертизы (СПЭ), комплексные судебные психолого-педагогические и комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы (КСПЭ). Распространенность назначения гражданскими судами первой инстанции экспертных исследований по делам, связанным с воспитанием детей при разводе, остается стабильно высокой. Согласно данным ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» число проведенных в Центре экспертиз по семейным спорам о детях в гражданском процессе за последние 10 лет увеличилось приблизительно в 7 раз [5]. Однако, как показывает анализ современной судебной практики, к выполнению такой деятельности наряду с сотрудниками государственных экспертных учреждениях все чаще привлекаются специалисты негосударственных организаций, педагоги-психологи системы образования, работники психолого-медико-социальных центров, частнопрактикующие психологи. Многие из них прошли обучение на курсах повышения квалификации по судебной психологии, что позволяет им принимать участие в гражданском судопроизводстве по семейным делам. Для некоторых таких специалистов проведение

обследований детей и подростков в ситуации развода и составление заключений для судебных органов становится их регулярной практикой помимо основной сферы профессиональной деятельности. Вместе с тем предоставляемые ими заключения зачастую отличаются крайне низким качеством и не соответствуют требованиям, предъявляемым к такого рода документам [2]. Поскольку подобные исследования напрямую связаны с вопросами защиты интересов несовершеннолетних, сложившаяся ситуация не может не вызывать обоснованного беспокойства как у представителей экспертного сообщества, так и у юристов, специализирующихся в области семейного права. Помимо прочего низкое качество выполненной работы, несоблюдение методологических принципов, этических норм и правил способно привести к дискредитации самой профессии психолога в широких слоях общества.

В научно-методической литературе уже были рассмотрены проблемы, связанные с использованием специальных клинико-психологических познаний в гражданском судопроизводстве в делах по семейным спорам о детях [6]. Однако за последние годы ситуация не только не улучшилась, а скорее наоборот, еще более усугубилась, приобретая порой совершенно неприемлемые формы. В настоящей публикации сделана попытка более детального анализа существующей практики использования психологических знаний при судебном рассмотрении семейных споров о детях.

Цель исследования – описание типичных ошибок, совершаемых психологами при проведении обследований несовершеннолетних и подготовке заключений в рамках гражданского судопроизводства, связанного с защитой их прав и интересов при разводе родителей.

Материал исследования

В ходе исследования были проанализированы 30 заключений психолога, содержащихся в материалах гражданских дел при проведении КСППЭ по делам о защите интересов несовершеннолетних при разводе, а также 30 заключений специалиста, составленных в рамках осуществления деятельности специалиста при оказании консультативно-диагностической помощи адвокатам на базе ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава России.

Результаты анализа

Проведенная аналитическая работа позволяет констатировать в целом крайне низкий профессиональный уровень психологических заключений, составленных по данным обследования несовершеннолетних в ситуации развода в семье. Заключения, содержащиеся в материалах гражданских дел, несмотря на значительный объем некоторых из них, также в значительном числе случаев (около 90% всех заключений) не соответствовали необходимому уровню требований. Более 80% психологических заключений, представленных для анализа адвокатами одной из спорящих сторон, послужили материалом для написания специалистом-психологом рецензий, содержащих существенные критические замечания. Рассмотрение данных документов на предмет их объективности, всесторонности, полноты, достоверности и научной обоснованности позволило специалисту сделать вывод о наличии в заключениях существенных и принципиальных недочетов, а также нарушений психологом пределов своей профессиональной компетенции. Исключения, как правило, составляли психологические

обследования несовершеннолетних, выполненные в рамках КСППЭ психологами, работающими в государственных судебно-экспертных учреждениях.

При всем многообразии совершаемых психологами ошибок и недочетов их можно условно разделить на несколько основных групп. Первую группу составляют так называемые **организационно-правовые** ошибки. Так, они могут быть связаны с формой привлечения специальных знаний и заключаются в несоблюдении психологом юридических оснований и правил при назначении судебной экспертизы. На практике часто встречаются экспертные обследования несовершеннолетних, проведенные психологом по запросу одной из спорящих сторон, представителей защиты, органов опеки и попечительства, судебных приставов и т.п. В данном случае нарушаются положения ст.ст. 79 и 80 ГПК РФ, согласно которым обязательным юридическим основанием для проведения подобных исследований может выступать исключительно определение суда [2].

Другой, часто встречающейся ошибкой организационно-правового характера является несоответствие вида экспертизы, указанного в названии, ее содержательному наполнению. Причины этого, на наш взгляд, кроются в недостаточной осведомленности как самих органов судопроизводства, так и специалистов, выполняющих психологическое исследование, о различных видах экспертизы. Зачастую в ситуации развода родителей судебными органами назначается психолого-педагогическое экспертное обследование несовершеннолетнего взамен однородной СПЭ или, при необходимости, КСППЭ. (Вопрос о целесообразности изучения закономерностей воспитания и образования применительно к конкретному несовершеннолетнему для принятия судебных решений по семейным спорам в ситуации развода мы оставляем за рамками данной статьи). Использование такого вида экспертизы предполагает одновременное привлечение специальных познаний в области психологии и педагогики с проведением полноценного исследования в рамках обеих специальностей. На практике единоличным экспертом в таких случаях выступает педагог-психолог, который проводит исключительно психологическое исследование, не прибегая к изучению педагогических аспектов, связанных с обучением и воспитанием несовершеннолетнего. При неуведомлении судебных органов об этом несоответствии психолог нарушает формальные правила, самостоятельно меняя вид экспертного исследования.

Еще одна проблема связана с содержанием экспертного задания и способом его выполнения психологом. Изначально содержащееся в определении суда экспертное задание может быть сформулировано не вполне корректно. Это наблюдается по причине того, что в соответствии с гражданским законодательством каждая из сторон может предлагать собственные вопросы к психологу и включать их в судебное определение в авторской формулировке, а также недостаточно устоявшейся практики формирования экспертного задания. Основной ошибкой психолога в данном случае является безусловное принятие и выполнение экспертного задания без учета пределов своей профессиональной компетентности. Например, в таких заключениях психолог берет на себя необоснованную ответственность за определение места проживания несовершеннолетнего, либо за установление порядка его общения с отдельно проживающим родителем. В то же время, согласно ст. 24 Семейного Кодекса РФ [9] эти вопросы должны решаться самими родителями путем заключения мирового соглашения, а при невозможности его достичь - судебными органами. Так, в одном из заключений психолог рекомендует «исключить очные встречи ребенка с отцом на период до завершения учебного времени, а в

последующем в соответствии с мотивационной направленностью отца по развлечению детей рекомендуется однократный в неделю (по выходным) режим встреч познавательного, экскурсионного и внешне впечатляющего характера». В другом случае специалист делает вывод о необходимости организации встреч ребенка с отцом «исключительно в присутствии матери», что помимо прочего свидетельствует о неосведомленности специалиста о специфике формирования детско-родительских отношений в условиях семейного конфликта. Кроме того, нарушения психологом пределов собственной компетенции могут проявляться в установлении несовершеннолетнему клинического диагноза, построении прогноза развития той или иной психической патологии и рекомендациях по лечению, что является компетенцией эксперта-психиатра. Примером некорректных выводов такого рода может служить квалификация психологом у ребенка невротического расстройства с рекомендацией приема фитотерапевтических средств.

В качестве основной ошибки в рамках внеэкспертной деятельности психолога выступает составление заключения по результатам очного обследования несовершеннолетнего и/или его родителей, которое фактически подменяет собой экспертное исследование. Такой документ может носить различные названия (заключение специалиста, психологическое заключение, консультационная справка, результаты психологического обследования несовершеннолетнего и т.д.). Вместе с тем анализ их содержания свидетельствует о том, что в значительном числе случаев психолог в них решает вопросы, традиционно составляющие предмет судебно-экспертного исследования [8].

Одним из важных требований при проведении психологического обследования несовершеннолетних как в рамках экспертной, так и психодиагностической работы выступает наличие специально подготовленного и оборудованного необходимой мебелью и комплектом разнообразных игровых средств и наглядных материалов помещения [10]. В связи с этим одной из существенных организационных ошибок является выбор ненадлежащего места для проведения исследований. При рецензировании психологических заключений в нашей практике встречались случаи, когда обследование ребенка психологом проводилось в полуподвальных помещениях со слабым освещением, в гостиничных номерах, холлах отеля и т.п. Подобные варианты деятельности психолога следует расценивать как абсолютно недопустимые и профессионально безграмотные.

Следующая **группа ошибок**, вызывающая особую тревогу специалистов, **связана с несоблюдением методологических и методических** принципов. В уголовном процессе вопросам полноты, методологической обоснованности и методического обеспечения, а также алгоритмам проведения СПЭ и КСПЭ в течение последних десятилетий уделялось достаточно много внимания [4]. По сравнению с этим в гражданском судопроизводстве эти аспекты проработаны в значительно меньшей степени, что в свою очередь, негативно отражается на сложившейся экспертной практике. Одновременно с этим есть существенные пробелы и в правовой регуляции деятельности специалистов. Тем не менее, требования полноты, всесторонности и научной обоснованности (ст. 8 ГЗ «О ГСЭД») должны быть соблюдены для принятия объективного решения по семейным спорам, связанным с защитой интересов детей.

Методология проведения научных исследований предполагает соблюдение строгих требований к выбору методов и методик исследования, процедуре планирования и проведения исследования, описанию полученных результатов и их интерпретации.

Судебно-экспертное исследование является родовым от общенаучных методов познания, при этом конкретные требования регламентируются положениями ст. 8 ГЗ о СДЭД, а в гражданском судопроизводстве - ст.ст. 85, 86 ГПК РФ [2; 12]. В соответствии с этими нормами заключение эксперта должно отвечать требованиям объективности, полноты, всесторонности и научной обоснованности. Реализация этих требований предполагает, что экспертом будут использованы необходимые и достаточные методы исследования, подобранные с учетом возрастной специфики обследуемых, апробированные, надежные и валидные методики (рекомендованные к использованию в соответствующих методических разработках). В соответствии с методологическими принципами деятельность психолога в рамках психодиагностического исследования (в том числе и экспертного) должна носить целенаправленный, заранее спланированный и последовательный характер, предполагать определенный алгоритм действий психолога, направленный на решение задач, поставленных перед ним судебными органами [10].

На практике при обследовании несовершеннолетних, находящихся в ситуации развода, эти положения и требования зачастую не соблюдаются. Анализ психологических заключений несовершеннолетних в ситуации развода показал, что в 90% проанализированных случаев психологом не проводилось полноценное экспериментально-психологическое обследование и не использовались в необходимом объеме психологические методики. Отсутствовала предварительная работа по планированию обследования ребенка, на основании содержания заключения невозможно было выделить те диагностические задачи, которые ставил перед собой специалист. В результате выбор методических средств производился им хаотично и не был обоснованным. Также в заключениях отсутствовали результаты исследования особенностей мыслительной деятельности, мнестических процессов, особенностей восприятия, системы представлений об окружающем мире, специфики протекания эмоциональных реакций, индивидуально-психологических особенностей. Они могли подменяться совокупностью субъективных, ничем не подкрепленных суждений, данными, носящими отрывочный или сравнительный характер. Высказывания специалиста о сфере взаимоотношений ребенка с родителями, его реакциях на ситуацию развода, представлениях о своей семье и предпочитаемом исходе сложившейся семейной ситуации были построены исключительно на основе беседы с ребенком и, как правило, одним из его родителей, а также результатов включенного динамического наблюдения за поведением несовершеннолетнего. Результатом такого «обследования» становились субъективные, предвзятые, односторонние, а нередко и бытовые суждения психолога, которые оформлялись им в виде заключения специалиста.

Основным принципом при исследовании сложных психологических феноменов является структурно-динамический анализ. В отношении несовершеннолетних участников судопроизводства реализация данного принципа предполагает всестороннюю оценку особенностей протекания психического развития детей и подростков на всех возрастных этапах. Для достижения этой цели необходимым условием выступает *объективизация* полученных в ходе исследования результатов путем их соотнесения с данными, полученными из разных источников (медицинская документация, характеристики из учебных и воспитательных учреждений и т.д.). При проведении судебной экспертизы эта работа составляет отдельный самостоятельный этап деятельности психолога (психологический анализ материалов гражданского дела). Однако, как показывает практика, во многих случаях эта работа психологом не проводится, либо подменяется использованием при составлении заключения отдельных

фрагментарных сведений, полученных в ходе беседы с родителями ребенка или самим ребенком.

Проведение экспертных психологических исследований несовершеннолетних опирается на безусловное соблюдение базовых принципов и положений возрастной психологии. В качестве общепризнанной и основополагающей в современной психологии развития является концепция возраста [13]. В соответствии с данной концепцией основными характеристиками психического развития ребенка выступают: «социальная ситуация развития», «возрастные новообразования», «ведущая деятельность» и «зона ближайшего развития». Методология проведения психодиагностических исследований несовершеннолетних [1; 8] распространяется и на область экспертных исследований детей и подростков. Она охватывает все сферы психической деятельности, включает подробный анализ психического развития ребенка с привлечением различных источников информации. Таким образом, адекватному и обоснованному решению экспертных вопросов должно предшествовать соотнесение индивидуальных параметров психического развития несовершеннолетнего с нормами в рамках соответствующего возрастного периода. Решение этой задачи включает в себя изучение различных процессов и сфер его психической деятельности. В рамках общей методологии проведения судебно-экспертных исследований несовершеннолетних в гражданском процессе были разработаны и предложены к использованию соответствующие диагностические комплексы. Они включают полный комплект разных по классу методик, направленных на изучение различных сфер психической деятельности и системы значимых социальных взаимоотношений с учетом возрастных особенностей ребенка, а также уровня его психического развития [10].

При включении в процедуру обследования ребенка каких-либо методических приемов, их выбор свидетельствовал о недостаточном уровне квалификации специалиста или его слабой ориентации в существующих психодиагностических средствах. Так, при обследовании несовершеннолетних часто встречается использование не апробированных и не интегрированных в судебно-экспертную практику методик (проективные методики «Кактус», «Рисунок вазы», «Человек под дождем», «Волшебная палочка», «Дудочка», «Железный человек», «Методика звуковой диагностики»). Перечисленные выше методики и их аналоги могут быть использованы при проведении диагностических обследований несовершеннолетних при условии дополнения их другими методическими средствами. В то же время широкое их применение в сочетании с некорректными, субъективно окрашенными интерпретациями следует рассматривать как недопустимое. Еще одним видом ошибок психолога при проведении психодиагностического исследования несовершеннолетних является использование методических средств, не соответствующих возрастным возможностям обследуемых детей. В качестве примера может служить использование теста на определение уровня школьной тревожности Филлипса при диагностике ребенка 5-летнего возраста.

Отдельной проблемой является некорректная интерпретация результатов обследования. В большей степени это касается качественной трактовки и представления данных, полученных при помощи проективных методик. Зачастую при интерпретации результатов специалисты опираются на сомнительные критерии, которые не могут считаться общепринятыми, вследствие чего их оценки отличаются выраженным субъективизмом, а описания носят мозаичный характер. Так, некритичное использование опубликованных перечней признаков трактовки проективной продукции приводит к тому,

что описание какой-либо сферы (чаще это касается индивидуально-психологических особенностей несовершеннолетних) представляет собой нагромождение отдельных, слабо связанных между собой характеристик, объединение которых в единую непротиворечивую и логичную систему представляется крайне затруднительным. Корректная интерпретация полученных результатов также предполагает обязательный учет психологом возможного психодиагностического потенциала конкретных методик. На практике данное требование часто нарушается. Например, в одном из представленных к анализу психологических заключений на основании результатов выполнения ребенком восьмицветового теста Люшера психологом делаются необоснованные выводы относительно характера его взаимоотношений с родителями.

Методология проведения экспертных психологических обследований несовершеннолетних предполагает строгое выполнение психологом экспертного задания, а именно формулирования ответов на все вопросы, поставленные перед ним судебными органами. В том случае, если специалист не может дать аргументированный ответ на какой-то экспертный вопрос, им должны быть приведены причины своего отказа. В психологических заключениях же очень часто встречается несовпадение содержания выводов заданным вопросам, либо полное игнорирование последних. В дополнение к этому выводы представляют собой ничем не подкрепленные субъективные суждения специалиста, а не тщательно изложенные и обоснованные результатами проведенного экспериментального исследования положения. Доказательный характер выводов психологического заключения обеспечивается тем, что они должны вытекать из феноменологии, содержащейся в описательной части заключения, которая в свою очередь подтверждается эмпирическими данными.

Весьма распространенным видом ошибок при составлении психологического заключения на детей и подростков являются **структурные** ошибки. Многочисленные заключения характеризуются отсутствием четкой и ясной структуры, непоследовательностью изложения, содержат логические противоречия. Представленные в них сведения хаотичны, страдают многочисленными повторами, содержат некорректную психологическую терминологию.

Однако наиболее удручающая картина складывается при смешении различных форм использования специальных психологических знаний в рамках гражданского судопроизводства. В таком случае одновременно могут наблюдаться несколько типов ошибок и нарушений. В качестве примера может быть рассмотрено проведение психологического обследования несовершеннолетних психологом в тех случаях, когда он выступает в качестве специалиста. Согласно ст. 188 ГПК РФ проведение специалистом самостоятельного исследования и установление на его основе причинно-следственных связей, имеющих правовое значение для принятия судебного решения, не предусмотрено [2]. Однако так называемые «заключения специалиста» часто фигурируют в качестве обоснования судебного решения, подменяя собой полноценное экспертное исследование.

Участие психологов в исследованиях, связанных с гражданским судопроизводством по семейным спорам о детях, предъявляет повышенные требования к специалистам в плане соблюдения ими **этико-деонтологических принципов**. Сюда относятся: независимость позиции психолога от мнений и оценок участников семейного спора и собственных предубеждений и установок, объективность и взвешенность оценок и решений, корректность и уважительное отношение к обследуемым, четкое и неукоснительное соблюдение границ собственной профессиональной компетенции и т.д.

Примером грубейшего нарушения этических принципов является случай, когда психолог в процессе обследования своими действиями намеренно провоцировал ребенка с целью вызвать у него агрессивные поведенческие и вербальные реакции в отношении одного из родителей, с тем чтобы таким образом аргументировать свой вывод о негативном влиянии этого родителя на ребенка и рекомендации полностью исключить общение с ним.

Заключение

Использование специальных познаний в области психологии в гражданском судопроизводстве при рассмотрении семейных споров о детях при разводе позволяет получить важные сведения, касающиеся как каждого из членов семьи, так и системы взаимоотношений между ними, которые могут быть учтены в ситуации принятия судебных решений. Вместе с тем сложившаяся практика деятельности психологов в данной области не может быть в целом признана удовлетворительной. С одной стороны, полную ответственность за качество психологических заключений в настоящее время целиком несет сам специалист. Такие регуляторы профессиональной деятельности психологов со стороны профессионального сообщества как этические комитеты, пока не приобрели достаточно широкого распространения. С другой стороны, серьезной проблемой, по-видимому, является отсутствие единых и однозначных критериев оценки судебными органами качества психологических заключений, приобщаемых к материалам гражданских дел. Экспертные исследования, которые показали большую достоверность и научную обоснованность, не всегда назначаются судами первой инстанции, что связано с особенностями функционирования гражданского судопроизводства. Поэтому решение вопроса о повышении качества деятельности психологов в данной области должно иметь комплексный характер. Прежде всего это касается определенных шагов с целью выработки четкой позиции органами судебного надзора за практикой рассмотрения гражданских дел по семейным спорам о детях по вопросам приобщения тех или иных документов к материалам гражданского дела и использования их в качестве доказательства при принятии судебных решений. Одновременно с этим необходимо принятие определенных мер, повышающих ответственность специалистов, участвующих в гражданских делах о защите интересов несовершеннолетних. Самостоятельной задачей должна стать дальнейшая разработка принципов использования специальных психологических познаний как в рамках экспертной, так и внеэкспертной деятельности

Литература

1. *Бурменская Г.В., Захарова Е.И., Карabanова О.А., Лебедева Н.Н., Лидерс А.Г.* Возрастно-психологический подход в консультировании детей и подростков. М.: МПСИ, 2007. 480 с.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, принят 14.11.2002 г. (в редакции от 07.03.2018 г.). [Электронный ресурс]. // URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 20.05.2018 г.).
3. *Захаров С.* Распространенность разводов с детьми. [Электронный ресурс] / Демоскоп URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php>) (дата обращения: 20.05.2018 г.).
4. *Макушкин Е.В., Дозорцева Е.Г., Бадмаева В.Д., Чибисова И.А., Терехина С.А., Ошевский*

- Д.С., Сыроквашина К.В.* Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза несовершеннолетних. Методические рекомендации / Москва: ФГУ «ГНЦССП Росздрава», 2011. 28 с.
5. *Мохонько А.Р., Макушкин Е.В., Муганцева Л.А.* Основные показатели деятельности судебно-психиатрической экспертной службы Российской Федерации в 2015 году: Аналитический обзор / Под ред. Е.В. Макушкина. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. Вып. 24. 212 с.
 6. *Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К.* Актуальные вопросы участия специалистов в судебных спорах о воспитании детей раздельно проживающими родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (дата обращения: 20.05.2018).
 7. *Сафуанов Ф.С., Александров М.Ф.* Использование психологических знаний в непроцессуальной форме при судебных спорах между родителями о воспитании ребенка/ Юридическая психология. 2011. № 4, С. 18 – 23.
 8. *Семаго Н.Я., Семаго М.М.* Теория и практика оценки психического развития ребенка. Дошкольный и младший школьный возраст. – СПб: Речь, 2010. 384 с.
 9. Семейный кодекс Российской Федерации (в редакции от 20.04.2015 г.) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (дата обращения: 20.05.2018 г.).
 10. *Терехина С.А., Ошевский Д.С.* Экспериментально-психологические методы обследования несовершеннолетних при производстве судебной экспертизы по гражданским делам о защите интересов ребенка, методические рекомендации // Психическое здоровье. 2012. № 11 (78). С. 10-18.
 11. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс] // URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения 20.05.2018).
 12. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (действующая редакция) // Система «Консультант плюс». [Электронный ресурс]. /URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (дата обращения: 20.05.2018).
 13. *Эльконин Д.Б.* К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопросы психологии, 1971. № 4, С. 6-20.

The problem of using psychological knowledge in family disputes over children in civil legal proceedings

Terekhina S.A., PhD (Psychology), Associate Professor, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Addiction» of the Ministry of Health of the Russian Federation (*svterek@gmail.com*)

Oshevsky D.S., PhD (Psychology), Associate Professor, Moscow State University of Psychology and Education, Federal State Budgetary Institution «V. Serbsky Federal Medical Research Centre for Psychiatry and Addiction» of the Ministry of Health of the Russian Federation Moscow (*oshevsky@serbsky.ru*)

The article is dedicated to the analysis of the problems occurring while using special psychological knowledge in civil legal proceedings of family disputes over children after divorce. Using civil cases and reviews on psychological evaluations done upon lawyers' requests the article shows that a major part of those evaluations is executed on a low professional level, doesn't meet necessary requirements which leads to their unsuitability as bases for making judicial decisions. The article identifies groups of typical mistakes of psychological evaluations of underage persons in the situation of family divorce. It also highlights in detail procedural and institutional, methodological, structural, and deontological mistakes. The article offers steps to change the practice of using psychological knowledge in civil legal proceedings of protecting child's interests after divorce.

Key words: psychological evaluation of underage, divorce, family disputes over children, child's interests, civil legal proceedings, judicial psychological evaluation, complex judicial psychological and psychiatric evaluation.

References

1. Burmenskaya G.V. et al. *Vozrastno-psihologicheskij podhod v konsul'tirovanii detej i podrostkov* [Age-psychological approach in counseling children and adolescents]. Moscow: Publ. MPSI, 2007. 480 p.
2. *Grazhdanskij processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii* (red. ot 07.03.2018). [The Civil and Procedure Code of Russian Federation] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.consultant.ru/document/Cons_doc_LAW_39570/ (Accessed 20.05.2018).
3. Zaharov S. *Rasprostranennost' razvodov s det'mi* [Elektronnyj resurs] [Prevalence of divorces with children]. *Demoskop Weekly*. 2013. № 545–546. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0545/tema04.php> (Accessed 20.05.2018).
4. Makushkin E.V. et al. *Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psihiatricheskaaya ehkspertiza*

nesovershennoletnih. Metodicheskie rekomendacii [Complex judicial psycho-psychiatric examination of minors]. Moscow: Publ. FGU «GNCSSP Roszdrava», 2011. 28 p.

5. Mohon'ko A.R., Makushkin E.V., Muganceva L.A. Osnovnye pokazateli deyatel'nosti sudebno-psihiatricheskoy ehkspertnoj sluzhby Rossijskoj Federacii v 2015 godu: Analiticheskij obzor [Key performance indicators of the forensic psychiatric expert service of the Russian Federation in 2015: Analytical review]. Moscow: Publ. FGBU «FMICPN im. V.P. Serbskogo» Minzdrava Rossii, 2016. Vyp. 24. 212 p.
6. Rusakovskaya O.A., Safuanov F.S., Haritonova N.K. Aktual'nye voprosy uchastiya specialistov v sudebnyh sporah o vospitanii detej razdel'no prozhivayushchimi roditelyami [Actual questions of the participation of specialists in litigious disputes about the upbringing of children by parents living separately]. [Elektronnyj resurs] *Psihologiya i pravo [Psychology and law]*, 2011. № 1. URL: <http://psyjournals.ru/psyandlaw/2011/n1/39325.shtml> (Accessed 20.05.2018).
7. Safuanov F.S., Aleksandrov M.F. Ispol'zovanie psihologicheskikh znanij v neprocessual'noj forme pri sudebnyh sporah mezhdru roditelyami o vospitanii rebenka [The use of psychological knowledge in non-procedural form in litigious disputes between parents on the upbringing of a child]. *Yuridicheskaya psihologiya. [Legal psychology]*, 2011. No.4, pp.18–23.
8. Semago N.YA., Semago M.M. Teoriya i praktika ocenki psihicheskogo razvitiya rebenka. Doshkol'nyj i mladshij shkol'nyj vozrast [Theory and practice of assessing a child's mental development. Preschool and primary school age]. SaintPetersburg: Publ. Rech', 2010. 384 p.
9. Semejnnyj kodeks Rossijskoj Federacii [Russian Federation Code of Russian Federation]. [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.consultant.ru/popular/family/> (Accessed 20.05.2018).
10. Terekhina S.A., Oshevskij D.S. Eksperimental'no-psihologicheskie metody obsledovaniya nesovershennoletnih pri proizvodstve sudebnoj ehkspertizy po grazhdanskim delam o zashchite interesov rebenka, metodicheskie rekomendacii [Experimental-psychological methods of examination of minors in the process of forensic examination in civil cases on the protection of the interests of the child, methodical recommendations]. *Psihicheskoe zdorov'e. [Mental health]*. 2012. Vol.11 (78). pp. 10-18.
11. Federal'nfaia sluzhba gosudarstvennoj statistiki [The Federal State Statistics Service] [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (Accessed 20.05.2018).
12. Federal'nyj zakon ot 31 maya 2001 g. № 73-FZ «O gosudarstvennoj sudebno-ehkspertnoj deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii. [Elektronnyj resurs] [The Federal Law «On State forensic activities in the Russian Federation»]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_31871/ (Accessed 20.05.2018).
13. El'konin D.B. K probleme periodizacii psihicheskogo razvitiya v detskom vozraste [To the problem of periodization of mental development in childhood]. *Voprosy psihologii [Psychology issues]*, 1971, no.4, pp.6-20.

Способность несовершеннолетних правонарушителей к принятию решений в рамках оценки уголовно-процессуальной дееспособности

Федонкина А.А., научный сотрудник, ФГБУ «НМИЦ ПН им. В.П. Сербского» Минздрава РФ (afedonkina@gmail.com)

В статье представлены различные подходы к вопросу определения способности несовершеннолетних к принятию решений. Актуальность исследования данной проблематики обусловлена сложностью оценки уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетних обвиняемых. В статье описаны взгляды зарубежных и отечественных исследователей на вопрос о способности принятия решений и ее связи с личностными особенностями, представлены различные классификации стилей принятия решений. Рассматриваются нейропсихологические аспекты способности к принятию решений и ее формирования на разных возрастных этапах. Несмотря на большое количество работ в данной сфере, интегративный подход к исследованию способности к принятию решений несовершеннолетними правонарушителями, охватывающий как когнитивные, так и личностные аспекты, в настоящее время в литературе не представлен. Всестороннее ознакомление с теоретическими подходами к исследованию вопроса необходимо для дальнейшего формирования целостного концептуального подхода к изучению проблемы способности принятия решений несовершеннолетними правонарушителями.

Ключевые слова: принятие решений, несовершеннолетние правонарушители, уголовно-процессуальная дееспособность.

Для цитаты:

Федонкина А.А. Способность несовершеннолетних правонарушителей к принятию решений в рамках оценки уголовно-процессуальной дееспособности. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018(8). №2. С. 165-177. doi: 10.17759/psylaw.2018080213

For citation:

Fedonkina A.A. The ability of juvenile offenders to take decisions in the context of assessing criminal procedural capacity. [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2018(8), no. 2, pp. 165-177.

doi: 10.17759/psylaw.2018080213

Исследование проблемы привлечения несовершеннолетнего правонарушителя к уголовной ответственности связано с определением как предпосылок его способности к осознанной волевой регуляции своей деятельности при совершении конкретного деликта, так и способности осознавать свой процессуальный статус, использовать право на защиту, предстать перед судом [1]. В отношении совершеннолетних правонарушителей данные аспекты рассматриваются в связи с проблемами психического здоровья [3; 4], однако применительно к подросткам большое значение имеет фактор нарушенного развития [5]. На уголовно-процессуальную дееспособность подростка может оказывать влияние и личностная незрелость непатологического характера. В связи с этим, в решении проблемы уголовно-процессуальной дееспособности несовершеннолетних правонарушителей особую роль играет комплексный психолого-психиатрический подход.

Судебно-психиатрический подход к исследованию уголовно-процессуальной дееспособности предполагает понимание человеком характера и значения уголовного судопроизводства, а также своего процессуального положения. Необходимым условием является также способность к самостоятельному совершению действий, направленных на реализацию процессуальных прав и обязанностей [14]. Указанный юридический критерий состоит из интеллектуального и волевого и требует для содержательного наполнения психологического обоснования, основу которого составляет регулятивный подход [11; 12; 13]. Выделены смысловой и целевой уровни саморегуляции, находящиеся в иерархической взаимосвязи. Целевой уровень отражает организацию деятельности и включает такие звенья, как планирование, моделирование, программирование, оценка результатов собственных действий [2]. При решении привычных задач человек руководствуется сформированными правилами, необходимость решения «задачи на смысл», принятия осознанного волевого решения возникает при рассогласованности правил, стандартов и поведения, а также в новой непривычной среде, которой может стать судебно-следственная ситуация [5; 14]. Таким образом, распознавание судебно-следственной ситуации как сложной и проблемной происходит при соотнесении её с системой личностных смыслов человека, что предполагает в достаточной степени сформированный и сохранный смысловой уровень саморегуляции.

Для подростков характерна недостаточность смыслового уровня саморегуляции в том числе в силу слабой сформированности личностной сферы. Решения, в том числе значимые для уголовно-процессуальной дееспособности, часто принимаются на более низких уровнях. Для исследования обозначенных процессов важно использовать работы в области принятия решений.

В настоящее время степень влияния личностной незрелости на уголовно-процессуальную дееспособность до конца не изучена. Некоторые исследователи предполагают, что в возрасте 15 лет большинство подростков с нормативным развитием обладают способностью адекватно понимать и принимать решения так же, как и взрослые [26; 30]. Однако некоторые несовершеннолетние правонарушители, не демонстрирующие явных признаков нарушенного развития, могут быть недостаточно компетентны в вопросах уголовно-процессуальной системы из-за естественной личностной незрелости. Отдельные исследователи изучали, в какой степени уровень зрелости несовершеннолетних может повлиять на возможность их участия в судопроизводстве на различных этапах [20; 26; 36]. Одним из аспектов, влияющих на уголовно-процессуальную

компетентность подростка, является способность к принятию решений, которая в силу личностной незрелости может быть существенно снижена.

В современном обществе человеку необходимо уметь не только осознанно ставить перед собой цели и настойчиво их добиваться, но и гибко изменять стратегии своего поведения в соответствии с динамикой окружающей среды. Подростковый возраст является одновременно периодом активного развития личностной сферы, в котором формируются такие умения, и весьма уязвимым этапом взросления. По мере того, как у подростков формируется зрелая личность, они должны развивать и применять навыки, необходимые для ориентации в требованиях социума и эффективного взаимодействия с окружающим миром. Для подростков решение таких задач представляет сложность в силу слабой сформированности личностной сферы, незрелости суждений, недостаточной способности к регуляции своего поведения [21; 27]. Мозг подростка продолжает развиваться, и существует расхождение между «когнитивной компетентностью» подростков и их слабой способностью использовать эту компетентность в повседневном принятии решений [32]. Для подросткового возраста свойственен импульсивный характер принятия решений и склонность к рискованному поведению, которые могут приводить к совершению противоправных действий, а впоследствии – ограничивать способность продуктивно участвовать в уголовно-процессуальных действиях. Такие особенности являются результатом не оконченого процесса формирования мозга у подростков, а соответственно, личностной незрелости и, в свою очередь, связано со слабо сформированными способностями к принятию решений [17].

Исследование способности к принятию решений у подростков является важной и актуальной задачей для специалистов. Существуют различные концепции, определяющие, какие факторы влияют на эту способность и как происходит её формирование.

Важным аспектом, влияющим на способность к принятию решений, являются интеллектуальные возможности. Способность к обработке, анализу, информации, скорость протекания этих процессов играют важную роль в том, насколько эффективным, адекватным и быстрым будет принятие необходимого решения. Сниженный интеллектуальный уровень не позволяет в достаточной степени оценивать внешнесредовые условия, собственные возможности и прогнозировать последствия совершаемых поступков. У подростков при достаточных потенциальных способностях актуальный уровень может быть невысоким, что связано и с социальными аспектами развития, и с естественной слабой сформированностью мозговых структур. Одним из аспектов изучения способности к принятию решений является нейропсихологический подход [24; 29]. Актуальные модели предполагают, что рискованное и необдуманное поведение подростков является следствием повышенной чувствительности в нижней медиальной префронтальной коре и прилежащем ядре, наряду с незрелыми способностями к когнитивному контролю [37]. Важной теоретической концепцией, которая помогает понять, как на операциональном уровне формируется способность к регуляции деятельности, является теория функциональных блоков мозга [7; 8; 9].

Согласно общей структурно-функциональной модели мозга, разработанной А.Р. Лурия (1973), весь мозг может быть разделен на три основных блока, характеризующихся определенными особенностями строения и ролью в исполнении психических функций. Способность к организации деятельности, а соответственно, и принятию решений, непосредственно связана с работой третьего блока головного мозга – программирования, регуляции и контроля за протеканием психической деятельности. Третий блок головного

мозга включает моторные, премоторные и префронтальные отделы коры лобных долей мозга. Основной целью работы блока является формирование планов действий, создание программы психического акта и раскрытие последовательности исполнения его во времени в реальном поведении. Это уровень произвольной саморегуляции, самостоятельного, активного программирования, в том числе и прогнозирования результатов, протекания любого психического процесса и своего поведения в целом [10; 15].

Таким образом, способность субъекта к организации, регуляции своей деятельности, принятию решений формируется в онтогенезе и связана с функционированием и сформированностью лобных отделов головного мозга. В подростковом возрасте головной мозг находится в процессе формирования, и более слабая по сравнению со взрослым способность регуляции своей деятельности является естественной. В то же время при нарушении функционирования данных областей мозга в силу органического поражения или иных расстройств способность к регуляции своей деятельности, а соответственно, и принятию человеком решений может быть существенно снижена. Данные обстоятельства указывают на необходимость исследования способности подростков к организации и планированию собственной деятельности, в том числе, на операциональном уровне. Выраженные нарушения способности к организации собственной деятельности у подростка могут вести к трудностям ориентации в судебно-следственной ситуации и, соответственно, сниженной уголовно-процессуальной компетентности. Для исследования описанных процессов представляется эффективным использование методик нейропсихологической диагностики, позволяющих оценить сформированность регуляторных функций.

Достаточная общая способность к организации своей деятельности не обязательно свидетельствует о сформированной способности к принятию решений. Важным этапом оценки этой способности в рамках уголовно-процессуальной компетентности является исследование наиболее типичных стилей принятия решений, оценка их эффективности.

Определения понятия «принятие решений» разнообразны и опираются на различные концепции и области деятельности изучавших его исследователей. D.C. Miller и J.P. Byrnes (2001) определили процесс принятия решений как процедуру выбора между различными альтернативами при достижении определенной цели. Особенности принятия решений различаются в зависимости от эффективности их процесса и результата и зависят от свойств личности. Стиль принятия решений – типичная модель, используемая индивидуумом для решения задач [22; 27]. С помощью изучения стиля принятия решений можно понять, почему человек, сталкиваясь с идентичными ситуациями, использует разные процессы принятия решений. S.G. Scott и R.A. Bruce (1995) определили стиль принятия решений как привычный паттерн реагирования в определенной ситуации в соответствии с конкретным контекстом, в котором это решение должно быть принято. M. Driver, K. Brousseau et al. (1990) полагают, что стиль принятия решений определяется количеством собранной информации и количеством альтернатив, рассматриваемых при принятии решения. Стиль принятия решений не только отражает привычные методы мышления, но также включает в себя самооценку и общую способность инициировать и поддерживать намерения, то есть способность к саморегуляции [35].

Многие исследователи в своих работах уделяют особое внимание связи между личностью и принятием решений, предполагают существование различных типологий стиля принятия решений [18; 24]. Согласно модели V.A. Harren (1979), существуют три

разных стиля: рациональный (принятие решений с использованием рациональности), зависимый (принятие решений с помощью мнения и ожиданий другого) и интуитивный (принятие решений на основе чувств и эмоций). S.D. Phillips, N.Y. PaziENZA (1984) добавили к этой модели стиль избегания (тенденцию избегать или отложить принятие решений). A.J. Rowe, R.O. Mason (1987) выделили четыре стиля принятия решений на основе «когнитивной компетентности» и ценностных ориентаций: поведенческий (коммуникабельность и дружелюбие), концептуальный (проницательность, адаптивность и гибкость), аналитический (интеллектуальная компетентность и ориентация на контроль) и директивный (практичность, авторитарность и ориентация на власть). L. Mann, R. Harmoni et al. (1989) предложили пять различных стилей принятия решений: уверенный (оптимистичность и уверенность в своих собственных решениях), бдительный (взвешивание всех вариантов перед принятием решений), панический (беспокойство в процессе принятия решений), уклончивый (стремление откладывать решения) и «благодарный» (неспособность к решению проблем и стремление следовать рекомендациям других). Исследователями были выделены несколько когнитивных аспектов принятия решений как показателей компетентности. Определены такие аспекты, как способность делать выбор, способность к осмыслению информации, креативность, способность к компромиссу, последовательность, корректность, надежность, согласованность и целеустремленность. C. Dewberry M. Juanchich et al. (2013) утверждают, что компетентность в принятии решений в повседневной жизни связана с определенными стилями принятия решений. В своем исследовании авторы оценивали результаты методик, направленных на исследование компетентности принятия решений, стилей принятия решений, когнитивных стилей и личностных особенностей на основе теории «Большой пятерки». Результаты показали, что стили принятия решений и личность в совокупности составляют вариативность повседневной компетентности в принятии решений.

S.G. Scott, R.A. Bruce (1995), разработали опросник под названием «Общий стиль принятия решений» (GDMS), который оценивает пять различных стилей принятия решений: рациональный, интуитивный, зависимый, избегающий и спонтанный. Принятие решений охватывает многие когнитивные процессы, такие, как сбор и обработка информации, решение проблем, особенности суждений, память и обучаемость. R. Baiocco, F. Laghi (2009) провели исследование школьников подросткового и юношеского возраста с помощью опросника GDMS. Результаты показывают, что примерно к 16 годам многие подростки демонстрируют достаточный уровень компетентности в метакогнитивном понимании процесса принятия решений, творческом решении проблем, правильности выбора и верности определенному направлению деятельности. Подростки младшего возраста (12-14 лет) в меньшей степени способны формировать альтернативные варианты, выявлять широкий спектр рисков и выгод, предвидеть последствия альтернативных решений и верно оценивать достоверность информации. Данных о возрастных различиях в таких аспектах, как готовность делать выбор, разрабатывать компромиссные решения и делать логичный выбор, выявлено не было. Таким образом, исследователи обосновывают эволюционный подход к использованию различных стилей принятия решений: юноши (17-19 лет) применяют более рациональный стиль принятия решений, чем подростки (14-16 лет), и менее склонны к использованию интуитивного, избегающего и спонтанного стилей. Рациональный стиль принятия решений более характерен для несовершеннолетних с внутренним локусом контроля, такие подростки менее склонны использовать избегающий и зависимый стили.

D. Kahneman (2003) исследовал когнитивные и психофизические детерминанты выбора в ситуациях, связанных с риском, и при его отсутствии. Он выдвинул предположение о существовании двух систем, обуславливающих принятие решений и различающихся по структуре. Первая система – быстрая, автоматическая, бессознательная, в структуру данной системы можно включить условный рефлекс. Вторая система – целенаправленная и произвольная, частью этой системы является целенаправленное поведение. Суждения и намерения, как правило, интуитивно понятны и могут быть изменены или переопределены в более целенаправленный режим функционирования.

Процесс принятия решений является сложным актом, который задействует, с одной стороны, многие когнитивные процессы, а с другой – требует определенной личностной зрелости. В подростковом возрасте личностная сфера находится на этапе формирования, так же, как и отдельные мозговые структуры. Стили принятия решений, как правило, основываются на личностных особенностях индивида. Как отмечалось ранее, стиль принятия решений – привычный паттерн реагирования в определенной ситуации в соответствии с конкретным контекстом, в котором это решение должно быть принято. Стили принятия решений могут быть более зрелыми и эффективными (рациональный стиль) и менее зрелыми (интуитивный, зависимый). Взрослый человек, как правило, использует в повседневной жизни несколько стилей принятия решений в зависимости от конкретной ситуации, но, в то же время, есть наиболее типичный и часто используемый. Для подростков характерно использование менее эффективных стилей принятия решений ограниченный выбор поведенческих стратегий. В судебно-следственной ситуации уголовно-процессуальная компетентность таких подростков может быть снижена.

Конкретное описание различных уровней способности несовершеннолетних к принятию решений в юридически значимой ситуации является важной задачей как для научной, так и для практической деятельности. Определение компетентности и стиля принятия решений могут лечь в основу конкретных критериев оценки когнитивного и личностного аспектов уголовно-процессуальной дееспособности подростка, что имеет большое значение для практической деятельности эксперта-психолога в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. В дальнейших исследованиях планируется формирование методического аппарата и сбор эмпирических данных для решения поставленных задач.

Литература

1. Бадмаева В.Д., Дозорцева Е.Г., Макушкин Е.В. К проблеме оценки уголовно-процессуальной дееспособности у несовершеннолетних обвиняемых // *Российский психиатрический журнал*. 2015. №4. С. 4-10.
2. Братусь Б.С. Аномалии личности. М.: Мысль, 1988. 301 с.
3. Горинов В.В., Королева Е.В. Судебно-психиатрическая оценка психических расстройств при определении процессуальной дееспособности обвиняемых// *Журн. соц. и клин. психиатр.* 1996. № 3. С.83-88.
4. Горинов В.В. Цехмистро О.Ю. Уголовно-процессуальная дееспособность обвиняемых с психическими расстройствами: Аналитический обзор. М.: РИО ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава», 2006. 40 с.
5. Дозорцева Е.Г. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза

- несовершеннолетнего обвиняемого // *Медицинская и судебная психология*. М., 2005. С. 480-505.
6. *Лурия А.Р.* Л.С. Выготский и проблема локализации функций // *Вопросы психологии*. 1996. № 6. С. 55-61.
 7. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции. 2-е изд. М.: Изд. МГУ, 1969. 432 с.
 8. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М.: Академия, 2008, 372 с.
 9. *Макушкин Е.В.* Понятие уголовно-процессуальной дееспособности обвиняемых подростков. // *Клиническая и подростковая судебная психиатрия* / В.А. Гурьева, Т.Б. Дмитриева, Е.В. Макушкин и др.; под ред. В.А. Гурьевой. М.: ООО «Медицинское информационное агентство», 2007. С. 304-319.
 10. *Семенович А.В.* Нейропсихологическая коррекция в детском возрасте. Метод замещающего онтогенеза. М.: Генезис, 2008, 474 с.
 11. *Ткаченко А.А.* Экспертное судебно-психиатрическое исследование: подготовительная и аналитическая стадии // *Российский психиатрический журнал*. 2005. № 4. С. 44-50.
 12. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В.* Полоролевая идентичность у лиц с парафилиями // *Журнал неврологии и психиатрии им. С.С. Корсакова*. 1999. № 2. С. 39-42.
 13. *Ткаченко А.А., Дворянчиков Н.В., Герасимов А.В.* Некоторые механизмы гомицидного садистического поведения // *Российский психиатрический журнал*. 2000. №5. С. 26-31.
 14. *Ткаченко А.А., Корзун Д.Н., Усюкина М.В., Самылкин Д.В., Харитоненкова Е.Ю.* Судебно-психиатрическая оценка уголовно-процессуальной дееспособности // *Судебно-психиатрическая диагностика*. М.: НМИЦПН им. В.П. Сербского, 2017. С. 412-471.
 15. *Хомская Е.Д.* Нейропсихология: Учебник для вузов. СПб.: Питер, 2011, 496 с.
 16. *Baiocco R., Laghi F.* Decision-making style among adolescents: Relationship with sensation seeking and locus of control // *Journal of Adolescence*. 2009. no. 32. pp. 963-976.
 17. *Baskir L.R.* Cognitive impulsivity and behavioral problems in adolescents // *ETD Collection for Fordham University*, 2006 <https://fordham.bepress.com/dissertations/AAI3216904>
 18. *Brew F.P., Hesketh B., Taylor A.* Individualistic collectivist differences in adolescent decision making and decision styles with Chinese and Anglos // *International Journal of Intercultural Relations*. 2001. no.25. pp. 1-19.
 19. *Cauffman E., Steinberg L.* Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults // *Behavioral Sciences and the Law*. 2000. no.18. pp. 741-760.
 20. *Chien J., Coker K. L., Parke S. et. al.* Predictors of competency to stand trial in connecticut's inpatient juvenile competency restoration program // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. V 44 no. 4. pp. 451-456.
 21. *Dewberry Ch., Juanchich M., Narendran S.* Decision-making competence in everyday life: The roles of general cognitive styles, decision-making styles and personality //

- Personality and Individual Differences. 2013. Vol. 55 Is. 7. pp. 783-788.
22. *Driver M.J.* Individual decision making and creativity // In *Organizational behavior / Kerr S.* Columbus: Grid Publishing., 1979. pp. 59-91.
 23. *Driver M.J., Brousseau K.E., Hunsaker P.L.* The dynamic decision maker. New York: Harper & Row, 1990, 378 p.
 24. *Franken I.H.A., Muris P.* Individual differences in decision making // *Personality and Individual Differences*. 2005. no. 39. pp. 991-998.
 25. *Fellows L.K.* The cognitive neuroscience of human decision making: a review and conceptual framework // *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*. 2004. no. 3. pp.159-172.
 26. *Grisso T., Steinberg L., Woolard J. et. al.* Juveniles' Competence to Stand Trial: A Comparison of Adolescents' and Adults' Capacities as Trial Defendant // *Law and Human Behavior*. 2003. Vol. 27 no. 4. pp. 333 -364.
 27. *Harren V.A.* A model of career decision making for college students // *Journal of Vocational Behavior*. 1979. no. 14. pp. 119-133.
 28. *Heilbrun K.* Juvenile justice: evaluations of competence and transfer/ reverse transfer. The American Academy of Forensic Psychology: Intensive Review Workshop (Advanced). Albuquerque NM, 2011. 22 p.
 29. *Kahneman D., Tversky A.* The rational choice, values and frames // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2003. no. 24 (4). pp. 31-42.
 30. *Larson K., Grisso T.* Developing Statutes for Competence to Stand Trial in Juvenile Delinquency Proceedings: A Guide for Lawmakers. Models for Changes. Systems of Reform for Juvenile Justice // *National Youth Screening & Assessment Projects*, 2011 (Электронный ресурс) <http://www.ncsl.org/documents/cj/larsonhandout.pdf> (дата обращения 20.03.2018).
 31. *Lidz C., Elliott J.* Dynamic Assessment: Prevailing Models and Applications // *Advances in Cognition and Educational Practice V.6.* Elsevier Science, 2000. 713 p.
 32. *Louboutin J., Gardner M.* Decision-making in adolescents: Neuroanatomical basis and consequences for cognitive competence and risk-taking behaviors // In book: *Psychology of Judgment*, Chapter 1 / P. Braschi. N.Y.: Nova Science Publishers, 2013. pp. 1-46.
 33. *Mann L., Harmoni R., Power C.* Adolescent decision-making: the development of competence // *Journal of Adolescence*. 1989. Vol.12 Is. 3. pp. 265-278.
 34. *Miller D.C., Byrnes J.P.* Adolescents' decision making in social situations. A self-regulation perspective // *Applied Developmental Psychology*. 2001. no. 22. pp. 237-256.
 35. *Phillips S.D., PaziENZA N.Y., Ferrin, H.H.* Decision making styles and problem solving appraisal // *Journal of Counseling Psychology*, 1984. no. 31. pp. 497-502.
 36. *Rowe A.J., Mason R.O.* Managing with style: A guide to understanding, assessing, and improving decision making. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
 37. *Scott S.G., Bruce R.A.* Decision-making style: the development and assessment of a new measure // *Educational and Psychological Measurement*. 1995. no. 55. pp. 818-831.

38. *Thunholm P.* Decision-making style: habit, style or both? // *Personality and Individual Differences*, 2004. Vol. 36, Is. 4. pp. 931-944.
39. *Tuinstra J., Sonderen F.L.P., Groothoff J.W. et. al.* Reliability, validity and structure of the adolescent decision making questionnaire among adolescents in the Netherlands // *Personality and Individual Differences*, 2000. no. 28. pp. 273-285.
40. *Vaidya A.R., Fellows L.K.* The neuropsychology of decision-making // In book: *Decision neuroscience / Montreal: Montreal Neurological Institute, McGill University, 2017. pp. 277-289.*

The ability of juvenile offenders to take decisions in the context of assessing criminal procedural capacity

Fedonkina A.A., Research Associate, V. Serbsky NMRCPN (afedonkina@gmail.com)

The article presents various approaches to the issue of determining the ability of juvenile offenders to make decisions. The relevance of the study of this problem is due to the complexity of assessing the criminal procedural capacity of juvenile defendants. The article describes the views of foreign and domestic researchers on the issue of the ability to make decisions and its relationship to personal characteristics, presents various classifications of decision-making styles. Neuropsychological aspects of the ability to make decisions and its formation at different age stages are considered. Despite a large number of works in this area, an integrative approach to the study of the ability to make decisions by juvenile offenders, covering both cognitive and personal aspects, is not currently available in the literature. Comprehensive acquaintance with theoretical approaches to the study of the issue is necessary for the further development of a holistic conceptual approach to the study of the problem of the ability to make decisions by juvenile offenders.

Key words: decision-making, juvenile delinquents, criminal procedural capacity.

References

1. Badmaeva V.D., Dozorcheva E.G., Makushkin E.V. K probleme ocenki ugovovno-processual'noj deesposobnosti u nesovershennoletnih obvinyaemyh [To the problem of assessing the criminal procedural capacity for juvenile defendants] // Rossijskij psichiatricheskij zhurnal [Russian psychiatry journal]. 2015. no. 4. pp. 4-10.
2. Bratus' B.S. Anomalii lichnosti [Anomalies of personality]. M.: Publ. Mysl', 1988. 301 p.
3. Gorinov V.V., Koroleva E.V. Sudebno-psichiatricheskaya ocenka psihicheskikh rasstrojstv pri opredelenii processual'noj deesposobnosti obvinyaemyh [Judicial-psychiatric evaluation of mental disorders in determining the procedural capacity of the accused]. *Zhurn. soc. i klin. Psichiatr* [Journal of social and clinical psychiatry]. 1996. no. 3. pp. 83-88.
4. Gorinov V.V., Cekhmiro O.Yu. Ugovovno-processual'naya deesposobnost' obvinyaemyh s psihicheskimi rasstrojstvami: Analiticheskij obzor [Criminally-procedural capacity of accused with mental disorders: Analytical review]. M.: Publ. RIO FGU «GNC SSP Roszdrava», 2006. 40 p.
5. Dozorcheva E.G. Kompleksnaya sudebnaya psihologo-psichiatricheskaya ehkspertiza nesovershennoletnego obvinyaemogo [Comprehensive forensic psycho-psychiatric

- examination of a minor accused] // *Medicinskaya i sudebnaya psihologiya [Medical and forensic psychology]*. М., 2005, pp. 480-505.
6. Luriya A.R. L.S. Vygotskij i problema lokalizacii funkcij [Vygotsky and the problem of localization of functions] // *Voprosy psihologii [Psychology issue]*. 1996. no. 6. pp. 55–61.
 7. Luriya A.R. Vysshie korkovye funkicii [Higher cortical functions]. Second edition. М.: Publ. Ed. MGU, 1969. 432 p.
 8. Luriya A.R. Osnovy nejropsihologii [Fundamentals of neuropsychology]. М.: Publ. Akademiya, 2008. 372 p.
 9. Makushkin E.V. Ponyatie ugolovno-processual'noj deesposobnosti obvinyaemyh podrostkov [The concept of criminal procedural capacity of accused teenagers] // *Klinicheskaya i podrostkovaya sudebnaya psihiatriya [Clinical and forensic psychiatry]* In Gur'evs V.A. (eds.). М.:Publ. Medicinskoe informacionnoe agentstvo, 2007, pp. 304-319.
 10. Semenovich A.V. Vvedenie v nejropsihologiyu detskogo vozrasta [Introduction to neuropsychology of childhood]. М.: Publ. Genesis, 2008. 50 p.
 11. Tkachenko A.A. Ekspertnoe sudebno-psihiatricheskoe issledovanie: podgotovitel'naya i analiticheskaya stadia [Expert forensic psychiatric study: preparatory and analytical stages] // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian psychiatry journal]*. 2005. no. 4. pp. 44-50.
 12. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V. Polorolevaya identichnost' u lic s parafiliyami [Sexual identity in persons with paraphilias] // *Zhurnal nevrologii i psihiatrii im. S.S. Korsakova [Journal of neurology and psychiatry named after Korsakov S.S.]*. 1999. no. 2. pp. 39-42.
 13. Tkachenko A.A., Dvoryanchikov N.V., Gerasimov A.V. Nekotorye mekhanizmy gomicidnogo sadisticheskogo povedeniya [Some mechanisms of homicidal sadistic behavior] // *Rossijskij psihiatricheskij zhurnal [Russian psychiatry journal]*. 2000. no.5. pp. 26-31.
 14. Tkachenko A.A., Korzun D.N., Usyukina M.V. et. al. Sudebno-psihiatricheskaya ocenka ugolovno-processual'noj deesposobnosti [Judicial-psychiatric assessment of criminal procedural capacity] // *Sudebno-psihiatricheskaya diagnostika [Forensic psychiatric diagnosis]*. М.: Publ. NMICPN im. V.P. Serbskogo, 2017. pp. 412-471.
 15. Homskaya E.D. Nejropsihologiya: Uchebnik dlya vuzov [Neuropsychology: A Textbook for High Schools]. SPb.: Publ. Piter, 2011. 496 p.
 16. Baiocco R., Laghi F. Decision-making style among adolescents: Relationship with sensation seeking and locus of control // *Journal of Adolescence* . 2009. no. 32. pp. 963-976.
 17. Baskir L.R. Cognitive impulsivity and behavioral problems in adolescents // *ETD Collection for Fordham University*, 2006 <https://fordham.bepress.com/dissertations/AAI3216904>
 18. Brew F.P., Hesketh B., Taylor A. Individualistic collectivist differences in adolescent decision making and decision styles with Chinese and Anglos // *International Journal of Intercultural Relations*. 2001. no.25. pp. 1-19.

19. Cauffman E., Steinberg L. Immaturity of judgment in adolescents: why adolescents may be less culpable than adults // *Behavioral Sciences and the Law*. 2000. no.18. pp. 741–760.
20. J. Chien, K. L. Coker, S. Parke, N. Tejani, R. A. Sirken, Ch. Sanchez-Jaquez, F. Rausch, M. W. Azeem Predictors of competency to stand trial in connecticut’s inpatient juvenile competency restoration program // *The Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*. V 44 no. 4. pp. 451-456.
21. Dewberry Ch., Juanchich M., Narendran S. Decision-making competence in everyday life: The roles of general cognitive styles, decision-making styles and personality // *Personality and Individual Differences*. 2013. Vol. 55 Is. 7. pp. 783-788.
22. Driver M.J. Individual decision making and creativity // *In Organizational behavior* / Kerr S. Columbus: Grid Publishing., 1979. pp. 59-91.
23. Driver M.J., Brousseau K.E., Hunsaker P.L. *The dynamic decision maker*. New York: Harper & Row, 1990, 378 p.
24. Franken I.H.A., Muris P. Individual differences in decision making // *Personality and Individual Differences*. 2005. no. 39. pp. 991-998.
25. Fellows L.K. The cognitive neuroscience of human decision making: a review and conceptual framework // *Behavioral and Cognitive Neuroscience Reviews*. 2004. no. 3. pp.159–172.
26. Grisso T., Steinberg L., Woolard J., Cauffman E., Scott E., Graham S., Lexcen F., Repucci N.D., Schwartz R. Juveniles’ Competence to Stand Trial: A Comparison of Adolescents’ and Adults’ Capacities as Trial Defendant // *Law and Human Behavior*. 2003. Vol. 27. no. 4. pp. 333 - 364.
27. Harren V.A. A model of career decision making for college students // *Journal of Vocational Behavior*. 1979. no. 14. pp. 119-133.
28. Heilbrun K. Juvenile justice: evaluations of competence and transfer/ reverse transfer. *The American Academy of Forensic Psychology: Intensive Review Workshop (Advanced)*. Albuquerque NM, 2011. 22 p.
29. Kahneman D., Tversky A. The rational choice, values and frames // *Psikhologicheskii zhurnal*. 2003. no. 24 (4). pp. 31-42.
30. Larson K., Grisso T. *Developing Statutes for Competence to Stand Trial in Juvenile Delinquency Proceedings: A Guide for Lawmakers. Models for Changes. Systems of Reform for Juvenile Justice* // *National Youth Screening & Assessment Projects, 2011 (Электронный ресурс)* <http://www.ncsl.org/documents/cj/larsonhandout.pdf> (Accessed 20.03.2018).
31. Lidz C., Elliott J. *Dynamic Assessment: Prevailing Models and Applications* // *Advances in Cognition and Educational Practice* V.6. Elsevier Science, 2000. 713 p.
32. Louboutin J., Gardner M. Decision-making in adolescents: Neuroanatomical basis and consequences for cognitive competence and risk-taking behaviors // *In book: Psychology of*

Judgment, Chapter 1 / P. Braschi. N.Y.: Nova Science Publishers, 2013. pp. 1-46.

33. Mann L., Harmoni R., Power C. Adolescent decision-making: the development of competence // *Journal of Adolescence*. 1989. Vol.12 Is. 3. pp. 265-278.
34. Miller D.C., Byrnes J.P. Adolescents' decision making in social situations. A self-regulation perspective // *Applied Developmental Psychology*. 2001. no. 22. pp. 237-256.
35. Phillips S.D., Paziienza N.Y., Ferrin, H.H. Decision making styles and problem solving appraisal // *Journal of Counseling Psychology*, 1984. no. 31. pp. 497-502.
36. Rowe A.J., Mason R.O. *Managing with style: A guide to understanding, assessing, and improving decision making*. San Francisco: Jossey-Bass, 1987.
37. Scott S.G., Bruce R.A. Decision-making style: the development and assessment of a new measure // *Educational and Psychological Measurement*. 1995. no. 55. pp. 818-831.
38. Thunholm P. Decision-making style: habit, style or both? // *Personality and Individual Differences*, 2004. Vol. 36, Is. 4. pp. 931-944.
39. Tuinstra J., Sonderen F.L.P., Groothoff J.W., van den Heuvel W.J.A., Post D. Reliability, validity and structure of the adolescent decision making questionnaire among adolescents in the Netherlands // *Personality and Individual Differences*, 2000. no. 28. pp. 273-285.
40. Vaidya A.R., Fellows L.K. The neuropsychology of decision-making // In book: *Decision neuroscience* / Montreal: Montreal Neurological Institute, McGill University, 2017. pp. 277-289.